

Сергей Константинов
«По полю танки грохотали...». «Попаданцы» против
«Тигров»

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Сергей Константинов

«ПО ПОЛЮ ТАНКИ ГРОХОТАЛИ...»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4991340

«Константинов С. «По полю танки грохотали...» «Попаданцы» против «Тигров»»:
Яуза, Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-61503-2

Аннотация

Машина пламенем объята,
Вот-вот рванет боекомплект.
А жить так хочется, ребята.
И вылезать уж мочи нет.

Все танкисты попадают в рай – потому что умирают адски, сгорая заживо. Все «попаданцы» надеются изменить ход истории, пусть даже это выше человеческих сил, – но ведь в дизеле «тридцатьчетверки» 500 л.с.

Из компьютерной игры – на Великую Отечественную! От экрана ноутбука – за башенный прицел, в перекрестие которого уже вползает бронированная туша «Тигра». Из танкового симулятора – в боевое отделение реального танка, будь то прославленный «расейняйский» KV, в одиночку остановивший целую танковую группу Вермахта, ленд-лизовский «Валентайн», серийный Т-34 или самодельный одесский эрзац-танк на тракторном шасси, вошедший в историю как «НИ» – «На испуг!».

Сергей Константинов «По полю танки грохотали...» «Попаданцы» против «Тигров»

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа постоянным участникам форума «В Вихре Времен» (forum.atahrov.ru) Константину Щелкову, Николаю Пакулину, Александру Кулькину, Александру Воронкову, Сергею Акимову, Андрею Колганову, Борису Каминскому, Николаю Тоскину, Евгению Попову, Сергею Кокорину и всем другим, пожелавшим остаться неизвестными.

Отдельная благодарность – Андрею Туробову за титанический труд по вычитке текста, Алексею Махрову – за конструктивную критику, Ольге Амбарцумовой – за высказанные замечания и поддержку. Особую благодарность автор выражает Олегу Таругину – за помощь в написании отдельных эпизодов, а самое главное – за моральную поддержку, благодаря которой эта книга вообще состоялась.

Авторское предисловие

При написании этой книги автор использовал воспоминания о реальных событиях реальных участников Великой отечественной войны. В тексте книги имена реальных участников событий из этических соображений изменены, однако автор считает необходимым упомянуть и настоящие имена героев, отдавших свою жизнь за Родину.

Так, эпизод, посвященный сражению в Ровно 28 июня 1941 года, написан на основе найденных записей П. Абрамова и А. Голикова. В книге они выведены под именами Василий Оськин и Михаил Петров.

Эпизод, посвященный противостоянию танка KV танковой группе полковника Рауса, написан с использованием воспоминаний командира 4-й танковой боевой группы из 6-й танковой дивизии 41-го моторизованного армейского корпуса вермахта (Kampfgruppe Raus)

полковника Э. Рауса. Экипаж тяжелого танка КВ-1 погиб в пяти километрах от Расейный, у деревни Дайный. Это – Ершов Павел Егорович, Смирнов В. А. (полное имя и отчество неизвестны), воин с инициалами Ш. Н. А. и еще три человека, идентифицировать которых не удалось. Известно только, что из шестерых погибших двое были офицерами. Сейчас они похоронены у деревни Дайный.

Эпизод уничтожения «тигров» танками «Валентайн» описан в воспоминаниях Железнова Николая Яковлевича; к сожалению, фамилии танкистов, принимавших участие в этой операции, неизвестны. Известно лишь, что они являлись бойцами 7-го мотоциклетного батальона 30-го Уральского добровольческого танкового корпуса 4-й танковой армии. Это произошло 23 или 24 марта 1944 года в районе города Скалат.

Пролог

Россия, недалекое будущее, за 11 лет до описываемых событий

– У меня, господа-товарищи, для вас весьма неприятное известие. Наш проект закрыт.

Главный говорил что-то еще, но смысл всего сказанного от Витька ускользал, хотя он честно пытался сосредоточиться. Как же так – закрыт?! Этого не может быть! И почему все так спокойно реагируют?! Это он, Витек, присоединился к команде последним, но остальные... Ведь можно сказать, что проект – это выпестованное ими детище! И главный – главный тоже спокоен! Просто чертовски спокоен! Не к добру это! Вот его, Витька, отец тоже был такой спокойный-спокойный, когда на его фирму «наехали» рейдеры, а потом вдруг бац! – и инфаркт...

Он поднял руку.

– Ты что хотел спросить, Витенька?

Витенькой его называл только шеф. Раньше – только отец, а теперь – только шеф, для всех остальных он был Витьком. Нет, он не допустит, чтобы и с шефом – как с отцом...

– А поче... с какой формулировкой... рекомендовали?

– Ввиду бесперспективности и – излишней себестоимости...

На своем стуле завожился зам. Видимо, имел что возразить по поводу «бесперспективности», а может, и по поводу «себестоимости».

– ...и отсутствия соответствующих аппаратных и программных мощностей, – закончил фразу шеф.

Как это – отсутствия мощностей?! Они там что – с ума все посходили?! Витек открыл было рот, чтобы задать сакраментальный вопрос, но столкнулся взглядом с серо-стальными глазами шефа, и рот закрылся сам собой, кажется, даже без вмешательства мозга.

Как они могли так поступить! Ведь люди – настоящие люди, ученые, радители за свою страну, настоящие патриоты – не чета тем, что заседали во всяческих «органах власти», – буквально всю душу вложили в этот проект, а их вот так вот...

– ...безусловно, будут трудоустроены в самый ближайший момент.

Начало фразы Витек прослушал, но все было понятно и так: их всех непременно трудоустроят, причем на хорошие должности и с хорошей зарплатой. Покупают. Да нет – уже купили. Если даже шеф...

Жгучая волна стыда залила шею, щеки и уши Витька. Он – последняя скотина, если может *так* думать о шефе.

Главный поднялся, прошелся туда-сюда, слегка переваливаясь с пятки на носок, и вернулся на свое место.

– Итак, господа, на этом наше совещание... наше *последнее* совещание объявляю оконченным.

– Витенька, подвезешь? А то у меня машина что-то не заводится.

Витек неохотно кивнул. Он бы с радостью подвез главного – в любой другой день, но

не сегодня. Сидеть сегодня с ним в одной машине и не знать, что сказать, стараться поддерживать совершенно бессмысленный разговор...

– Садитесь, Анатолий Андреевич. А что с машиной? Может, я посмотрю?

Главный с непонятной усмешкой слегка качнул головой и уселся на заднее сиденье. В своей – служебной – машине он обычно ездил впереди, рядом с водителем. Да и в те считанные разы, когда Витьку уже доводилось его подвозить (Иван тогда возил приехавших в контору очень серьезных дяденек в штатском) – тоже. Почему же сейчас он сел сзади? Может быть, чтобы Витек не видел его лица? Глупости: в зеркало-то хорошо видно.

– Нет, Витенька, спасибо. Ее Иван уже в сервис отогнал.

Минут пять они молчали: шеф, видимо, был занят своими мыслями, а Витек – тот просто боялся момента, когда главный отвлечется от размышлений и начнет разговор.

– Послушай, Виктор. – Шеф вдруг подался вперед. – Давай-ка машину твою оставим где-нибудь и пойдем, посидим в каком-нибудь тихом местечке.

– Отпразднуем? – усмехнулся Витек и тут же пожалел: лицо шефа, и так не отличающееся излишней «мясистостью», вдруг стало совсем сухим и жестким: резко обозначились скулы, запали глаза и щеки...

– Отпразднуем, Витенька, отпразднуем. Тем более – есть что. Я вот тут собираюсь новую фирму открывать – заниматься-то чем-то надо.

Фирму?! Значит, главному тоже наплевать на «Слияние»?!

– Мне *очень* хочется посидеть с тобой, Витенька, – нажимая на «очень», произнес главный, потом добавил совсем другим тоном, почти просительным: – Мы же с тобой так долго не говорили по душам... Давай зайдем, а? Отца твоего помянем...

Витек, уже готовый отказаться, вдруг кивнул, сам не понимая, что его толкает на это: упоминание об отце, с которым главный когда-то давным-давно дружил, его просящий тон, которого Витьку до сих пор не доводилось слышать, или... Или – безумная надежда на то, что, может быть – это еще не конец?!

– Давайте.

– Послушай, Виктор... Пойдешь ко мне на фирму работать? Только отвечай быстро. Если веришь мне.

Меню и винная карта были отодвинуты в сторону.

Работать? А что за фирма? Чем будет заниматься? На какую зарплату? И как он может верить, теперь, после того, как главный предал собственное детище?

– Пойду.

– Веришь? – зачем-то уточнил главный.

Витек кивнул.

– Тогда заказывай, а потом я тебе расскажу кое-что интересное. Это хорошо, что ты веришь, Витенька. Это очень хорошо. Тогда... тогда нам удастся.

Есть не хотелось, но, слушая главного, Витек не заметил, как опустошил почти все тарелки – главный к еде так и не притронулся.

– ...представляешь? Смотрит на меня так, как будто сейчас фразу окончит – и прикажет меня расстрелять, и говорит: «Милейший Анатолий Андреевич! Я, конечно, приказывать вам не могу, могу только рекомендовать – вот я и рекомендую. *Настоятельно рекомендую*. Проект ваш ни к чему хорошему не приведет, и вас – в первую очередь».

– И что – все? Вот так вот взять – и все... зачеркнуть?

Шеф помолчал.

– Я ведь не зря спросил, Виктор, веришь ты мне или нет. Я... я решил: мы не дадим проекту погибнуть. Займемся, так сказать, в частном порядке.

– В частном? – не понял Витек. – А как же финансирование?

Шеф лукаво улыбнулся – и сразу словно помолодел лет на десять.

– Финансирование? Деньги, Витька, в жизни – не главное. Страну жалко. Вас, молодых, жалко, и тех, кто в школу ходит, и тех, кто не родился еще... Я не хочу долго

распространяться на эту тему, всегда считал, что за обилием слов обычно ничего нет, но лично я считаю себя патриотом. Поэтому... Я решил открыть фирму – софтверную, небольшую. К небольшой будет меньше внимания. И откроем мы ее где-нибудь подальше. Например, за Уралом. Как думаешь, Витек, софтверная фирма в состоянии прокормить сама себя? И проект?

– Ну, если толковый человек возьмется – то в состоянии, – осторожно спрогнозировал Витек.

Шеф откровенно ухмыльнулся.

– Толковый, толковый... Я вот сам и возьмусь. А тебя приглашаю начальником отдела разработки программного обеспечения. Как, справишься?

Витек чуть не задохнулся.

– Начальником? Но ведь я...

– Молодой и неопытный? – жестко спросил главный. – Молодость быстро проходит, а опыта наберешься, если захочешь. Мне нужен человек, который, во-первых, будет верить в проект – так же, как верю в него я, а во-вторых – которому я смогу доверять. Так что?

Витек задумался. Верить-то он верит и страстно желает продолжать работу над проектом, только вот – справиться ли?

– Анатолий Андреевич, а вы не боитесь, что информация... просочится?

Шеф вдруг скорчил смешную рожицу.

– А я, по-твоему, тебя зачем в кабак потащил? Побоялся в офисе разговаривать: уж больно серьезные дяденьки со мной общались. Уж коли они решили проект закрыть – стало быть, проследят, чтобы он и в самом деле прекратил свое существование. Могли и в машину прослушку поставить – потому я с тобой и поехал, потому *и в твоей* машине разговор не завел. Суровые дяденьки должны быть уверены: Оболенцев сломался и обеспокоен только тем, как жить дальше. Поэтому никто из рядовых сотрудников *ничего о проекте знать не должен*. Посвященных будет всего несколько: ты, Антон Аркадьевич, Леонид Артьемьевич, Лев Захарович... Ну, может, еще парочка человек. Остальные... остальные будут просто выполнять свою работу, и что должно *получиться в результате* – их никоим образом беспокоить не должно.

Глава 1

Россия, недалекое будущее. Наталья

– Натаха, ты опять в «шарики» рубишься? – поинтересовался, проходя мимо, Витек. Витек – это наш новый админ; говорят – шеф его одолжил где-то на время, чтобы «привести в порядок» хозяйство, оставшееся после предшественника. Еще говорят, что Витек – классный специалист, что он именно так и работает – приводит в порядок дела, подыскивает себе замену, обучает, а потом уходит в другую фирму, в которой тоже нужно что-то «приводить в порядок». Странно: я бы на его месте уже задумалась о постоянной работе. Взрослый дядька: по виду ему лет тридцать пять-тридцать семь, пора уже иметь постоянную работу, постоянный кусок хлеба... Впрочем, возможно, я мыслю стереотипами. В конце концов, это его дело – какой образ жизни вести. Может, он вольный художник... По крайней мере специалист он, видимо, и в самом деле классный. У нас с его приходом как-то все стало почти само собой работать, при том что Витек просто слоняется по офису, а когда он, собственно, все «приводит в порядок», просто непонятно.

У нас некоторые дамочки из бухгалтерии даже возмущались: дескать, ничего не делает – за что ему только такую зарплату платят? Но я, наученная Димкой – он тоже админ, хотя, конечно, и не такой крутой, как Витек, гордо заявляла: «Хороший системный администратор – это как капитан корабля: его главная задача заключается в том, чтобы все могли работать, а ему не приходилось». За точность формулировки я, конечно, не отвечаю, но тетки из

бухгалтерии меня в этом уличить не могут: уж я-то по сравнению с ними просто компьютерный гений и всегда могу объяснить, почему у них «вот тут не нажимается», а «принтер вообще не хочет печатать»...

Витек «завис» над моим плечом. Вообще, не терплю, когда мне кто-то через плечо заглядывает, а уж тем более, когда я играюсь... Нет, не «тем более». Когда работаю, тоже не терплю. Только вот почему-то ребят из отдела я легко приучила к этой мысли, а сказать об этом Витьку – язык не поворачивается...

Смущаюсь я почему-то.

Вот и сейчас почувствовала, что уши краснеют, и рассердилась – то ли на него, то ли на себя.

– А почему бы мне и не «рубиться»?! Рабочий день уже закончился!

– Нет, просто странно, что такая серьезная девушка, и вдруг – в «шарики».

Я насторожилась.

– В каком это, интересно, смысле – серьезная?

Витек пожал плечами.

– Ну, ты же стрелять любишь, и, говорят, очень неплохо это делаешь. Даже слухи ходят, что из «Максима» стреляла. И в реставрациях участвуешь. А тут вдруг – «шарики». Тебе бы в войнушку какую лабать. В стрелялку там, а лучше – в грамотный симулятор с базами данных и приличной графикой.

Интересно, откуда он знает, что я люблю стрелять? С ребятами из отдела я в тире никогда не была. Разве что по пьяни во время какого-нибудь корпоратива похвасталась? Да нет, не случилось со мной такого – напиться на вечеринках. Я, вообще, если и выпиваю, так только с друзьями – с теми, кому могу доверять. Полностью и безоговорочно. С тех пор, как моя двоюродная сестра не смогла вспомнить... Словом, не важно. Не пью – и все тут.

– Задумалась, откуда я в курсе? – Витек подмигнул. Странноватый он все-таки тип...

– Ну, во-первых, не в реставрациях, а в реконструкциях. А во-вторых... И во что я, по-твоему, должна «рубиться»? В какую именно «стрелялку»?

Витек ногой подтянул соседний стул поближе, уселся.

– Слушай, Наташка, есть классная игрушка. Совершенно новая. «Танковый клуб» называется.

«Танковый клуб»? Никогда не слыхала, но это еще ни о чем не говорит: я, вообще, не в курсе новинок всяческих «стрелялок». Мне бы по-настоящему пострелять, а игрушка – это фигня. Хотя... Хотя танки – это может оказаться реально интересно. Мне ж в реальном танковом бою – даже пускай в учебном, вряд ли удастся поучаствовать. Так почему бы и не попробовать поиграть?

– Почему бы тебе, Наталья, и не попробовать? – словно прочитав мои мысли, сообщил Витек. – Прога совершенно бесплатная, играй – не хочу. А к ней еще и целая куча разных примочек есть! Ох, Натка, честно говорю: попробуй – не пожалеешь! Чесслово!

– А ты тоже в «танки»... рубишься? – осторожно поинтересовалась я. Интересно, сколько ж ему все-таки лет? С таким увлечением говорит об игре, словно мальчишка какой-то.

Лицо Витька как-то моментально отвердело.

– В некотором роде, Наталья, в некотором роде. На, держи. – Он протянул мне коробочку с диском. Это что же – он ее, получается, заранее приготовил, что ли? Чувствовал, что заинтересуюсь?

– А что, скачать в инете нельзя? – Почему, ну, почему всякий раз, когда я с ним разговариваю, у меня получается такой воинственный тон?

– Можно, – Витек усмехнулся. – Я же сказал: игрушка бесплатная. Только ты ж ленивая, Натали, если еще скачивать надо будет – точно обломаешься. А я в определенном смысле заинтересован, чтобы ты в «танки» поиграла.

И ушел, оставив меня в полном недоумении.

Россия. Недалекое будущее. Виктор

– Анатолий Андреевич? Это Виктор.

Он знал, что его номер высвечивается у шефа на экранчике, но все-таки никак не мог отделаться от старой привычки представляться – привычки, приобретенной еще в детстве.

– Ну, как дела, Витенька? Что-то есть?

– Есть одна девушка, Анатолий Андреевич.

В трубке хихикнули.

– Витенька, надеюсь, ты мне не о своей личной жизни будешь сейчас рассказывать?

Да-с, с юмором у шефа всегда были проблемы. К счастью, он знал об этом и сам, потому что уже через секунду из трубки раздалось:

– Ну, прости старика, Вить, ты ж знаешь – ну, не получается у меня шутить.

Виктор кивнул, как будто Анатолий Андреевич мог его видеть. Впрочем, шеф и не нуждался в какой-то реакции с его стороны.

– Так какая девушка, Витя?

– На мой взгляд, весьма перспективная. У нее такие показатели, что я просто офи... опешил.

Шеф не только шуток не понимал – он еще и не то что ругательства, а даже обычные жаргонизмы не воспринимал, поэтому Виктору регулярно приходилось «фильтровать базар». Особенно в последние два года – работа сисадмина накладывала свой отпечаток.

– Витя, а ты ее уже в игру пускал?

Виктор усмехнулся. «Пускал». Интересное у шефа все-таки мышление. Может, врет, что чувство юмора отсутствует?

– Нет еще. Хотел посоветоваться...

– Витя. – Голос шефа зазвучал строго. – С этим поиском «латентных пси-адаптантов» идея была целиком и полностью твоя; я ее поддержал, хотя толку, признаться, пока маловато. Четверо найденных тобой особых результатов не дают. Если ты и в самом деле нашел перспективную девушку – хорошо. Нет – тоже ничего страшного. Но работа с ней – целиком и полностью на тебе. Только ты хотя бы сразу ее не посвящай в... ни во что, короче, не посвящай. Еще неизвестно, что из этого всего в результате получится, а ты еще, почему зря, невинного человека напугаешь.

Шеф пару секунд помолчал, потом странным, каким-то утробным голосом произнес:

– Пошто обидел животинку бессловесную?

И отключился.

Виктор почесал в затылке. Любит, любит шеф поставить в тупик. И вечно цитирует что-то... допотопное, да к тому же хочет, чтобы подчиненные догадывались, какую очередную «нетленку» он припомнил.

Ну, и хрен с ним, с шефом.

Пускай его идея о привлечении в игру людей с подходящим психотипом не дала особых результатов – **особых** -то, честно говоря, пока ничего не дало. Может, кто из его четверых «крестников» еще себя и проявит. А шеф умеет... «поддержать морально». Так, что после этого ни хрена и делать-то не хочется. А может, он это специально? Чтобы Виктор поскорее вернулся в контору?

Так это ему... с маком. Зря он, что ли, кучу тестов разработал, спрашивается?

После разговора с шефом нужно было успокоиться. А может, и не нужно, но очень хотелось. У самого Виктора коэффициент личностно-психологической ассоциации с реципиентом не столь уж и высок. Восемьдесят три с половиной процента.

Говоря простым языком, слияние у него самого происходило далеко не всякий раз, когда он садился за игру. Но это было и не столь важно. Он просто получал от нее удовольствие.

Ровно, 28 июня 1941 года. Виктор

– Да они ж пьяные! Ты погляди, Мишка! Что ж они делают-то, а?

Фрицы и в самом деле были бухие в доску. Они перли на защитников переправы в полный рост, еще и горланя что-то при этом. Серо-зеленые новенькие мундиры, новенькие автоматы, наглые рожи... Правда, рожи на самом деле не видно, но воображение-то на что?

– Едрит их налево! – удивленно пробормотал сидящий рядом.

В танке их было двое. Два танкиста, два веселых друга. Они и в самом деле друзья – в этом Виктор уверен. Но вот с весельем как-то не сложилось. Знать бы еще, как напарника зовут. Ну, ничего, еще пару секунд – и вспомнит.

Механиком-водителем он оказался впервые. Может, потому, что в этом бою все зависело именно от водителя? Да нет, вряд ли – не так-то он классно водит машину, хорошо, но не суперово. Блин, опять он путает теплое с мягким! Какая разница, как он водит машину *в жизни*! Главное – как хорошо будут его слушаться рычаги, а с этим у него сбоев никогда не было.

А танк – БТ. «Бетушка» – по-нашему, а иногда – «бэтэшка». Для фрицев – «Микки-Маус». А, нет, так они только БТ-7 называли, из-за люков-ушек. А это, скорее всего, «двушка» – в экипаже «семерки» должно быть три человека. Блин, в двойке – тоже. По крайней мере по данным некоторых сайтов. Чего у них – недокомплект просто, что ли? Да какая разница – докомплект, недокомплект. Они вдвоем стоят целой армии. Должны стоять.

Тявкает пулемет, словно раненая лиса. Пули просто косят лезущих напролом фрицев, а те все прут и прут.

– Молодец, Мишка!

Имя всплывает само, впрочем, как и обычно.

А он и в самом деле молодец – поле усеяно фигурками в фельдграу. Понятное дело, посдыхали не все, некоторые просто залегли, но и так довольно неплохо получилось.

Справа вступила в бой немецкая батарея. Тридцать шестые «флаки». Калибр танковой пушечки – тридцать семь миллиметров. У зениток – восемьдесят восемь. Никаких дополнительных объяснений не требовалось, чтобы понять: вражеская пехота сейчас – не самая главная цель. Иначе целью станут они сами. Вернее, уже стали. Хорошо было то, что сейчас немцам противостояли не только легкие «бетушки» и «двадцатьшестерки», но и тяжелые «три-четыре».

– Мишка, вжарь им!

Рявкнула пушка, потом еще и еще; смотровую щель затянуло дымом. Когда он развеялся, стало видно, что не всем так повезло, как им. Справа горела «бетушка» с бортовым номером семьсот тридцать восемь, пламя лизало скособоченную башню. Но, охваченный огнем и темно-желтым дымом, он все-таки еще продолжал двигаться, похожий на гигантский факел. Интересно, ребята внутри видят хоть что-то или движутся так, вслепую? А может, они уже убиты, и танк движется просто по инерции?

Вдохнуть бы свежего воздуха – хотя бы один, малюсенький, глоточек! Пускай городского, наполненного выхлопными газами, но не этого, который, даже если пытаешься вдохнуть полной грудью, застревает в горле комком и дальше не хочет идти.

Угу. Ты еще себе платочек духами смочи да к носу приложи. Прынь... Хочется кашлять, но кашлять страшно и больно, легкие будто горят, а горло, кажется, сгорело давным-давно...

Он дернул рычаг, доворачивая машину влево. Сзади что-то гулко грохнуло, и танк почти подпрыгнул.

Мишка побледнел и – Виктор заметил это краем глаза – перекрестился. До него самого пока не доходило, и напарник пояснил:

– У ребят боекомплект сдетонировал. Земля им пухом.

На секунду подумалось: те, кто горит сейчас в своем легком танке – мертвые ли, или еще живые, – прямоком попадают на небо. Прямо к богу. Вне зависимости от того, в какого из богов верили при жизни и верили ли вообще. А может, и не только горящие, а все воины,

павшие за родную землю?

– Вась, не спи!

Он послушно кивнул. Мишка-то не спит – пушечка родимая то и дело порывкивает, заглушая вражеские зенитки. Напарник надсадно кашляет, словно пытается выкашлять наружу непослушные легкие, не желающие фильтровать воздух, который и воздухом-то назвать сложно.

В наушниках треск; кто-то тщетно пытается прорваться. Кто-то что-то кричит, но Виктор слышит только отдельные отрывки: «... ать... ыть... двух... кружи...»

Ничего не слышно, но непонятные обрывки сами собой складываются в слова, неся малоприятную новость. Немцы обошли переправу и ворвались в город сразу с двух сторон – с юга и с востока. Теперь они окружены.

– И что будем делать?

Виктор пожал плечами. Как будто выбор есть!

– Давить сволочь!

Миша кивнул.

– Стало быть, рвем в центр города.

Танк – легонький, послушный – хорошо слушался рычагов. И это, пожалуй, его единственное достоинство. В такой если пальнуть хорошенько – так от экипажа и мокрого места не останется. И пушечка кургузая.

Зато скорость до пятидесяти двух километров в час. Так что в центр города они почти влетели, с размаху врезаясь в немецкую колонну. И эти пьяные, что ли? Или просто тупые? Ни хрена не слышат? Уши им позакладывало?! Хотя лучше бы заложило им, танкистам.

До сих пор Виктор считал одним из самых противных скрип мела по стеклянной доске. Ага, дудки! А звука давящихся гусеницами человеческих тел не слышали? Он будет преследовать его вечно. Нечто среднее между хрустом и чавканьем – гигантский людоед вышел на охоту, пожирая тех, кто пришел в чужую страну за чужими жизнями. Он в последний раз ел хрен знает когда, но сейчас еда настойчиво просилась наружу.

Это – не люди. Это – фашисты. Их только так и можно. Давить гусеницами, давить голыми руками...

Рядом – бледное Мишкино лицо. Мишке еще хуже. Это он, Виктор-Василий, знает, что творили немцы в захваченных ими городах и селах. Он видел фотографии повешенных, расстрелянных и зверски замученных мирных жителей. Он – *знает*, а Мишка – нет. Для него это пока люди, живые люди, пускай и враги. Люди, которых сейчас перемалывают в фарш гусеницы их танка. Пускай легкого – для человеческой плоти большой разницы нет, наваливается ли на тебя сверху двадцать шесть тонн или одиннадцать...

Однако Мишка на самом деле растерялся куда меньше.

– Давай направо!

Он послушно дернул рычаг. Выполнить приказ сейчас было проще, чем думать самому. Улочка узкая. Но ничего, проедут как-нибудь.

– Еще направо!

Они буквально носились по городу, сея панику и смерть.

Страшно не было – кровь, переполненная адреналином, пульсировала в висках, стучала в ушах. Стрелять. Давить. Убивать.

– Дави фрицев!

– Кого?!

Мишка этого слова не знал, хотя применительно к немцам оно использовалось еще в Первую мировую. Правда, не так широко, как во время Великой Отечественной.

– Фрицы. Ну, их часто Фридрихами зовут, а Фридрих сокращенно – Фриц.

Мишка засмеялся.

– Замечательно! Будем живы – надо ребятам рассказать. Приживется прозвище, как

пить дать.

Прозвище приживется, но вовсе не с его легкой руки. Потому что им с Мишкой из сегодняшнего боя не выйти. Так случалось всегда: одна игра, один бой, гибель. А может, в этот раз повезет? Не ему – Мишке? Тот выживет, расскажет о «фрицах», и прозвище приживется именно благодаря ему, Виктору? Угу. Это было бы прикольно. Хотел повлиять на ход войны и повлиял тем, что ввел в обиход прозвище «фрицы».

Только вот слово «прикольно» при напарнике все же употреблять не стоит – уж этого он точно объяснить не сможет.

– Направо! Направо давай! – заорал Мишка. Виктор послушно налег на рычаги, выворачивая булыжники из мостовой.

Танк дернулся, по броне весело зашлепали пули. «Пули, как воробушки, плещутся в пыли». Броня-то слабовата, но не для пуль. Это фрицы уже паникуют.

Ага, конечно, он же у нас самый умный, а фрицы – дураки. Такие, какими их порой показывали в старых фильмах. Пули... А снаряда не хотите, уважаемый Виктор Валерьевич?

– Жми!

Снова гавкнула пушка. Мишка – герой. Повезло ему с напарником. Он снова налег на рычаг, но тронуться с места не удалось. Танк подпрыгивал, мотор завывал, и больше ничего не происходило.

– Похоже, в гусеницу снарядам попали.

Мишка спокойно кивнул.

– Стало быть, здесь и подыхать станем. Хоть знать бы, как улица называется.

В смотровую щель была видна новенькая табличка – «Улица Островского».

– Подходящее название. – Миша стащил шлемофон; русые волосы сосульками прилипли к голове. Наверное, и он такой же потный, только это почему-то совсем не ощущается.

– Я, знаешь, очень люблю «Как закалялась сталь»! Три раза читал.

Сам Виктор об этом произведении знал только, что главного героя зовут Павел Корчагин да еще что писатель Островский практически полностью списал его с себя. А, ну еще – что произведение два раза экранизировали. Сейчас ему было стыдно за это, стыдно перед Мишкой. Хочешь быть по-настоящему своим для этих ребят, с которым тебе уже довелось и еще доведется умирать вместе – надо жить тем же, чем живут они. Почему ему впервые пришло в голову только сегодня?

– Давай ты за пулемет, а я с пушкой стану управляться.

Снова Мишка додумался, а не он, человек двадцать первого века. Туго, туго у него с соображаловкой.

Ну, с пулеметом – так с пулеметом.

Из-за угла выбежали фрицы. Человек двенадцать. Виктор нажал на гашетку. Пыльные фонтанчики весело взметнулись вверх. Упали пятеро, остальные бросились к укрытию – невесть что забывшей на этой узенькой улочке «эмке» с выбитыми стеклами.

Хреново. Совсем хреново. Если он будет вести настолько «прицельный» огонь – патроны скоро кончатся, а потом их можно будет брать чуть ли не голыми руками.

Правда, патроны все равно кончатся рано или поздно, только вот останется чувство того, что сделали они слишком мало.

Короткая передышка. Вся улица Островского – интересно, как она до этого назвалась? – усыпана трупами в серо-зеленых мундирах.

– Они похожи на ящериц, – тупо сообщил Виктор.

– Кто? – не понял Миша.

– Трупы. Они как большие дохлые ящерицы.

Он кивнул.

– Действительно, похоже. А знаешь, я в детстве ящериц ловил.

– И я...

А кто ж из них не ловил в детстве ящериц? В этом они похожи – пацаны из двадцатого века, и ничего, что между детством одного и другого срок в шестьдесят с лишним лет.

– Вась, ты... прости, если что не так.

Виктор молча кивнул. Все – так.

– И ты прости.

– Мне... Знаешь, мне надо написать письмо жене.

– Письмо?!

Вот уж трудно было бы придумать что-нибудь более нелепое и несвоевременное, чем сейчас писать письмо. Отправлять-то его как?

Михаил посмотрел виновато.

– Вась, я понимаю, нам отсюда живым не выбраться. Но... вдруг письмо до нее дойдет? Пускай не сейчас, пускай после войны...

Он верит, что война кончится через несколько дней, ну, пускай, недель. Виктор знает, что это не так. Что впереди еще почти четыре долгих года, и не то что письмо погибшего танкиста – правительственные награды не всегда находят своих адресатов. Но не говорить же об этом человеку за пару часов (и это в лучшем случае!) до гибели.

– Васька, ты мне такой друг... Ты – больше чем друг, ты как брат мне!

В каком-нибудь новомодном кино про войну (в придачу снятом почему-то китайцами) два танкиста-побратима обязательно обняли бы друг друга и облобызались. Они же только пожали друг другу руки. Крепко, до хруста.

«Если я погибну, а ты выживешь...» Эта фраза тоже не была произнесена. Такое говорят только в сопливых сериалах, чтобы впечатлительные дамочки рыдали и сморкались в большие носовые платки. Настоящие мужики друг другу таких вещей не говорят. Да и нахрена? Ежу ведь понятно, что живыми отсюда им не уйти. И что главное – утащить с собой на тот свет побольше ползучей серо-зеленой мрази.

А вот письма любимым женам, как выяснилось, настоящие мужики все-таки пишут. Быстро, на коленке, неразборчивым почерком.

Письмо получилось коротким – времени на длинное им попросту не дали.

Пушки рывкали не умолкая, пули пели что-то веселое на их вкус, конечно. Время остановилось – застыло каплей янтаря. Но им везло – никаких серьезных повреждений танк не получил. А может, это было и не везение, а вовсе наоборот? Одно дело – погибнуть моментально, от взрыва снаряда, а совсем другое – если тебя начнут выкуривать из танка, а то и сумеют-таки выкурить.

Виктор испытывал мучительное желание что-то сказать другу, но слова не желали находиться. Он повернулся, и именно в этот момент Мишка странно дернулся и застыл, неестественно выгнувшись назад. Остекленевший взгляд уставился куда-то вверх.

По-хорошему, ему надо бы закрыть глаза, но не до этого. Прости, друг. Ты боялся, что у тебя не будет могилы? Ты прав, не будет. Будет огненное погребение. Именно так хоронили своих погибших воинов викинги.

Но прежде чем поджечь танк, оставить его практически невредимым казалось святотатством, это ведь все равно что оставить врагам друга! Виктор еще немного повоюет. Пока хватит патронов.

Дышать стало полегче. Наверное, он просто привык. Еще бы привыкнуть к поту – едучему, соленому, заливающему глаза. А самое главное, мешающему прицельно стрелять. Ну, ничего. Стрелять осталось недолго – патроны уже кончились, снаряды – на исходе.

Два залпа сливаются в один – его пушки и фашистской. Мелькает мысль – подлая, трусливая: «Хоть бы попал!». Но – мимо.

Виктор послал в приемник последний снаряд. Прицелился.

– Огонь!

Но снаряд заклинило. Что же, бывает и такое.

Индивидуальное оружие нашлось, он не знал, полагается ли оно рядовым танкистам, но имелось. Ждать, пока его вытащат и повесят, он не станет. Лучше помереть, как и полагается...

Только сперва – танк. Фрицам он его не оставит.

Перед смертью оставалось сделать одно, последнее дело. Узнать, как зовут его реципиента и его напарника. Книжка нашлась в кармане гимнастерки. Василий Оськин. Что же, прощай, Василий Оськин, и ты, Мишка Петров. Вы были настоящими героями, ребята.

Пора.

Спалить танк изнутри, мягко выражаясь, сложновато. Если б оставались снаряды, было бы значительно проще. Гранату на боеукладку, и – с коммунистическим приветом. Кушайте, не обляпайтесь. А просто уничтожить приборы – такой расклад его не устраивал.

Но ведь граната у него не одна. Вон, в боевом отделении – целая укладка. Новые ребристые корпуса осколочных «фенечек» задорно поблескивают. Почему он не подумал об этом раньше? Дурень. Вот Мишка или *настоящий* Василий – те бы, наверное, сразу сообразили...

Ну, стало быть, надо распахать... где получится. Не забыть только чеку выдернуть, а то...

Парочку – в район баков, куда еще? Под сиденья, в затвор. Взрывная волна от самоподрыва сделает свое дело. Зачем, спрашивается, он только пистолет искал?

Так, теперь одну – в правую руку, другую – в левую. Можно, конечно, поизвращаться, зажав и третью между колен или вовсе сев на нее, но это уже перебор. Восстановить танк немецким трофейщикам и без того будет, пожалуй, затруднительно. Жаль, боеукладка пуста, тогда б уж наверняка разворотило. Распрямить усики, надеть кольца на большие пальцы, потянуть. Предохранительные рычаги легонько ткнулись в загрубевшую за неделю войны кожу ладоней. Ну, вот и все...

Два негромких щелчка освободивших ударники рычагов. И навалившаяся, спустя три секунды горения замедлителей, тьма...

Россия, недалекое будущее. Виктор

Если бы он не читал эту историю раньше в инете, понятное дело, решил бы, что с ним произошла какая-то фигня. Два танкиста, ведущие неравный бой, обреченные на гибель, и при этом один ведет записи в блокноте, другой – строчит письмо жене. Понимая, что танк придется уничтожить и все их записи сгорят. Ну, просто история для сопливых барышень!

Но ведь – это было на самом деле! Эти два человека существовали, и, уж неизвестно, каким волшебным способом, но и письмо, и блокнот с записями сохранились. Если бы можно было рассказать их потомкам, *как именно* погибли их прадеды... Если бы вообще можно было взять всех вот этих самых потомков да сунуть туда, в пекло сорок первого, чтобы не из кино и книг, а на своей шкуре прочувствовали, через что пришлось пройти их предкам, чтобы они, нынешние, могли жить, разве расплодились бы здесь, в стране, победившей фашизм, националистические банды – по-другому язык не поворачивался их назвать.

Только вчера вечером он, Виктор, столкнулся с двумя такими, бритыми налысо, обутыми в высокие ботинки на шнуровке – такими ботинками так удобно пинать лежащего беспомощного человека. Может, он и не обратил бы внимание на встречу двоих почти подростков, если бы один не вскинул руку в нацистском приветствии, а второй не ответил так же.

Они не сделали ничего, что выходило бы за рамки закона, но как же сильно Виктору хотелось взять этих двух щенков за шкурки да встряхнуть хорошенько, чтобы мозги прочистились! Ну, если у них, конечно, еще какие-то мозги есть...

Не вмешаться он не мог. Несколько быстрых шагов вперед...

– Да что ж вы, гады, делаете?! – Появления невысокого худощавого мужика Виктор не

заметил. – Вы хоть знаете, олухи, что это за приветствие? И кто его использовал?

– Знаешь что, дядя... – нехорошо улыбаясь, начал один из бритоголовых, но второй дернул его за руку, показывая глазами на подошедшего Виктора.

Связываться сразу с двумя скинхеды не стали. Ну, конечно, они герои, когда надо толпой забить одного, а двое на двое – это уже не по ним.

Первый – Виктор определил его про себя как «главного» – презрительно сплюнул себе под ноги, и оба удались гордо, но поспешно.

Мужик качнул головой.

– Как подумаешь, кого мы воспитали – страшно становится. Ведь своими руками перечеркиваем то, за что наши деды-прадеды воевали.

Виктор кивнул.

– Спасибо, браток. – Мужчина протянул ему руку. Рукопожатие вышло крепким.

– Догнать бы да объяснить, – с тоской сказал мужчина. – Да только что им объяснишь-то? Ладно, прощай, друг.

Он вытащил из кармана мятую пачку, протянул Виктору, тот качнул головой. Мужик вытащил сигарету, прикурил и медленно побрел прочь. А Виктор еще некоторое время стоял и глядел ему вслед.

Игру они создали правильную, если что-то получится – просто замечательно, но вот только ли в прошлом дело? Может, надо что-то делать и *сейчас*? Он не знал, что именно, но мысли его снова и снова возвращались к одной точке: исправлять историю нужно не только в прошлом. Потому что пока они исправляют прошлое – кто-то портит настоящее.

Глава 2

Россия, недалекое будущее. Наталья

Димка казался рассерженным.

– Вот еще новости – в танки играть! Как будто нам с тобой больше нечем заняться!

Угу, а как будто есть! Порция здорового секса, а потом Димка влезает в телевизор или играется во что-то, но только сам. Как будто это нельзя делать у себя дома, а обязательно у меня.

– Не хочешь – вали домой. – Я пожала плечами. – А мне интересно.

– С каких это пор тебя стали танки интересовать? – Порой сарказма Димке не занимать. – Не с тех ли самых, как тебя заинтересовал этот бородатый кент?

Я засмеялась. Димка носит бороду и почему-то уверен, что все остальные сисадмины тоже обязательно должны быть заросшими чуть ли не до бровей. Эдакий непременный атрибут профессии, борода, ага. Гы. За время моей работы на фирме у нас сменилось три админа, Витек – четвертый, и ни у одного из них ни бороды, ни длинных волос не было. Первый, имя которого стерлось из моей памяти, вообще брил голову налысо, второй, Олег, носил стильную стрижку, Вовчик имел лысину, что называется, естественного происхождения, а вокруг нее – рыжий, развевающийся во все стороны пух. Ну а Витек подстрижен коротко и аккуратно, как-то по-военному, что ли...

– Может, и заинтересовал, – вызывающе бросила я и вдруг почувствовала, что краснею. Что – это правда, что ли? Может, Витек меня и в самом деле заинтересовал? Да нет, глупости, он намного старше, да и, вообще, какой-то непонятный – разве могут мужика, которому под сорок, звать детским именем Витек? Да и вообще...

– Ну, мне все ясно, – ледяным тоном бросил Димка и, чуть ли не печатая шаг, удалился в коридор. Обуваться. И скатертью дорога. Мне же только легче: не надо каких-то изысков придумывать, сделаю сейчас бутерброд и засяду за новую игрушку. Не знаю, почему, но мне вдруг показалось, что это *очень важно* – начать играть.

Так, что я вообще знаю о танках? Ну, понятное дело, увлекалась, читала, разницу между средним и легким танком понимаю. Технические характеристики, понятное дело, наизусть не помню, да и на кой? Инет еще никто не отменил. Энциклопедическими мои знания не назовешь, но и полным профаном я себя не считаю.

Правда, в танке – в настоящем танке – сидеть мне не доводилось. Зато я пробовала водить трактор и права у меня «ВС», так что и за рулем грузовой машины посидеть пришлось. Грузовая – она даже лучше: что называется, «высоко сижу, далеко гляжу».

С другой стороны, нужны ли они кому-то, знания мои и умения? Вон племянник двоюродный вовсю гоняет в двадцать восьмую версию какой-то чуть ли не допотопной игрушки – то ли «Армагеддон», то ли «Кармагеддон». И даже держит первенство уже несколько месяцев. Но это ж не означает, что его на реальную дорогу выпускать можно.

Так, Наталья Всеволодовна, что-то ты растрывделась. Регистрируемся. Ничего себе, еще и данные электронного паспорта требуют? Ладно, требуют – введем, это, надо полагать, чтобы отсеять всяких малолеток. Довольно разумно, на мой взгляд. Детям гулять надо, а не денно и ночью около компьютера просиживать.

О, информация о танках. Надо, пожалуй, все-таки почитать. Или сразу попробовать играть? Ладно, попробую сразу – а то знаю я себя: увлекусь новой информацией и поиграть не успею, а завтра перед Витьком будет стыдно.

Господи, неужели Димка прав, и я влюбилась в Витьку?! Он, конечно, намного старше и, вообще, кажется, закоренелый холостяк. Но... что-то в нем есть такое... Какая-то, ну, одержимость, что ли, в хорошем смысле этого слова. Словно... словно у него есть **дело всей жизни**. Странно – неужели еще есть люди, у которых есть **дело всей жизни**? Да и вообще – с чего я взяла? Ну, он просто такой... необычный человек...

О-па, глубокоуважаемая Наталья Всеволодовна! Вот и ты докатилась до розовых соплей. Надо же! Дожить до двадцати пяти лет, посмеиваясь над своими излишне сентиментальными подружками, читающими дамские романы, смотрящими бесконечные сериалы и живущими придуманными любовями. Ах, он на меня посмотрел! Ах, он, наверное, в меня влюблен! Ах, он брюнет с голубыми глазами – мое сердце навеки разбито. А сейчас? Чем я сейчас лучше этих самых «мадамов», тоже напридумывала себе бог весть что, и, что самое интересное – совершенно безосновательно.

Все, хватит заниматься фигней! Итак, сегодня я буду командиром танка... скажем, тридцатьчетверки, и буду... буду участвовать в битве под Дубно – это одно из немногих сражений, о котором я знаю достаточно подробно. Ну, поехали...

С первого раза поиграть удалось недолго – подбили меня достаточно быстро. Просто перебило гусеницу, и танк беспомощно закрутился на месте прямо среди монитора, пока не поймал бортом немецкий снаряд... Все происходило лишь на экране, но мне почему-то казалось, что я чувствую этот запах – запах гари, запах пузырящейся от высокой температуры краски, вонь горящих человеческих тел – одним словом, запах безысходности и проигранного боя.

Фу-у-у. Футболку придется менять – мокрая насквозь. Нет, эта игрушка явно не для меня. Для нее нужны стальные нервы и куча свободного времени... И вообще...

Особенно весомым аргументом казалось это самое «и вообще». Ну, какой из меня, на фиг, танкист? Песня, помнится, еще была: «Да у тебя же мама – педагог, да у тебя же папа – пианист, да у тебя же все – наоборот, какой ты, на фиг, танкист?» Старая песня, и уж не знаю, по какой причине мой папа с высшим музыкальным образованием – не пианист, а виолончелист, – периодически ее врубает. Наверное, из-за избытка чувства юмора – это у нас семейное. Правда, мама у меня не педагог, а корректор в известном издательстве, но они мои «изыскания» типа стрельбы и военных реконструкций всегда принимали не то, чтобы в штыки, но весьма прохладно. И если бы папа узнал, что я еще и на компе в войнушку играю... А впрочем – какое ему дело?

Кажется, рука сама потянулась к кнопке «вступить в бой».

Глава 3

Россия, недалекое будущее. Наталья

– Ну, как? – Витек курил неподалеку от мужского туалета. Раньше я не замечала, чтобы он тут торчал. Может, он... ждет меня? Х-ха, возле мужского туалета?! Ты снова за свое, что ли?

– Играла?

Я кивнула, чувствуя себя полной дурой. Размечталась тут! А его интересует только, играла я или нет. Интересно – почему? Девичья дурь – девичьей дурью, но умения мыслить еще никто не отменял, верно? Вот и думай.

– Играла, но мне не очень-то и понравилось!

На самом деле игрушка была классная, я вчера – вернее, уже сегодня, – в три часа ночи еле-еле отползла от монитора, потому как с утра предстояло идти на работу и не только идти, но и чегой-то там на этой самой работе соображать. Но само с языка сорвалось.

– Угу, – с пониманием кивнул Витек. – Оно и не могло так уж сильно понравиться, ты ж без прибабасов играла.

– Без каких прибабасов? – не поняла я.

– Без таких. – Витек ухмыльнулся и вдруг слегка щелкнул меня по носу. Обычно я такого не терплю, а тут вдруг смолчала.

– Если ты хочешь в эту игру *по-настоящему* играть – существует еще шлем и сенсорные перчатки. Тогда и в самом деле как будто в танке находишься. Ты, кстати, вечером что делаешь? – И, не дожидаясь моего ответа, добавил: – А то пригласил бы тебя в гости. У меня как раз и перчатки, и шлем есть.

– И пиво? – зачем я спросила про пиво? Теперь он будет считать, что я иду к нему, чтобы напиться и...

– Нет. Пива нет, – серьезно ответил Витек. – Вообще не советую тебе пить пиво, когда ты чем-то собираешься заниматься *всерьез*. Вот когда поиграешь, тогда я могу тебя в какую-нибудь кафешку сводить. Если силы останутся. Ну, так что?

Я нашла в себе силы спокойно кивнуть.

– Идет. Если и шлем, и перчатки... Считай, что ты меня уговорил.

Еще бы я не пошла! Во-первых, интересно, неужели и в самом деле шлем и сенсорные перчатки дают такую полную иллюзию? Во-вторых, куда более интересно, чего ему от меня надо. Как говаривал незабвенный Буратино: «Ну, все! Здесь какая-то страшная тайна!»

Вечером неожиданно позвонил Димка. Обычно после наших ссор он дуется дня три, не меньше, а тут и суток не прошло.

– Слушай, давай вечером в кино ходим?

– Я не могу, меня пригласили в гости.

– А я, стало быть, не удостоен такой чести отправиться туда вместе с тобой?

Пожалуй, следовало бы послать его – ведь явно же на ссору нарывается, но почему-то мне было слегка страшновато идти в Витьку *одной*.

– Я не против. Вот только...

Я уже хотела было сказать «уточню у хозяина». Ведь, согласитесь, припереться в гости «со своим самоваром» и без предупреждения – все-таки не очень-то прилично. Но Димка вдруг передумал.

– Знаешь, я-то думал: ты расстроенная, грустишь, а ты, оказывается, о нашей ссоре и думать забыла. Вот и вали в свои гости сама.

В трубке раздались гудки. И как, спрашивается, с ним разговаривать? Но зато решение отправиться к Витьку окончательно обрело силу.

Вечером я подошла к нему сама.

– Ну, что, поехали?

Он едва заметно усмехнулся.

– А ты не боишься за свою репутацию? Завтра об этом будет весь офис судачить.

Я почувствовала, что краснею. Чего-чего, а судачить дамы наши могут. И будут, вне зависимости от того, поеду я куда-нибудь или нет.

Я махнула рукой.

– И так, и так будут.

Никаких «служебных романов» у меня до сих пор как-то не случилось, и это наверняка должно казаться теткам из бухгалтерии подозрительным. И не только из бухгалтерии: теток, слава богу, в нашей конторе хватает.

Витек пожал плечами.

– Ну, гляди.

В гостях неожиданно оказалось очень уютно. Нет, пожалуй, «уютно» – это не совсем подходящее определение. Обычно это слово ассоциируется – ну, у меня, по крайней мере, – с мягкими креслами, приглушенным освещением, тяжелыми занавесями. Жилище же нашего админа напоминало... каюту на корабле или... Ну, как там называются комнаты, в которых офицеры живут? Ах, да, офицеры живут в квартирах вместе со своими женами. Но здесь женской руки не чувствовалось. Блин, о чем я опять спрашивается?!

Рабочий стол с большим монитором, над столом – фотка: Витек в комбинезоне на фоне танка, снизу – надпись: «Металл, масло, соляр и порох... так пахнет танк, так пахнет победа...»

– А кто это сказал? Цитата – чья?

Виктор передернул плечами, усмехнулся.

– Человек один сказал, который понимал в этом толк.

Очень информативно, ничего не скажешь...

– А ты что, в армии служил?

Он снова как-то странно усмехнулся:

– Не служил. И одновременно – служил. Ты пока устраивайся поудобнее, а я пока прибамбасы притащу.

Я уселась за стол.

На другой стене висел плакат со смешным толстым воякой, который направлял на зрителя громадный палец с обкусанным ногтем и восклицал: «Танки справа... танки слева... окапывайся!»

– Держи. – То, что Витек протягивал мне, назвать шлемом нельзя было даже с самой большой натяжкой: обруч, широкий, сантиметров восьми высотой, прикрывающий лоб и глаза, с непрозрачным забралом-экраном и короткой антенной коннектора сбоку.

– Надевай. – И, видя мое краткое замешательство, добавил: – Это шлем-мнемопроектор. А вот это – перчатки. Внутри сенсорные датчики, реагируют на изменение давления твоих пальцев и ладони. Допустим, ты захочешь дернуть рычаг управления на себя, перчатка интерпретирует движение в соответствующий электронный импульс, и игра отреагирует. Короче, по ходу дела разберешься.

Я вдруг вспомнила, о чем хотела узнать:

– Слушай, Вить... Ты сказал, что игра бесплатная. А за счет чего фирма существует-то?

Витек улыбнулся – ласково, как улыбаются трехлетнему ребенку-несмышленишу.

– Ты представляешь, сколько на их сайт народу-то заходит? Каждый день? И какие там рекламные площади? К тому же игра-то бесплатная, а шлем и перчатки – уже за деньги. И не за малые, поверь. Девайс хоть и китайского производства, но стоит тоже не хило. Да и то, они регулярно акции всякие проводят: то победителю серии игр аксессуары бесплатно, то к какому-нибудь празднику – скидка. Почему тебя это волнует?

Честно говоря, я и сама не знала, почему. Да и не волновало меня это особо; так, поскольку-постольку.

– Готова? Только давай-ка для начала...

Он начал быстро нажимать какие-то кнопки, настраивая конфигурацию программы.

– Ты чего делаешь-то?

– Хочу, чтобы ты сперва эпизод прошла. Недлинный. Может, тебе в мнемике и вовсе играть нежелательно. Все, готово. Ну, давай.

Германия, 1945 сорок пятый год (точное место и время не определены). Наталья

Тесно. И душно. И... странно. Я – внутри танка? На самом деле?! Ни фиги ж себе! Я чуть не взвизгнула от восторга – от такого бурного проявления эмоций меня удержал раздавшийся рядом надсадный кашель. Кашлял какой-то мужик, сидящий на водительском месте. А, блин, нельзя говорить – «на водительском», надо – «на месте механика-водителя». Я что тут, не одна?! А, ну да, вчера же можно было играть, выбрав себе роль командира, заряжающего, водителя, радиста. Интересно. Все так достоверно выглядит... Хотя, впрочем, откуда мне знать о достоверности? Из многочисленных прочитанных книг да просмотренных фильмов?

Танк несся вперед с немыслимой скоростью. «Три-четыре», насколько я помню, могли по пересеченной местности давать до двадцати пяти километров в час, но это и не пересеченная местность. Хорошая, качественная булыжная мостовая... Была. До того, как здесь проехали наши танки, выворачивая булыжники своими гусеницами. Ну, ничего, немцы – народ аккуратный, восстановят. Двадцать пять километров в час, а мне казалось, что мы мчимся, подобно урагану, сметая все на своем пути.

Откуда я знала, что городок, за который сейчас шел бой, немецкий, а не, к примеру, прибалтийский или чешский? Знала – и все. Германия, сорок пятый... Последние дни войны. Совсем скоро маршал Жуков примет у Вильгельма Кейтеля подписанный акт о капитуляции Германии... а вот в таких вот маленьких городах далеко не сразу прекратят стрелять в спину нашим.

Экипаж прекрасно справлялся и без моего командования. Впрочем, я бы сейчас накомандовала... Сижу на командирском месте да головой кручу по сторонам, слово сова какая-нибудь. Только и успеваю, что выхватить взглядом отдельные детали общей картины.

Вывернутое с корнем дерево – уж и не знаю, что с ним произошло...

Остатки вражеской батареи. Не остатки даже – останки: лежащие вповалку, кверху колесами, тяжелые орудия. Искореженный зенитный «эрликон»-спарка. Хорошая пушка, качественная. Как и все, то произведено в Швейцарии. Была качественная. Теперь уж вряд ли из нее можно произвести хотя бы один выстрел – оба ствола изрядно помяты. А вон еще одна та вообще выглядит так, как будто здесь гулял великанский ребенок, который взял да и завязал стволы в сложный, но красивый узел.

– Останови.

Звучит глупо – словно я прошу таксиста, а не отдаю команду механику-водителю. Но он молча кивает, и танк замирает посреди небольшой площади.

Покойников мне доводилось видеть и прежде, но эти ведь – они не настоящие? Это все понарошку! Просто очень хорошо прорисованы вот и все.

Двое лежат, вцепившись руками в ящик со снарядами. Хотели донести до пушки, не успели. На голове одного из них – кепи, второй без головного убора. Голова неестественно запрокинулась, светлые волосы шевелит ветер. Истинный ариец. Молодой совсем, наверное, моложе меня. Я должна испытывать какое-то чувство: или жалость, или ненависть, или хотя бы брезгливость, но испытываю почему-то тревогу. Все вокруг слишком, слишком похоже на настоящее! И вот этот офицер в излюбленной фрицами «мятой» фуражке...

– Товарищ капитан, пленные. Куда девать будем?

Я не успеваю ответить, и это хорошо. Потому что вопрос предназначен не мне. Сзади стоит, улыбаясь (когда только успел подойти) молодой голубоглазый танкист, одетый так же, как я. И по возрасту, наверное, такой же. Хотя я же не знаю, сколько мне лет... *тут*.

– Расстрелять, что ж еще, – не задумываясь, равнодушно отвечает он, продолжая столь же мило улыбаться.

Расстрелять?! Мне не показалось? Я не ослышалась? Да это же... Да это же просто... фашизм натуральный!

Видимо, я выпалила это вслух. Лицо голубоглазого, только что такое милое и приветливое, моментально отвердело, превращаясь в чеканную маску.

– Ты думай, что говоришь, Костя, – жестко произнес он.

Костя – это, стало быть, я.

– Я...

– Головой думай, – еще жестче говорит он, – прежде чем *такими* словами разбрасываться. Мы не пехота, забыл? Куда нам пленных девать? Вот сейчас придет приказ продолжать движение, так ты их что – в танк свой сунешь, что ли? Или привяжешь и заставишь бежать следом, словно кобылу за телегой? Или предлагаешь их отпустить? Может, еще и оружие вернем? Была б рядом пехтура, сплывили б им, а так... сам должен понимать. А вообще, Костя, ты сколько на фронте, полгода где-то? Ну, я поболее твоего, три машины сменил, многое повидал. Думаешь, панцерманы с нашими иначе б поступили? Танкисты в плен не берут, запомни это, хорошенько запомни...

Что ответить, я не нашлась. И все-таки это какая-то дикая жестокость! Даже если вспомнить о том, что фашисты творили на нашей территории. Но мы ведь – не они! С другой стороны, имею ли право я, двадцатипятилетняя девчонка, знающая о войне только из книг, фильмов да рассказов бабушки, которая, в свою очередь, знала только из рассказов своих родителей, имею ли я право осуждать их, отдающих такой приказ?! Видевших смерть. Узнавших, быть может, о гибели своей семьи. Освобождавших белорусские и украинские села, в которых уже не оставалось, кого освобождать...

– Ты прям как барышня, Костя, – укоризненно качает головой голубоглазый, по-своему истолковав мое молчание и склоненную голову. – Если б я тебя не знал, честное слово, решил бы, что ты труса празднуешь.

При чем тут трусость, абсолютно не понятно, но спорить я не стала. Да и потом, чего спорить-то? Ведь это – просто компьютерная программа. Пускай и очень качественная. Даже, пожалуй, слишком качественная какая-то...

– Ладно, возьми пятерых в сопровождение и прогуляйся. Погляди, – он кивнул в сторону населенного пункта, – что там делается.

Городок казался совсем небольшим. То ли городок, то ли деревня – в этой Европе и не поймешь. И разрушенный почти полностью. Авиация союзников постаралась? Или наши? Пойди пойми... Особенно неприятно – не неприглядно, а именно неприятно – выглядел большой богатый дом неподалеку от церквушки. Рухнувшая передняя стена открывала взору внутренности здания. Ощущение такое, как будто глядишь во вспоротый живот и видишь все внутренние органы. Или копаешься в чужом грязном белье... Цветастые обои с какими-то скособоченными, чудом не сорванными ударной волной картинами на стенах, выщербленный осколками кафель в ванных комнатах, перевернутая мебель, рассыпанные по полу книги, разбитая посуда и детские игрушки, нависающие балки перекрытий... Обломок чужой, безвозвратно разрушенной жизни...

Впрочем, это не мы, а они первыми начали войну; это их бомбы первыми вздыбили брусчатку советских улиц и обрушили первые здания со спящими внутри мирными людьми, женщинами, стариками, детьми, так что не о чем сожалеть. Так-то.

Я поспешно перевела взгляд. Пыльные узенькие улицы, усеянные обломками разбомбленных зданий, верхушки деревьев срезаны снарядами, ветер гонит прочь обрывки бумаги... И – пусто. Странно пусто. Хотя, почему странно? Жители попрятались по подвалам, пережидая, пока фронт отойдет на несколько километров, это нормально.

Только кто же смотрит мне в спину? Смотрит с такой ненавистью, что она ощущается, бежит противным липким холодком между лопатками, цепляет тонкой ручкой с острыми когтями. Я обернулась в сторону колокольни. Интуитивно чувствуя, что оттуда может прийти смерть.

Она и пришла.

Я не могла слышать этого, не могла видеть, но на секунду показалось – вот оно, лицо, совсем юное, еще безусое, с капельками пота над верхней губой, темный кружок дула смотрит прямо в душу. Грязный палец с обгрызленным ногтем (а ведь тоже, наверное, мама ругала за дурную привычку) нажимает на спусковой крючок плавно, как учили; и пуля – крошечная, свинцовая смерть находит того, кому она предназначена.

Попал пацанчик плохо. В живот попал. А это означало, что умирать мне долго и нудно. Блин, почему мне? Не мне, а моему *персонажу*. Только почему же тогда так больно? Невыносимо больно, и слов не хватает, чтобы описать все то, что мне сейчас довелось почувствовать.

Застрелиться, что ли? Так ведь ранения живота не всегда смертельны. Бывает, что задета только брюшная полость, а органы не повреждены. По крайней мере мне доводилось читать о таких случаях. Я застрелюсь, а так бы этот человек, возможно, еще жил и жил...

О чем это я? Какой человек?! Это я – человек! Я, Наталья Нефедова. И я *просто играю в компьютерную игру*. Или – *не просто*?

– Ах ты, сука! Едрит твою налево! – Старшина выхватывает оружие.

– Оськин! Вон он, выше бери!

Кто кричит, мне не видно, зато хорошо слышна короткая очередь из ППШ, заставившая засевшего на колокольне стрелка свалиться на каменные плиты площади. Но, прежде чем свалиться, тот все-таки успел сделать еще один выстрел. И отчего-то снова в меня...

Сейчас боли я не почувствовала. Просто слева стало мокро и тепло, и все.

Я с трудом повернула голову. словно в замедленном кино, тело, кувыркнувшись в воздухе, с глухим стуком упало вниз. Почему я решила, что на колокольне гитлерюгендовец? Мое чрезмерно развитое воображение в этот раз подвело. Стрелком оказался толстый пожилой бюргер. А вообще, не разглядеть мне отсюда, плохо видно – то ли глаза слезятся, то ли стремительно садящееся солнце не дает увидеть. Почему солнце садится так быстро? Так не бывает. И ноги. Почему я не чувствую ног? Мне их оторвало? Их не могло оторвать, в меня попала пуля, а не снаряд или минометная мина.

«На горе – на горочке стоит колоколенка, и с нее по полюшку лупит пулемет»... Опять эта песня... Лупит пулемет, ага. Мне вполне хватило и карабина...

– Товарищ старший лейтенант!

Кто-то бухнулся около меня на колени и положил на лоб мокрую холодную тряпку.

Не надо эту тряпку, не надо, мне и так холодно! Но язык, ставший слишком большим, не хочет ворочаться в тесном для него рту. Фраза остается произнесенной, а тряпка так и лежит на лбу. Да еще и капает что-то сверху. Что это – дождь?

– Костя! Командир!

Краем сознания я успела удивиться тому, что меня зовет женщина. Я что тут, не одна девица, что ли? А потом все вокруг померкло...

Я уже не могла видеть, как старшина Оськин с перекошенным яростью лицом вскакивает на ноги и бежит к упавшему на землю фольксштурмовцу, вокруг разбитой падением головы которого уже расплзлась зловещая темная лужа. Как пинает труп, пока его не оттаскивают товарищи по экипажу. Как старшего лейтенанта Константина Крепченко несут на плащ-палатке обратно, и улыбчивый комвзвода, вновь закаменев лицом, приказывает обыскать руины и расстрелять всех обнаруженных с оружием или даже заподозренных... Но почему-то мне казалось – все это я вижу, глядя откуда-то сверху и чуть сбоку...

Россия, недалекое будущее. Виктор

Девчонка солгала, когда сказала, что до сих пор ни разу не играла в эту игру. Но – для чего? Да и не похоже было, что для нее все это не впервой. Но еще ни разу такого не случилось, чтобы полная личностно-психологическая ассоциация с реципиентом произошла во время первой же попытки. Или бывает? И ему просто наконец-то повезло, и он нашел «тот самый» неограниченный алмаз?

Сам-то он отнюдь таким «алмазом» не являлся. И «слияние» у него произошло только на шестой раз. Неужели – вот оно, то, ради чего он отправился в «свободный поиск», переругавшись с половиной руководства фирмы. Спасибо Анатолию Андреевичу – поддержал. Пускай тоже не верил, что что-то из этой идеи получится, но хотя бы сказал, что Виктор имеет «право на самоопределение».

Виктор не любил это выражение – точно так же, как и многие другие в их конторе. В свое время при развале Советского Союза использовали именно эту формулировку – дескать, «республики получили право на самоопределение», а получилась вместо обещанной и ожидаемой демократии полная фигня.

Лет восемь назад Виктор в одной статейке прочел, что развал Союза готовила сама партийная элита, которой надоело жить на таком уровне, на каком в Соединенных Штатах живет средний класс. А хотела жить так, как и «полагается элите». В статье было много всяческих несуразностей, но вот именно эта фраза походила на правду. Ведь кто пришел к власти в образовавшихся после развала государствах? Кто сумел отхватить львиную долю «пирога»? Говорить об этом можно долго, только вот толку от таких разговоров? В нашем государстве – да что там в нашем, это относится ко всему постсоветскому пространству, – и так говорят слишком много, беда только в том, что делают мало.

А их контора именно делала. Предпринимала какие-то попытки. Которые, правда, до сих пор ни к чему не привели, и еще непонятно, приведут ли, но не сидеть же, честное слово, сложа руки, хая власть и не пытаясь сделать хоть что-нибудь, чтобы изменить ситуацию в лучшую сторону.

Ладно, он что-то слишком много разглагольствует, прям хоть сейчас на экран телевизора.

Итак, что имеется в наличии? Имеется девушка, которая сумела с первого раза добиться полной пси-ассоциации с реципиентом. Что, кстати, пока ни о чем еще не говорит. Вот если во второй раз произойдет то же самое, тогда можно будет задумываться над вопросом, что следует делать дальше. А пока он должен доложить шефу и продолжить наблюдение за Натальей.

Россия, недалекое будущее. Наталья

Ух ты! Будь я дома – прямиком бы в ванную побежала! Мокрая вся, – как мышь! Но не проситься же под душ в гостях.

Витек и так на меня смотрит... несколько странно. Как будто что-то сказать хочет, но не может. Соседкин пуделек Талька порой смотрит так же. Ну, блин, я и договорилась! Сравнила Витьку с пуделем. А он ведь на собаку совсем и не похож. Скорее, на волка. Угу. Снова, дуреха, романтики ищешь? «Я одинокий волк...» «Донна Роза, я старый солдат, и не знаю слов любви...» Да и на волка он не похож. Скорее, на такую... разумную овчарку, с которой не страшно пойти гулять поздно ночью.

От идиотских мыслей я очень быстро стала чувствовать себя неловко и довольно быстро засобиралась домой.

– А то мне что-то нехорошо...

– Я провожу.

– Не надо.

Я не кокетничала – и в самом деле, почему-то не хотелось, чтобы Виктор меня

проводил.

– Не надо.

– Ну, не хочешь, тогда я вызову такси.

Зависла пауза. Я чувствовала себя на удивление неловко. Никогда со мной такого прежде не случалось. Вот просто сидела, чувствуя себя бревном, и не знала, что бы такое сказать. Витек – нет, не Витек, Виктор, тоже как-то не стремился разрядить обстановку. Так что, когда сообщили, что машина ждет внизу, я почувствовала облегчение. Он, кажется, тоже.

Виктор оказался джентльменом проводил меня до машины и сразу отдал шоферу деньги. Димке бы такое в голову не пришло. В лучшем случае он молча бы сунул мне деньги, в худшем – просто поинтересовался бы, есть ли мне чем заплатить. Да нет, вру: в худшем – даже не поинтересовался бы. Господи, неужели я столько времени встречалась с таким моральным уродом?! И чтобы понять это, мне надо было... Да нет, не просто побывать в гостях у *нормального* мужика – я не настолько хорошо знаю Виктора, чтобы судить о его нормальности или ненормальности.

Виктор... Удивительным было не только то, что я ощущала во время игры, но и то, что мне почему-то совсем не хотелось называть его «Витьком». Не подходило ему это имя, если честно. Ну, какой образ создается именем «Витек»? Сосед-алкашик, незлобивый и рукастый, способный починить кран или ввинтить лампочку и готовый сделать это совершенно бесплатно, но если вдруг дадут на бутылочку – то тем лучше. Или... Или сисадмин, который не только починит вышедший из строя девайс, но и расскажет новую байку из личных наблюдений или анекдот из Интернета. При этом не ткнет раззяву-пользователя носом в то, что *нормальные люди такого не делают*, а сделает вид, что поломка и в самом деле произошла не по вине пользователя.

Витек до сих пор вел себя именно так, но сейчас мне казалось, что эта личина не имеет никакого отношения к его реальной сути.

А игрушка клёвая! Нет, «клёвая» – все-таки не то слово. Здесь все... слишком реальное. настолько реальное, что даже больно. Физически больно в тех местах, куда в меня, вернее, в моего персонажа попали пули.

Или я такая впечатлительная? Нет, я, конечно, впечатлительная, спорить с этим было бы глупо, но не настолько же, чтобы считать, что я и в самом деле оказалась в сорок пятом году в теле реального советского танкиста. Такого просто не могло быть. Или могло?

Вопросов накопилось как-то слишком много, а ответов – ни одного. И тогда меня посетила одна «гениальная» идея.

Глава 4

Советский Союз, период Великой Отечественной войны (точное место и время не определены). Виктор

В этот раз он сразу попал в бой. Выбрал наугад, чуть ли не с закрытыми глазами. Все равно, большой пользы от его игры нет, хоть выбирай тщательно, хоть тыкай пальцем в небо.

Клик мышки, и...

Резкие, хлесткие выстрелы танковых пушек тут же слились с гулом дальнобойных батарей. Фашистские минометы и орудия стреляли лихорадочно, но метко. Бах! Ба-бах!

Осколочный разорвался впереди, тут же еще один – сзади.

– Вилка, мать!.. – заорал мехвод.

– Не паникуй! Влево! Еще влево! Молодец! Теперь быстрее! Стой!

Словно по наитию, Виктор командовал, и снаряды рвались сзади, спереди, но никак не задевая их «Тотошу». Да, у танка имелось собственное имя, написанное кривыми буквами на правом борту башни.

– Вперед! Прибавь! Молодец! Теперь вправо. Рви! Молодчина!

Еще немного, еще совсем немного – и они проскочат обстреливаемый участок. Надо немножко потерпеть, совсем немного, ребятки...

Танк подминает под себя натянутую на вкопанные бревна колючку, наворачивая усеянную шипами проволоку на гусеницы, и они влетают на бруствер фашистской траншеи. Механик, матерясь, яростно рвет рычаги, делая над окопом почти полный разворот и хороня под пластами земли тех, кто не успел убежать. За несколько секунд до этого, прежде чем бронированный лоб тридцатьчетверки пошел вверх, Виктор успел заметить немецкого солдата – совсем молоденького, с выпученными от страха глазами. Он держал в руках магнитную противотанковую ручную гранату Haft-Hohlladung 3 (сколько бы ее в справочниках миной не называли, а посмотреть на нее в живую, и сразу ясно – граната!), собираясь, видимо, прилепить смертоносную кумулятивную штуковину к борту, когда танк начнет переползать окоп, но, видимо, так и не решился. Виктору должно быть его жаль, ведь он не виноват, этот мальчик, что его прислали сюда, в эту кровавую мясорубку, и дали в руки мину, наспех показав, куда и как ее крепить. *Должно быть его жаль*, но он, напротив, чувствовал какое-то странное удовлетворение от мысли о том, что парнишка лежит сейчас на дне траншеи, засыпанный землей, а может, даже и мертвый.

Атакующие танки проскакивают первую линию окопов, измочаленных траками, полужасыпанных, курящихся дымом после нескольких попаданий. Танк легонько подбрасывает, под гусеницами что-то хрустит и коротко скрежещет, и Виктору совершенно не к месту вспоминается, как приятель его отца называл «хрустиками» сумасшедших лихачей на мопедах. Его излишне живое воображение, разумеется, немедленно рисует соответствующую картинку, и Виктора начинает тошнить. Мать-перемать, не хватало только, чтобы прямо в танке вырвало! Вот стыдоба-то. Небось начинающая геймерша Натка танк не заблевала, хотя ей-то было бы простительно – баба, да еще и первая игра.

Но с подступающим к самому горлу комком бороться все труднее и труднее, да еще и танк трясет так, что я едва удерживаюсь на подвесном сиденье, пару раз даже приложившись плечом о шершавую, выкрашенную белой краской броню... Интересно, будет синяк или нет? У некоторых ребят с коэффициентом пси-ассоциации выше девяноста такое случалось. Правда, у него жалкие восемьдесят три с половиной...

– Короткая! Огонь!

Вслед за щелчком в наушниках шлемофона оглушительно ахает танковая пушка. Казенник скользит назад, под ноги заряжающему летит дымящаяся стреляная гильза. Дз-зынь... Заряжающий, не дожидаясь моего приказа, запихивает в ствол новый снаряд, осколочно-фугасный, как и договаривались перед боем. Затвор сочно клацает, запираясь. Глухой удар. Пряমেхонько в лоб.

– Скрикошетило, – озвучил мехвод. – Хотя по теории должно было бы пробить.

– По какой теории? – Судя по голосу заряжающего, он на взводе. Хотя все они сейчас такие.

– Геометрию учил в школе? – Веселится стрелок-радист. Этот в хорошем настроении всегда – Виктору пора уже привыкнуть, что он знает о членах своего экипажа куда больше, чем полагалось человеку, только что попавшему в чужое сознание. То есть *он знает*, что так и должно быть, а вместе с тем этот факт всякий раз продолжает удивлять.

– Если учил, то должен понимать, что такое катет, а что такое гипотенуза. У немцев броня вертикально расположенная, а нам против их снарядов – тьфу, и растереть. Так что ни по какой теории и не должно было. По статистике знаешь как? Восемьдесят девять процентов попаданий в верхнюю лобовую деталь абсолютно безопасны. А оставшиеся одиннадцать процентов приходятся на семьдесятпятки да еще более крупный калибр.

– А вот и ничего подобного!

Мехвод – человек интеллигентный, кажется, попросился на фронт из какого-то проектного института, а может, из учебного заведения. От него не то что матерщины – от него даже «черт» и «дурак» редко когда услышишь. Вот и сейчас вместо «ни хрена», которое

Виктор и любой другой член экипажа использовал бы «для пущей выразительности» мехвод заменил безликим «ничего», которое в его устах уже не настолько и безлико звучит.

– Ничего подобного! Подкалиберные пятидесятые от тридцатьвосьмерки, да и от Т-III по тригонометрическим расчетам должны были нашу броню пробивать. А они – рикошетят.

– Считать твои фрицы ни хера не умеют! – задорно кричит в ответ заряжающий; настроение у него, похоже, резко улучшилось.

– Умеют-умеют, – успокаивает мехвод. – Кое в чем получше нас считают.

Он ведет танк очень аккуратно, словно и не прет сейчас по пересеченной местности, с размаху преодолевая немецкие окопы, давя гусеницами брошенное оружие, подмерзшие трупы и еще теплые живые тела, а едет по ровной бетонной поверхности.

– А ты что, за фрицев, что ли? – задорно кричит заряжающий, а стрелок тихо добавляет:

– И вправду, Коля, ты язык-то придержи. Не охота из-за твоего дурного языка без такого водителя остаться. Ты же знаешь Усачева – тому только повод дай.

Усачев – это их полковой особист, особо рьяно выискивающий среди танкистов «скрытых врагов трудового народа».

Рядом рвутся снаряды, от дыма слезятся глаза, а его бойцы дискутируют по поводу безопасности танка.

Заряжающий толкнул в казенник следующий снаряд. Заряжающий у него хороший, физически крепкий, а что еще надо? Работа его хоть и напряженная, но простая: толкнуть нужный снаряд в казенник да гильзу потом через люк выкинуть. Правда, еще нужно отличить бронебойный от осколочно-фугасного, но этому даже обезьяну можно научить... Странная мысль. Понятно, что командир – *настоящий командир*, не Виктор, – по какой-то причине недолюбливает своего заряжающего. За что?

– Х...

Заряжающий дует на обожженные ладони, потом плюет на них. Гильза горячая, и на ладонях у него застарелые следы ожогов.

– Командир! Фрицы пушку разворачивают!

Виктор едва успел глянуть в панораму. Немцы действительно разворачивали семидесятипятимиллиметровую РаК 40.

Бу-бух! Прямо в борт.

– Командир! Порощука убили!

Один взгляд на радиста, черного, похожего на обгоревшую тряпичную куклу – снаряд прошел прямо через него. Надо...

Додумать мысль до конца оказалось не суждено. Оглушительный удар, почти не смягченный шлемофоном, стон пробиваемого болванкой металла, сноп искр – и не дающая вздохнуть боль в груди. «Что, так быстро? Но ведь мы могли бы еще...» – он еще успел ощутить острую обиду, но уже в следующий миг провалился во тьму. А еще спустя секунду – но этого он уже не узнает – сдетонировал боекомплект...

Россия, недалекое будущее. Виктор

– Вить, я тебе уже звонил. Ты почему трубку не берешь?

Вот, блин, и в самом деле – четыре пропущенных звонка от шефа.

– Анатолий Андреевич, я... выходил, а телефон на столе остался.

Врать Виктор никогда не умел, вот и сейчас фальшь сквозила в каждом слове, хотя ведь по идее – все правда: выходил... из реала, и телефон на столе лежал...

– Прекрати лгать, Виктор, – в голосе шефа явно прозвучали металлические нотки. – Ты снова играл. Хотя я категорически запретил тебе делать это.

Сквозь стены он видит, что ли? Да нет, милый Витенька, ты просто давненько не бывал в родной конторе. А там – уйма молодых мальчиков. Умненьких и честлюбивых. Которые

сделали программку, определяющую личность игрока по базовым пси-характеристикам – вот и все. Так что то, что ты заходишь в игру под чужим именем, что называется, «до Фени кари очи».

– Вить, я ведь знаю, о чем ты сейчас думаешь. – Голос шефа звучит укоризненно. – Что я тебя вычислил благодаря специальной программке, верно?

Виктор молчал.

– Верно, – сам себе ответил шеф. – И ты не так уж сильно ошибаешься. Программа-то есть, но для того, чтобы определить, играл ты или нет, мне она не нужна. Я просто достаточно хорошо знаю тебя. Поэтому я говорю тебе еще раз: прекрати. Мы пока не знаем, чем это все может кончиться.

– Анатолий Андреевич, у меня ведь коэффициент низкий! И потом – я не так часто играю.

– Просто сделай, как я прошу.

– Анатолий Андреевич, а как же другие игроки? Если что-то может произойти – то и с ними тоже? Ведь люди играют куда чаще, а главное, куда эффективнее, чем я. Или... или стала доступной какая-то новая информация?

Ответа он не дождался – в трубке раздались гудки. Шеф отдал распоряжение и не посчитал нужным выслушивать его тираду.

Неужели действительно существует реальная опасность? Или шеф попросту не хочет, чтобы Виктор занимался «бесполезным времяпрепровождением»? В его случае большой пользы и в самом деле быть не могло из-за низкого коэффициента пси-адаптации.

Задумавшись, Виктор только спустя десять минут вспомнил, что так и не задал вопроса, что дальше делать с Натальей и объяснять ли ей, в чем *на самом деле* заключается смысл игры. Впрочем, торопиться пока некуда, и Виктор решил оставить все как есть.

Глава 5

Россия, недалекое будущее. Наталья

– Лен, твой сынуля в какие-то игры компьютерные играет?

Сыну Лены было что-то около девятнадцати – на мой взгляд, именно тот возраст, когда следует заинтересоваться такой игрой, как «Танковый клуб».

Лена повернула ко мне сердитое лицо.

– И не говори! Оболтус эдакий! Недавно классная из колледжа позвонила, говорит – ваш мальчик неделю занятий пропустил. Он что, болеет? Как, думаю, пропустил, я ведь каждый день его на учебу собираю, отправляю, а ключей у него нет, он свои потерял, так он к соседке заходит, у нее наши запасные хранятся, дверь открывает, ключи снова ей отдает! Ну, думаю, паразит, с компанией какой-то нехорошей связался! Но ни куревом, ни спиртным от него не пахнет. Может, на наркотики проверить? Не дай бог...

Лена говорила и говорила, я уже успела несколько раз пожалеть о том, что задала этот вопрос, но мне надо было узнать, играл ли он в «танчики» и, если играл что при этом испытывал.

Наконец коллега заткнулась.

– Слушай, а во что он играл?

Лена нахмурилась.

– Да не знаю... Не интересовалась как-то. Мы у него просто компьютер забрали, да и дело с концом. А...

Она снова что-то говорила. Я кивала в такт и думала совершенно о другом. Поговорить с ее сыном напрямую, минуя маму? Но ведь Лена все равно узнает – к чему мне лишние разговоры? К кому бы обратиться? В игрушке имелся форум, но я его просмотрела – никто ни о чем подобном, случившемся со мной, не писал. Да и понятно: кто ж захочет, чтобы его

ненормальным считали?

– Нат, у нас принтер не печатает!

Я запросто могла разобраться с принтером сама, но не хотела. После того, как однажды получила втык от начальника за то, что «отбираю хлеб у отдела техподдержки» и за то, что лезу «не в свое дело». С тех пор занимаюсь выполнением исключительно своих должностных обязанностей.

– Ладно, я зайду в техотдел.

А там бездельничали и даже не пытались это скрыть. Если у нас хотя бы переключаются с игры на какое-то рабочее приложение, а книжку быстро суют в ящик стола, то Леха и Стас на звук открывающейся двери никак не отреагировали. Леха продолжал рубиться во что-то, азартно комментируя, а Стас нависал над ним и помогал советами.

Я подошла поближе. Знакомая картинка! Неужели мне повезло?

– О, «Танковый клуб»! Я тоже играла.

Стас заинтересованно обернулся.

– И как?

– Класс! – Для правдоподобности я закатила глаза, демонстрируя, насколько мне понравилась игрушка. – Очень... правдоподобно.

– Тебе тоже понравилось? – Тот оживился. – Я регулярно лабаю! Правдоподобно – не то слово, всякий раз футболку выкручиваю! Однажды, представляешь, даже на минуту ощутил себя в настоящем танке! И экипаж был, тесно, потно, жарко, и запах...

– «Металл, масло, соляра и порох... так пахнет танк, так пахнет победа...» – процитировала я Витьку. Надо же, и не думала, что запомню!

Стас насторожился.

– По-моему, я эту фразу уже где-то слышал...

Я деланно равнодушно пожала плечами.

– А я, кажется, где-то читала, точно не помню. Просто фраза такая... запоминающаяся.

Парень согласно кивнул.

– А вот Лешке не нравится.

Лешка подтвердил:

– Не особо. Да я вообще не понимаю, чем она Стаса так захватила. Может, у вас обоих просто воображение сильнее развито, чем у меня? А может, вы воинственные просто; я вон больше строить люблю, торговать... Я в чистые стратегии рублюсь, и то те, которые без войнушек.

– А ты в шлеме пробовал играть? – поинтересовалась я, не адресуя свой вопрос кому-то конкретному.

Лешка, как я и ожидала, мотнул головой отрицательно.

– Не люблю всех этих наворотов. Так и игроманом стать можно.

Стас же задорно воскликнул:

– Может, потому, Леха, ты игру и ощутить не можешь! Я вон в шлеме играю, мне сперва Витек одалживал, а потом я себе купил. Совсем другой коленкор. И главное, шлем-то и перчатки специально под эту игрушку выпущены. На другие игры никак не реагируют! Такая настройка тонкая...

– погоди, так тебя к «танковому клубу» Витек приобщил? – перебила я.

– Ну да! – Стас радостно взмахнул рукой. – А что, братцы, это идея! Надо будет Витьку пива выставить! За приобщение, так сказать!

– О, я падаю в долю! Меня он тоже того... приобщил! А можешь... подробнее рассказать... о своих ощущениях?

Стас смущенно махнул рукой.

– Ну, какие там ощущения... Классная игра, чувствуешь себя словно в реале – и все тут. Я ж говорю, аж вспотел...

Ну, понятное дело, если ему тоже, как и мне, казалось, что он побывал в теле реального танкиста, рассказывать об этом он не станет. А я сама – стала бы?

Но он так смущен... Может, с ним все-таки произошло то же самое, что и со мной? Но как об этом спросить? Напрямую? Лешка тогда решит, что мы просто тронулись. А если один на один? Где гарантия, что Стас все-таки признается? А где гарантия, что ему есть в чем признаваться?

Закрыв за собой дверь, я вдруг вспомнила, зачем приходила в техотдел.

– Ребята, я...

Стас странно посмотрел на меня.

– Я вот об игрушке спросила, а сама забыла, зачем пришла. У нас-то принтер не работает.

– О, я пойду погляжу, – Лешка оживился, – а то мне уже поднадоедать стало. А ты, Стас, можешь пока поиграть.

Стас качнул головой.

– Я привык со шлемом и перчатками. К тому же не люблю доигрывать за кем-то. Хочется как-то, знаешь ли, понимать, что ты делаешь, и отвечать именно за свои поступки.

Понимать, что делаешь... Хотела бы я понимать, что делаю и что со мной происходит вообще.

– Дим, у меня к тебе дело.

– Я тебя внимательно слушаю, – отвечал мой бывший возлюбленный. – Ты же знаешь, Наталья, что бы между нами не произошло, я все равно остаюсь тебе другом и готов выполнить любую твою просьбу, если это окажется в моих силах. Ну, или почти любую.

Все-таки Димка, когда обижается, становится жутким занудой. И ведь не поленился уточнить, что все-таки не «любую», а «почти любую». Уточнил – и ладно. Все-таки выполнит ведь!

– Дим, мне надо как-то связаться с Сильвестром.

Сильвестром звали стародавнего Димкиного знакомого, который, если верить весьма обширным, разнообразным и весьма противоречивым слухам, мог раздобыть любую информацию о ком угодно. Хакер от бога. Говорили, что он взломал пароль к внутренней сетке министерства образования, и все, что отправляли на печать там, одновременно «выползало» из принтера главы министерства юстиции вместе с кулинарными рецептами и прочей ерундой.

Говорили, что он взломал сайт «мелкомягких» и оставил там послание, в котором пояснял, какие именно «дыры» в очередной «форточке» им обнаружены и как их лучше закрыть. Добавляли даже, что свое письмо он окончил словами: «через неделю проверю, и, если вы не исправите эти ошибки – пеняйте на себя». Говорили, что он влез в результаты последней переписи населения и в графе «национальность» у многих городских чиновников указал «идиот» или «взяточник». Говорили... Впрочем, говорили много чего, и, думаю, половина этих слухов являлась вымыслом.

Сильвестр не только раздобывал информацию с помощью взлома баз данных. Он еще и умело пользовался ею. Нет, кажется, он никого не шантажировал, по крайней мере, так говорили. Но он умело *обменивался*: информация – за информацию, услуга – за услугу.

Уж кто-кто, а такой человек сумеет помочь мне разобраться с этой непонятной историей.

Почему я решила попытаться узнать все с помощью Сильвестра? Наверное, если бы обратилась за разъяснениями к Виктору, он бы и сам мне все рассказал. Ну, или не рассказал, но, по крайней мере, попробовать следовало. Но я не искала легких путей, как говорится: «нормальные герои всегда идут в обход».

Проблема заключалась в следующем: по слухам, он никогда не брался за дело, если оно не казалось ему интересным. И никакая сумма денег не могла заставить его заниматься тем, чего он не хотел. Да у меня и денег особых не было. На что я рассчитывала? На то, что Сильвестр – Димкин приятель? Но, по словам того же Димки, настоящих друзей у Сильвестра нет. С какой стати ему стараться ради даже не самого Димона, а его бывшей

девушки? А о том, что я успела стать бывшей, Димка предупредил меня в этом же телефонном разговоре, видимо, боясь, что я опережу его; ну, что же, для него важно думать, что это он прекратил наши отношения, что он бросил меня, а не я его – пускай думает. Главное, чтобы просьбу выполнил.

Димка обещал, но с момента нашего разговора прошло уже два дня, а со мной никто так и не связался.

Два дня меня одолевали сомнения по поводу того, захочет ли Сильвестр выполнять Димкину просьбу, а к вечеру второго дня стала сомневаться, просил ли Димон своего приятеля позвонить мне. Он, конечно, в целом парень нормальный, хоть и придурок... Да уж, мысли я формулирую... Прямо Сократ какой-то. Но все-таки на него не похоже – вот так вот просто взять и кинуть меня. Или я в очередной раз обманываюсь?

Паршивое настроение усугублялось тем, что в эти два дня Витька я не видела. Дело, конечно, не в нем, а в игре. Я попыталась играть дома, но после шлема и перчаток... Короче говоря, игра без «прибамбасов» мало отличалась от игры в те же «шарики», за которые меня раскритиковал Виктор.

Но и любимые «шарики» успокоения не принесли, и я в буквальном смысле слова не знала, куда себя деть, когда вдруг зазвонил телефон.

– Здравствуйте, Наталья, – голос такой густой и глубокий, что воображение сразу рисует эдакого былинного богатыря: рослого, могучего и с бородой. Не, не с бородой – с бородищей.

– Ваш номер телефона мне дал Вадим Селиванов.

Вадим? Ах, да, Димка-Димон-то у нас не Дмитрий – он Вадим. Он еще до ужаса любит рассуждать на эту тему: дескать, до революции Вадимов сокращенно называли Димами, а не какими-то вульгарными Вадиками, а Дмитриии вообще звались Митями и помалкивали.

– Я вас слушаю. – Кому это Димка мог дать мой номер телефона?

– Меня зовут Сильвестр. – Басит трубка. – Я так понимаю, вам необходима моя помощь. Могу встретиться сегодня. В двадцать один. Около памятника Пушкину.

Я успеваю только открыть рот, а в трубке уже раздаются гудки. Сильвестр отключился. Готов встретиться – это, конечно, замечательно, только вот манеры у него! Не спросил даже, удобно ли мне сегодня в девять. Назначил место и время встречи, и все, хочешь – приходи, не хочешь – не надо. Место и время встречи изменить нельзя. Место и время встречи... Место! Со временем-то все понятно, а вот место?! Да этих памятников Пушкину в нашем городе... до черта и больше! Какой из них имел в виду Сильвестр? Какой?!

Вариантов было три. Перезвонить самому Сильвестру и уточнить – этот вариант я отмела сразу и начисто. Уж если он сразу места не назвал, то, скорее всего, не потому, что забыл. Димка говорил, что Сильвестр любит всякие загадки и общается с теми, кто может их разгадать. Прямо какой-то «Код да Винчи», блин. К тому же перезвонить – куда? Такой, гм, конспиратор наверняка пользуется услугой «скрытый номер»...

Я глянула в «последние принятые» – нет, номер отображался. Хотя где гарантия, что это *именно его* номер? Впрочем, я опять занимаюсь ерундой и думаю совсем не о том.

А если подумать, подумать хорошенько? Что я вообще знаю о Сильвестре, кроме того, что ему, по разговорам, под силу взломать любую компьютерную защиту? Что он общается только с теми, кого сам выбрал... Что Димон не был у него дома. Что Сильвестр предпочитает решать вопросы по скайпу, потому что не любит покидать свое жилище... Димка тогда еще так преподнес это известие, что кто-то пошутил, сравнив его с достоправным Ниро Вульфом¹, а Димон так серьезно тогда пояснил, что пока еще *до такого* дело не дошло, но в дальнейшем, весьма возможно, дойдет... Стоп! Вот же оно! Памятник

¹ Ниро Вульф – персонаж романов Рекса Стаута, частный детектив, который почти никогда не покидал дома.

Пушкину должен быть неподалеку от дома, в котором он живет. Только вот что это мне дает? Да ничего. Раз Димка у него не бывал, то он, скорее всего, и не знает, где тот обитает. А если рассуждать логически? Ну, думай, думай, голова, шапку куплю...

Попробуем пойти другим путем. Мог Сильвестр назначить встречу возле самого большого памятника? Как его у нас называют – «главный Пушкин нашего города». Вряд ли. Там по вечерам собирается разнообразная «неформальная молодежь». От Свидетелей Иеговы, поющих свои религиозные гимны, до кришнаитов с вибрирующим до отдачи в печени «Ом-м-м-м». Нет, место должно быть таким, чтобы удалось легко заметить ожидающую девушку.

Угу, снова-здоровя! Только что ведь решила – *рядом с его домом* памятник должен быть, остальное не важно. Думай! Что-то важное ведь упустила...

Может, обратиться в адресное бюро? В конце концов, с именем «Сильвестр» не может быть так уж много... Но я не была уверена, что «Сильвестр» – это именно имя, а не сетевой ник.

Так что адресное бюро отпадает. Но почему тогда мои мысли все время возвращаются к нему?

Адресное бюро находится недалеко от Экономического лицея. А Димон упоминал, что Сильвестр учился в Экономическом лицее. Но ведь лицей существует, кажется, всего лет пятнадцать! Ну, да, точно, я оканчивала институт, а на нашем потоке учились несколько выпускников лицея, они еще тогда рассказывали, как проходило празднование десятилетия его существования. Нет, кажется, это было на четвертом курсе. Ну, да не важно! Важно то, что Сильвестр, получается, если и старше меня, то ненамного, всего на пару лет. А я-то думала, это дядька лет под сорок... Впрочем – нет, это тоже неважно! А важно то, что если Сильвестр учился в Экономическом лицее, то, наверное, он там недалеко и жил. Раз уж он не любит забираться далеко от дома. И есть шанс, что там он и живет до сих пор. И совсем недалеко там есть памятник Пушкину. Небольшой, его не все знают, но все-таки...

Мысль, наверное, была безумной. По крайней мере к логике она точно никакого отношения не имела. Но другой мысли так и не удалось посетить мою голову, поэтому я собралась и поехала к Экономическому лицейу.

– Привет! Ты – Наташа? Я Сильвестр.

Я просто обалдела. Я-то ожидала если не дядьку – ведь уже просчитала, что он не может быть намного старше меня, но ждала такого... Илью Муромца. А передо мной стоял парнишка, с виду лет шестнадцати-семнадцати, среднего роста, тощий. Типичный хакер? Да нет, типичный хакер должен быть с длинными невымытыми волосами, ходить с трехнедельной щетиной и носить мятую бесформенную одежду... Сильвестр же был одет аккуратно и даже не без эдакого легкого пижонства. Словом, если бы он не обратился ко мне сам, я б ни за что в жизни даже не предположила, что это и есть тот самый Сильвестр.

– По лицейу вычислила, что встреча тут будет? – Сильвестр улыбнулся, продемонстрировав ямочку на одной щеке. – Потому что я не люблю выбираться далеко от своего дома?

Я кивнула, и Сильвестр, запрокинув голову, заразительно рассмеялся.

– Как люди любят верить во всякие невероятные вещи! – заметил он, отсмеявшись. – Я когда-то запустил такую пушку – и все до сих пор верят!

Выражение «запустить пушку» мне до сих пор как-то не встречалось – привычнее было бы услышать «запустил утку», ну, да это его дело, что ему там запускать.

– Как бы я, интересно, информацию добывал, никуда не выбираясь? – продолжал парень. – Одной сети часто бывает мало... Ладно, пошли?

– Погоди. Я ведь рассуждала верно, раз мы с тобой встретились?

– А ты думаешь, я зря о себе слухи распускаю? – слегка не в тему ответил он. – Ну, так пошли?

– Куда? – не поняла я.

Сильвестр снова улыбнулся, кажется, для его физиономии это было самым привычным состоянием.

– Ну, в кафешку. Тут неподалеку есть одна, довольно неплохая. Мы же не здесь будем обсуждать твою проблему, верно?

Мы сидели за столиком на открытой площадке: я – с чашкой кофе и круассаном, Сильвестр – с большой порцией мороженого.

Я бы, конечно, предпочла сидеть внутри – снаружи меня заедали комары. Они вообще меня любят, а сегодня, видимо, решили доесть полностью.

Сильвестр сосредоточенно ковырялся ложечкой в креманке. Его кровососы, видимо, не беспокоили.

– Ну, о чем ты хотела узнать?

И, конечно же, как со мной часто случается в подобных случаях, я задала совсем не тот вопрос, который собиралась:

– А почему ты решил встретиться со мной? И что бы ты стал делать, если бы я не догадалась, куда приходить?

Он усмехнулся.

– Так на какой из вопросов отвечать сначала? Ну, если бы ты не догадалась, я, возможно, дал бы тебе еще один шанс. Правда, обычно я его не даю, но для тебя сделал бы исключение. По той же причине, по которой я согласился встретиться с тобой.

Угу, сейчас скажет что-то типа «Я тебя видел как-то с Димоном, и ты мне понравилась»...

Он резко наклонился вперед, неожиданно заговорив шепотом:

– Димон твой, понимаешь ли, нажаловался, что ты променяла его на блуждающего админа.

– На кого?!

– Ну, Виктор Терехин, известен также в широких кругах как Витек, а в узких – как «Блуждающий Админ». Ведь это он в вашей конторе системным администратором трудится?

Я кивнула; слова почему-то застревали в горле. Блуждающий админ... Почему у него такое странное прозвище?

– Понимаешь, у меня тоже есть кое-какой интерес... Так что, если ты не против, – давай будем взаимовыгодно сотрудничать.

Мне оставалось только кивнуть.

– Знаешь что. – Сильвестр решительно воткнул ложечку в горку мороженого. – Сейчас ты допьешь свой кофе, я доем мороженое, и мы пойдем ко мне. Там ты уж точно сможем поговорить спокойно. Идет?

Стало быть, у него дома мы сможем поговорить спокойно, а тут, в кафе – нет? Что за тайна-то такая?! Что он знает о Викторе такого, что это нельзя в кафе обсудить?

– Ну, вообще-то уже без двадцати десять...

Парень удивился:

– Тебя это смущает?

Я качнула головой.

– Просто завтра рано вставать...

Он усмехнулся.

– Поверь мне, Виктор Терехин стоит того, чтобы ради него не выспаться.

В *такой* квартире мне еще бывать не доводилось. Нет, не только бывать, но и видеть. В фильмах квартиры хакеров выглядят как? Неимоверное количество компов, а из всего остального – только стул на колесиках, позволяющий хакеру разъезжать между ними. Ну, еще куча всякого хлама. Чтобы зрителям-ламерам сразу стало понятно: человек живет «в сети», а к реальному миру, мягко говоря, почти не имеет отношения.

У Сильвестра все оказалось совсем не так. Нет, компьютеров, конечно, имелось в

наличии несколько, а мониторов, кажется, еще больше, и на всех что-то происходило, но в остальном... Первое, что меня поразило до глубины души – огромный аквариум прямо посередине комнаты.

– Девятьсот шестьдесят литров! – гордо заявил Сильвестр. – На заказ делали. Акриловый!

Акриловый? Я почему-то думала, что аквариумы всегда только из стекла бывают, а акриловыми – исключительно краски или, допустим, ногти. Но судя по тому, с какой гордостью Сильвестр это сказал – «акриловый», наверное, он лучше...

– Помогает сосредоточиться, – пояснил Сильвестр. – Как долго до чего-то додуматься не могу – минут двадцать – тридцать за рыбками понаблюдаю, и все, проблема сама собой решается. Ты проходи, усаживайся, где удобно. И рассказывай.

Я уселась в глубокое мягкое кресло; Сильвестр, судя по всему, являлся большим любителем комфорта, и снова задала совсем не тот вопрос:

– А за рыбками-то кто ухаживает?

– Я, – удивился Сильвестр. – А кто, по-твоему, должен это делать?

Я смутилась.

– Ну, может, мама приходит убирать... Просто комната у тебя такая... ухоженная, не как у...

– Не как в кино про хакеров? – ухмыльнулся он. – Не, это я сам. Родителей у меня нет, погибли в автокатастрофе, когда мне еще только тринадцать исполнилось. Мое хакерство, можно сказать, с этого и началось; ну, скажем, сделать так, чтобы соответствующие органы считали, что у меня имеется опекун. Уж больно не хотелось в интернат загнать, чтобы из меня после этого получилось?

– А... а как ты это сделал?

Сильвестр качнул головой.

– Это длинная история, и мне бы не хотелось... Сделал – и сделал.

– А на что ты жил?

Он невесело усмехнулся.

– Ну, сперва бабушки сердобольные – соседки, в смысле – подкармливали, да я уже кое-какую работу по программированию для одной фирмы делал, они мне платили. Не столько, правда, платили, сколько за такую же работу взрослому – пацана-то легче «нагреть». Ну, не обошлось и без некоторых, гм, не совсем законных вещей. Но это неинтересно. Давай все-таки перейдем к твоему вопросу.

Ну, насчет того, что это «неинтересно», я могла бы с ним поспорить, только, похоже, он все равно ничего не расскажет. Ну, и ладно.

– Расскажи мне, пожалуйста, сначала о Викторе...

– Терехине?

– Ага.

Сильвестр качнул головой, словно в чем-то сомневаясь. Потом почесал плечом ухо.

– Нет, Наташ. Давай-ка ты сперва подробно расскажешь, что именно привело тебя ко мне.

Тоже верно. Ведь не он обратился ко мне за помощью – я к нему. Стало быть, мне и рассказывать.

– Знаешь, а я о таком эффекте один раз слышал. – Сильвестр с задумчивым лицом почесал нос. – Но, честно говоря, решил, что человек привирает. Уж больно неправдоподобно все звучало, да и сам товарищ был из тех, кто приврать любит настолько, что даже не заботится о том, чтобы его вранье правдоподобно выглядело. А получается, что, может, он и не врал вовсе.

Парень вскочил, подбежал к аквариуму и вдруг застыл, прильнув к стеклу – простите, к акрилу. Уставился, кажется, прямо в глаза смешной пятнистой усатой рыбине.

В такой позе они оба – знаменитый хакер и никому не известная рыбешка, –

находились не меньше пяти минут. Может, ну его на фиг? Как-то он ведет себя... не совсем адекватно...

Сильвестр вдруг отлип от стенки аквариума (рыбка в свою очередь – тоже).

– Я-то Терехиным интересовался в связи с совсем другими вопросами. А так... это наводит на некоторые весьма интересные мысли.

На какие именно мысли его навело неведомое мне «это», он так и не пояснил.

– Ты с рыбкой что, информацией обменивался? – не удержалась от издевки я. – Или она вместо тебя думает?

– Можно сказать и так, – абсолютно серьезно согласился Сильвестр. – Обмениваюсь. Так вот. По поводу игрушки я пока ничего сказать не могу. Думаю, мне придется изрядно покопаться. А вот по поводу самого Терехина...

Он уселся за компьютер и движением мышки вывел на экран обычный вордовский файл.

– Узнаешь?

С фотографии на меня глядел совсем молоденький парнишка, лет семнадцати-восемнадцати, но узнать Витька труда не составляло: с тех пор он не так уж сильно и изменился.

– Тебе прочесть? Или с буквами знакома?

Я кивнула: мол, прочту сама. Я всегда почему-то лучше воспринимаю информацию глазами, чем на слух, хотя и считается, что женщины лучше воспринимают аудиоинформацию.

– Счас, – буркнул Сильвестр, и через пару секунд я держала в руках то, что у нас в отделе почему-то любят называть «твердой копией», а говоря просто – распечатку файла.

Текст содержал не так уж много информации. Виктор Терехин окончил Московский государственный технический университет имени Баумана, факультет «Информатика и системы управления», причем сразу по двум специальностям: «Программное обеспечение и информационные технологии» и «Комплексное обеспечение информационной безопасности автоматизированных систем». Тема диплома – информация засекречена. Защита кандидатской диссертации спустя всего год после окончания вуза – впечатляет, ага! Тема кандидатской диссертации – информация засекречена.

Сразу после окончания института был принят на работу в государственную структуру, какую именно – информация засекречена.

Научные публикации: восемь публикаций в сборнике РАИТ, информация о публикациях засекречена.

Не системный администратор Витек, а просто Джеймс Бонд какой-то!

– А где ты взял этот файл? – поинтересовалась я.

Сильвестр хмыкнул и взъерошил шевелюру.

– Взял?! Да я его сам создал! Это сведенная в одну кучу информация – то, что мне удалось нарыть по разным источникам.

Теперь пришла пора хмыкать мне. Тоже мне – нарыл информации!

– Вот-вот, мне тоже смешно. И до жути хочется узнать об этом человеке поподробнее, – серьезно ответил Сильвестр на мое хмыканье.

– А с чего ты стал вообще о нем информацию собирать? – поинтересовалась я. И в самом деле, странненько как-то получается: я только-только прихожу со своим вопросом, и – на тебе, готовый ответ, о качестве этого самого ответа скромно умолчим, пожалуй.

Сильвестр улыбнулся на одну сторону, напомнив не то героя мультика «Тачки», не то известного актера Харрисона Форда.

– На этот вопрос я тебе не отвечу. Лгать не хочу – не люблю просто, а правду... Ну, скажем так, он меня заинтересовал, как одна легендарная личность может заинтересовать другую легендарную личность. Такой ответ тебя устроит?

Такой ответ меня не устраивал, но вопрос был риторическим.

– Знаешь, – помолчав, добавил Сильвестр, – говорят, он серьезно науку двигал, в

Москве работал, и вдруг – бац, и в нашем городе. Причем он программист от бога, я с одним человечком беседовал, он программер на одной из фирм, в которых Витек админил. Так вот, товарищ мой сидел и в своем – повторяюсь, в своем! – коде ошибку не мог найти, а тут Витек мимо проходил и так, словно невзначай, пальчиком ему в монитор: тык! Вот, сынок, где у тебя собачка порылась!

Ну, о своем и не своем коде – это мне было непонятно, но впечатлило, чего уж тут скрывать. Впрочем, на всякий случай я все-таки спросила:

– И что?

– Как – что? Как – что?! – Сильвестр от возмущения даже вскочил. – Ты хоть представляешь, какие бабки может зарабатывать *такой* программер? Тем более – в Москве? А ведь за каким-то хреном его принесло сюда, в наше захолустье! И даже здесь он как программист мог бы получать в несколько раз больше, чем зарабатывает сейчас! Вот что!

– Но он и так неплохо зарабатывает, – осторожно возразила я. – Насколько я понимаю, его ведь берут ненадолго. Только чтобы наладил работу да передал дела толковому админу. Наверняка его работа недешево стоит...

– Все равно! – Сильвестр решительно рубанул рукой воздух. – И потом, он ведь *программист*, а не системный администратор! Ты не понимаешь, это для наших э... офисных работников все мы называемся одним словом «компьютерщик», а разница между админом и программером, как... Ну, к примеру... Ну, к примеру, если бы всех, кто работает на стройке, назвать одним словом «строитель», но ведь плиточник и сантехник – это совершенно разные профессии!

Я неуверенно кивнула. Ну, программист... Так мало ли какое у человека может быть образование. Вон у нас Люська в бухгалтерии работает, а по образованию, кажется, тоже программист. Одно дело – образование, другое – призвание, а уж кем работает, к сожалению, может быть вообще третьим...

– Не понимаешь? – догадался Сильвестр. – Ну, попробуй! Программирование – вещь серьезная; если человек способен мимоходом, с одного взгляда найти ошибку в чужом коде – он не только программист от бога, он еще и программист *практикующий*.

– Ну, или этот твой приятель – законченный лох и допускает такие ошибки, что их невооруженным взглядом видно, – и зачем я, спрашивается, ерничаю? Понимаю, что Сильвестр прав, а все равно выпендриваюсь.

Но Сильвестр на мою эскападу внимания не обратил: просто замер, как статуя, и все. Озарило его, что ли? Подключился к «информационному потоку»? Похож он при этом был, честно говоря, на дебила. Господи, с кем я связалась?! Может, встать и уйти потихоньку? Но тут лицо Сильвестра приобрело нормальное выражение.

– Знаешь, мне тут одна такая штуkenция в голову пришла... Пожалуй, я знаю, где стоит покопаться. Думаю, через пару деньков я тебе звякну.

Я неуверенно кивнула. Может, и вправду придумал что-нибудь этакое? Но если бы кто-то мог видеть его выражение лица, вряд ли б стал связываться с таким человеком...

– Запиши на всякий случай номер моего мобильного – вдруг меня дома не будет...

Сильвестр усмехнулся:

– Наталочка, хоть ты и решила, что я придурок, но все-таки раздобыть номер телефона нужного мне человека я могу, не особо даже и напрягаясь. Кстати, я тебе сегодня уже звонил, ага?

Ага, звонил.

– А знаешь, я бы хотел поглядеть, как тебя клинит, – наклонившись поближе к моему лицу, сообщил Сильвестр. – Может, тогда некоторые вещи стали бы более понятными...

Я пожала плечами. Лично мне пока было не понятным все.

– Так у меня ни шлема, ни перчаток нет...

– Шлем и перчатки я раздобуду. Не проблема. Давай договоримся. Через пару дней я позвоню, когда девайсы достану. Даже если никакой инфы не будет. Идет? А ты приедешь

ко мне и будешь играть. Окей?

Я кивнула. Может, это не слишком и прилично – шастать по гостям и играть там в «танчики», но сама мысль о том, что я снова попаду туда, в настоящий бой, заставляла меня вздрагивать от предвкушения чего-то не только весьма интересного, но и чрезвычайно важного, способного, быть может, изменить всю мою жизнь.

Глава 6

Россия, недалекое будущее. Наталья

От Сильвестра уже два дня не было никаких вестей, Виктор на работе не появлялся, и я откровенно маялась. Все валилось из рук, причем не в фигуральном, а в буквальном смысле слова. Сперва я уронила папку с проектами, потом чашку с кофе (причем тоже на готовый макет, который надо было нести шефу на подпись). Когда я облила кофе нашу старейшую сотрудницу Нину Антоновну (уж не знаю, чем она занимается, сдается мне – большую часть времени она попросту дремлет с открытыми глазами), она встрепелась и сообщила, что мне пора в отпуск.

– Девочка моя, ты совершенно зеленого цвета! Ну, просто абсолютно!

Но мне не нужно в отпуск. Мне надо в игру. Или хотя бы узнать о ней какие-нибудь новости. Ощущение такое... странное. Кажется, сейчас я начинала понимать наркоманов: и знают, что гробят себя, и не могут обойтись без дозы. Неужели я тоже стала наркоманом, только компьютерным?

К концу рабочего дня я твердо решила: все, от игровой зависимости следует избавляться. И если вдруг Виктор завтра появится и предложит мне поиграть снова, я просто его пошлю куда подальше.

И вообще: последую совету Нины Антоновны и возьму отпуск. Махну с друзьями куда-нибудь подальше. Например, на Кавказ. С рюкзаком, с теплым спальником – у меня классный пуховый спальник, пошитый, между прочим, по индивидуальному заказу. Весит, как любит говорить один мой приятель, заядлый альпинист, меньше одного литра водки. Есть еще и меховой, но он больше для понтов, в нем разве что на даче поспать и то, если машиной ехать. Тяжелый, зар-р-раза. Но на людей, ни черта в этом не понимающих, он всегда производит колоссальное впечатление.

Или махну куда-нибудь в Египет. Поныряю там. Мне уже доводилось нырять с аквалангом – правда, на озере, а не в море...

В шесть часов все похватили свои сумки и свалили – Египет не Египет, а лета пока еще никто не отменял; время довольно неплохо можно провести и у нас. А я все сидела за своим компом, не понимая, чего я, собственно, жду.

А ну их всех к чертям собачьим! И Витьку, и Сильвестра, и Димона, и игрушку эту долбанутую...

На выходе из офиса кто-то тронул меня за локоть. Я подняла глаза и увидела Виктора.

Вот сейчас я ему все выдам!

– Хочу вот в гости тебя пригласить, – не здороваясь, сказал он. – К игрушке новый патч сделали. Не хочешь опробовать?

«В гости», блин! Как будто все идет, как положено! Как будто это не он пропал на несколько дней, заставляя меня нервничать. Да не нервничать – просто выходить из себя!

«Иди ты на...» – я уже открыла рот, чтобы сказать это, и вдруг с удивлением услышала, что произношу совсем другие слова:

– Спасибо, Виктор. Конечно, хочу.

Россия, недалекое будущее. Виктор

Прикольная девчонка. А ведь она чуть не вцепилась ему в физиономию! Почему? И почему сдержалась?

Все это было бы объяснимо, если бы она играла, скажем, уже раз шесть-семь, и у нее началось привыкание – с некоторыми игроками такое случалось, он знал это. Но ведь она играла только однажды! Он легко мог узнать, чем она занималась на работе с помощью одной крохотной программки. А дома... Ребята Василия Степановича, их шефа безопасности, уверяли, что в эти дни к Наталье никто в гости не заходил и сама она домой никаких свертков не заносила.

– Наташ, тебя никто не обидел? – поинтересовался он на всякий случай. Может, девочка просто чуть не сорвала на нем свое плохое настроение?

Она мотнула головой.

– Неа. Если не считать тебя.

Что это – такая своеобразная шутка? Или она на самом деле на него обижена?

– Ты ж пропал, а мне ничего не сказал...

А это что? Обычные дамские «розовые слюни» – дескать, раз однажды побывала в гостях, стало быть, могу считаться чуть ли не официальной девушкой, и ты, стало быть, должен давать отчет о своих перемещениях? Натка, правда, на такую не похожа, но мало ли?

Он пристально посмотрел на девушку. Она, смутившись, отвела взгляд.

– Понимаешь... Мне почему-то очень сильно... надо играть. Не хочется, а именно надо.

Не фигу себе! Неужели и вправду она тот самый игрок, которого они так долго искали?! Именно тот игрок, который способен *повлиять*...

Девушка выглядела немного виноватой.

– Не знаю даже, что со мной такое...

Конечно, прежде чем открывать ей глаза на то, «что это такое», ему следовало посоветоваться с Анатолием Андреевичем. Следовало. Но...

– Наташа, я... я объясню, что с тобой такое. Только домой приедем, – и объясню.

Россия, недалекое будущее. Наталья

Это... этого просто не могло быть!

И я попросила Виктора рассказать все это еще раз. Он повторил.

Мы сидели в кухне, на столе остывал чай в высоких керамических чашках, а я слушала, как завороченная, и даже поймала себя на том, что рот у меня открыт, как у маленькой. «Личностно-психологическая ассоциация с реципиентом» – звучит гордо! Пускай и не совсем понятно. А вернее, совсем непонятно. Как это все происходит? *Как это вообще возможно?* Нет, я, конечно, большая любительница фантастики, но читать что-то такое... несусветное – это одно, а столкнуться с этим в жизни – совсем другое.

– Вить, но ведь это...

Я произнесла это вслух только для того, чтобы сказать хоть что-нибудь. Чтобы услышать свой голос и убедиться в том, что я не сплю.

Виктор молчал.

– Вить, но ведь давно доказано, что никакие изменения прошлого не могут повлиять на будущее! Они просто создают новое ответвление реальности, в котором уже история будет развиваться по другим законам...

– Доказано? – Виктор вздернул брови. – Кем же, если не секрет?

Я почувствовала, как краснею. И действительно, ляпнула же языком! Кем доказано? *А кем это вообще может быть доказано?* Ведь путешествия во времени неосуществимы. А может...

– Нат, то, что писатели-фантасты пришли к однозначному... гм, выводу, еще ни о чем не говорит. Можешь мне поверить, над нашей задачей бились далеко не худшие умы. Я... я не смогу объяснить тебе всю, как выражается один наш сотрудник, «физику процесса», поскольку сам я – всего-навсего программист. Пускай и очень хороший.

Надо же – «очень хороший»! Ну, смерть от скромности ему явно не грозит.

– Считаешь меня нескромным? – ухмыльнулся Виктор. – Ну, как говаривал тот же самый мой сотрудник, «скромность украшает только того, кому больше украситься нечем». А если честно, на мой взгляд, человек должен оценивать самого себя *адекватно*, и в заниженной самооценке столь же мало хорошего, сколь и в завышенной.

Может, я стала бы спорить с ним – есть у меня такая нехорошая особенность, люблю поспорить настолько, что иногда завожусь даже с теми, с кем, по большому счету, согласна. Но сейчас мне не до того.

– Вить, и что, я... я смогу повлиять на ход истории?

Он кивнул.

– Надеюсь, что да. Может быть, не ты одна, может, все вместе – вы, игроки с высоким коэффициентом. Но иначе... иначе получается, что я и еще множество людей прожили свою жизнь зря.

Он смутился. На его месте я бы тоже засмущалась – уж больно пафосная фраза получилась.

Свою ухмылку я быстренько спрятала за чашкой с остывшим чаем.

– Понимаешь, Наталья, ты должна... ты должна понимать, что это – не просто игра. Ты должна осознавать, что делаешь. А пока ты хочешь играть просто потому, что тебя тянет. Поэтому, пожалуй, мы сделаем вот что: некоторое время ты не будешь играть. Тогда через недельку-другую ты сможешь дать ответ, хочешь ли участвовать в этом эксперименте...

Угу, решать он за меня будет, когда и чем мне заниматься.

Я поднялась из-за стола.

– Знаешь что, Витенька...

Он вздрогнул – то ли из-за моего тона, то ли еще почему.

– Я буду играть в любом случае – хочешь ты того или нет. А если ты сомневаешься, что я смогу самостоятельно раздобыть шлем и перчатки, то...

Он качнул головой. Промелькнуло восхищение в его взгляде – или я снова выдаю желаемое за действительное?

– Нет уж, Наталья, мне будет спокойнее, если ты станешь играть под моим присмотром. Кстати, если ты собиралась раздобывать прибабасы с помощью Сильвестра, то... Я бы очень попросил тебя не... не разбрасываться полученной тобой информацией. Пообещай мне.

Я задумалась. Не очень-то хорошо получалось – я от Сильвестра информацию получить хочу, а сама делиться не намерена. С другой стороны, Сильвестр-то меня и не просил ни о какой информации, единственное, чего он хотел, так это того, чтобы я поиграла в его присутствии. К счастью, об этом Виктор не заикнулся, и я с легкостью согласилась.

– Ладно, не буду... разбрасываться. Подписку о неразглашении ты с меня не потребуешь?

Виктор хмыкнул.

– Не потребую. Чаю еще хочешь?

Я мотнула головой.

– Давай я лучше сперва поиграю.

– Выбирай сорок первый год, – посоветовал Виктор, глядя мне через плечо. Во-первых, не люблю, когда кто-то из-за спины заглядывает, во-вторых, чего это он мне указывает?!

– Ты новичок, – пояснил он. – Новичков обычно обкатывают на самом начале войны.

– Чего это? – не поняла я.

Он отхлебнул чай. Ух, гад, это он специально мне на нервы действует!

– Потому, радость моя, что кончается на «у». Опыта сперва наберись, а потом уж лезь. Знаешь такую фразу – «В бой идут одни старики»? Так вот, в знаковые сражения, в ходе которых и в самом деле можно как-то повлиять на ход войны, новичкам не положено.

Я возмутилась.

– Вот глупость-то! Послушай, это кто же такое придумал?!

Виктор пожал плечами.

– Но ведь как раз по логике самых «обкатанных» и надо посылать в самое начало войны! С чего ты взял, что в самом начале не было сражений, исход которых мог переломить ход войны?! Просто потому, что об этом нигде не сказано? Так у нас о начале войны вообще мало что сказано, по сравнению, к примеру, со сражением под Прохоровкой или со Сталинградской битвой. Может, если взяться как следует, то фрицев можно было бы погнать, не пуская в Украину, не подпуская к Москве и Питеру...

Мне-то казалось, что я красноречива и убедительна. А вот Витек, похоже, так не думал. Пока я ораторствовала, он пощелкал мышкой, понажимал что-то на клавиатуре, и в результате мой выбор оказался ограничен сорок первым годом.

Я надулась. А вот не стану играть – и что ты со мной тогда станешь делать? Расстреляешь? С другой стороны... С другой стороны, я противоречу самой себе. Если моя идея верна – а почему бы ей и не быть верной? – то я... я могу постараться повлиять на события и в сорок первом.

Только надо хорошенько подумать, какое же сражение выбрать. Н-да, в очередной раз я убедилась в том, что трезвый расчет и я – понятия плохо совместимые. Потому что вместо «зрелых и обоснованных рассуждений», я вдруг обратила внимание на маленький и трогательный в своей нелепости танк. Не танк даже – «танчик». «НИ» – что расшифровывается как «На испуг». Такой танк я видела «вживую», когда мы с родителями ездили к родственникам в Одессу. Подобные танки строили в Одессе, на заводе имени Январского восстания на базе самых обычных тракторов СТЗ-НАТИ. Обшивали трактор обычной сталью, котловой, кажется, если я правильно запомнила то, что рассказывал экскурсовод, вооружали пулеметами или даже небольшими пушками. Выглядели они смешными уродцами, да еще и жутко грохотали при движении, и, вместе с тем, продержалась ли Одесса целых семьдесят три дня, не будь этих тракторотанков, снабженных зачастую вместо орудия муляжом? Которых румыны в первых боях отчаянно боялись, между прочим, попросту не понимая, что за новый тип советского танка прет на их позиции...

– Что ты выбрала-то? – поинтересовался откуда-то сзади Виктор.

– Вот! – Я ткнула мышкой в трогательный и нелепый танк, и сразу...

Советский Союз, Одесса, 19 сентября 1941 года. Наталья

– Товарищи танкисты!

Я стою в строю, на мне испачканный маслом комбез. Или тогда так еще не говорили? И – да я снова мужчина, только сейчас меня это почему-то не удивляет. И даже не напрягает... Возможно – только пока.

– Леха, – толкает меня локтем в бок сосед, – а ты уже новые танки видал? Говорят, там такое! – Он закатывает глаза.

Стало быть, я – Леха. Но надо ответить. Я отрицательно качаю головой.

– ...главный инженер завода имени Январского восстания товарищ Романов!

Человек в штатском выходит вперед, щуря глаза. Слабое зрение? Или просто от усталости?

– Товарищи, – негромко говорит он. – Я не умею произносить речи... Мы вот с товарищами Обедниковым, – он кивает в сторону второго штатского, скромно стоящего на пару шагов дальше, – и Коганом, – кивок в сторону щуплого капитана, – разработали... Конечно, товарищи, это не танк, это, так сказать, эрзац, но, одним словом. – Он обреченно машет рукой, потом лицо его проясняется. – Товарищи, за основу мы взяли трактор СТЗ-НАТИ. Многие из вас до прихода в вооруженные силы работали трактористами, – он улыбается, улыбка получается измученной – не вымученной, а именно измученной. Когда же он в последний раз отдыхал, этот замечательный человек, придумавший не менее замечательный танк? – Он обшит броней, товарищи, судостроительную сталь нам выделили товарищи с судоремонтного завода... Толщина обшивки от четырнадцати до двадцати

миллиметров, между броней и внутренней обшивкой проложены деревянные бруссы, так что от пуль и осколков мин вы будете защищены почти наверняка...

Он говорит куда оживленнее, чем начинал. Понятно, что ему проще рассказывать о технических характеристиках своего детища, чем просто толкать агитационную речь. Люди слушают – молча, сосредоточенно.

В самый разгар выступления меня вдруг отвлекает какой-то звук – противный, навязчивый. Муха? На дворе сентябрь месяц! Да, пускай по-одесски теплый, но все-таки сентябрь! Причем вторая половина месяца. Какие уж тут мухи!

Я отмахиваюсь просто так, автоматически, и жужжание пропадает.

Потом мы отправляемся рассматривать танки.

– Ребята, *это* — еще и стреляет?!

– Против румынов сгодится.

– Ну, да, мамалыжники небось перелякаются да и обделаются.

– Ага, и ихние же танки в ихнем дерьме и завязнут!

– Какие, нах, танки? Немае у румунив нияких танкив. Вон, товариш комассар казав, шо у них усе танки аж с Первой мировой, да и то французские. Винтовочная пуля – и то, нах, чуть не наскрозь пробивает.

Дружное ржание.

– Нет, ребята. – Качает головой серьезный лейтенант в очках, похожий на Кролика из мультика про Винни-Пуха. – Как же они завязнут? Они-то *внутри* танков обделаются. Пускай даже и Первой мировой. Стало быть, просто танкисты потонут. А наружу ничего не прольется. Разве только вонь просочится...

Снова ржание, переходящее порой в повизгивание.

– Прольется, – в тон серьезному лейтенанту вторит еще один – коренастый крепыш с удивительно приятной улыбкой; кто-то, кажется, назвал его Костей, – мехводы люки открывают? Открывают. Стало быть, прольется говно.

Солидный «кролик» удовлетворенно кивает:

– Получается, что сперва танкисты захлебнутся, а потом наружу проливаться начнет, и эти французские шедевры в собственном дерьме и завязнут.

«Кролик» – парень интеллигентный, ему слово «говно», видимо, не по нутру.

Крепыш смеется.

– Красотень будет! Танки ревут, гусеницы вертятся, брызги говна во все стороны, и вонь несусветная.

– Спрашивается, зачем на эти, гм... шедевры еще и пулеметы установили? – подхватывает «Кролик». – Мы ж этих потомков древних римлян просто на испуг возьмем!

– Точно, ребята! – Это один из конструкторов танка; незаметно подошел сзади. Впрочем, мы так громко смеялись и галдели, что не услышали бы даже слона. – На испуг! Мы его так и назовем, наш танк – «НИ». На испуг!

Все снова смеются, а навязчивая муха снова начинает жужжать. Я ее не вижу, но судя по звуку – это должно быть что-то размером со шмеля. Потом жужжание потихоньку меняется, и до меня вдруг доходит, что это звук телефонного звонка, но это же маразм, какой может быть телефон тут, на плацу...

И в этот момент понимаю, что ни на каком я не на плацу, что сижу дома у Витька, за его компом, а мой мобильник, жужжа, ползает, готовый свалиться со стола.

Россия, недалекое будущее. Наталья

Я буквально вывалилась из игры. Мобильник все жужжал и жужжал; я взяла его в руки, не в силах сообразить, что надо делать дальше.

– Натах, я тут кое-что нарыл, – слегка приглушенным голосом сообщил Сильвестр.

Я виновато оглянулась на Витьку, но его в комнате не оказалось. Деликатный.

Неужели к Сильвестру придется ехать прямо сейчас? Мне бы так хотелось доиграть...

И вообще – теперь-то я и так много чего знала и об игре, и о Викторе. Ну, не много, конечно, но вряд ли Сильвестр сможет мне сейчас рассказать больше. С другой стороны, не очень-то удобно получается, я сама просила его раздобыть информацию, а теперь ехать не хочу.

– Мне сейчас к тебе заехать?

– Нет, не сегодня. Я пока занят, – почти прошептал в трубку парень, – но я с тобой на днях свяжусь. Сможешь подъехать?

– Ну, конечно, смогу.

– Только смотри, может так получится, что тебе нужно будет приехать *срочно*, – предупредил он.

– Что-то случилось? Это... связано с...

– Ничего не говори, – быстро сказал хакер. – Нет, это никак не связано с твоим поручением. Я, видишь ли, занимаюсь не только твоим э... делом. Прости, не могу больше говорить. Жди звонка.

И, прежде чем я успела что-либо ответить, в трубке раздались короткие гудки.

Советский Союз, Одесса, 19 сентября сорок первого года. Наталья

– Товарищи танкисты!

Я снова стояла в строю вместе с другими. Кажется, попала в тот же самый момент, из которого «вылетела» благодаря телефонному звонку Сильвестра... Почему снова выбрала именно это сражение? Потому ли, что хотела доиграть то, что уже начала? Или потому что тянуло, тянуло именно в этот день?

Нет, не тот: место другое. Тогда – полигон завода имени Январского восстания, сейчас... эх, не так важно, где мы сейчас – бой-то, который выбрала, проходил под селом Дальник. Но день – день *не тот*! Не тот, что в прошлый раз! Если мы были на полигоне – стало быть, это происходило за несколько дней до сражения... Почему? Что-то пошло не так? Или, наоборот – именно так, и я должна пережить не только сам бой, но и... так сказать, всю его предысторию?

– ...»Передайте просьбу Ставки Верховного Главнокомандования бойцам и командирам, защищающим Одессу, – продержаться 6–7 дней, в течение которых они получат подмогу в виде авиации и вооруженного пополнения»...

Я должна пережить не только конкретное сражение... Почему – должна? Кому – должна? Что со мной вообще, черт их всех подери, происходит?!

Нет, сейчас надо не думать об этом. Я разберусь, когда... вернусь. Почему – вернусь? Что за странное слово пришло мне в голову?! Куда я могу вернуться – я сижу около компьютера, и на голове у меня не черный кожаный ребристый шлемофон на байковой синей подкладке, а металлический обруч с датчиками. А все это – просто удачная имитация. Нет, не имитация, а... Блин, не знаю я, что это такое! В прошлый раз я *была в бою* на самом деле, и сейчас... Сейчас тоже все *по-настоящему*! И бой будет настоящий! А вот погибну в нем или выживу – кто знает...

Меня реально тянуло в бой. Стоящих рядом со мной людей – тоже, но совсем по-другому. Ах, как бы я хотела оказаться именно на их месте! Да, я *на месте одного из них*, но это совсем, совсем не то. Меня тянуло в бой... как наркомана тянет к «дури», как кота – к валерьянке... Дурацкое, кстати, сравнение: для кота валерьянка – тот же наркотик. Ладно, не важно. В моей тяге присутствовало что-то... нездоровое, что ли, тогда как стоящие рядом со мной готовы умереть, защищая Родину, свою землю, стремясь не допустить врага в любимый город... Я бы хотела оказаться не *рядом с ними*, а стать, по-настоящему стать одной из них...

Я не боялась погибнуть в бою, потому что знала: погибнув *здесь* – очнусь там, в мягком кресле около светящегося монитора, очнусь, сниму шлем-обруч и пойду чай пить. А эти люди – они тоже не боятся, хотя они-то *могут погибнуть по-настоящему*! Нет, не

могут – погибнут! А не бояться, потому что главное для них – не пропустить врага дальше... Пафос? Ничего подобного! Когда *именно так и чувствуешь*, это не пафос. Правда не может быть пафосом...

– ...оправиться.

Гы, вот тебе и пафос.

Оправиться, пожалуй, было бы неплохо, только где тут уборная?

Блин, вот дура! Какая, на фиг, уборная?! Я прям как иностранный турист, который просился в туалет, а когда его высадили около леса, вернулся спустя двадцать минут и сообщил, что «тут ноу тоилет». Хорошо бы хоть кусты какие-нибудь найти, чтобы присесть.

– Леха, ты чего?

Ага, стало быть, меня зовут Леха. Уже что-то. Ах, да, в прошлый раз меня тоже звали Леха. Интересно, я попала в того же самого... персонажа?

Вот же напасть! Какая же я все-таки дура! Мне бы задуматься не о том, тот ли это Леха или просто тезка, а о том, что Леха – это я! Стало быть, я – мужик. Стало быть, чтобы э... пописать, мне совершенно не нужно присаживаться за кустик. То есть присаживаться вообще не нужно, потому как мужчины делают «это» стоя.

Пришла паника. Конечно, я хорошо представляла себе, как мужчины это делают, но представлять – это одно, а попытаться сделать – это совсем другое...

Даже штаны от смущения расстегнуть удалось не сразу. Но когда удалось... Дальше-то что? Доставать... это? Нет, я, конечно, *это* уже видала, но, скажем так, при совсем других обстоятельствах...

Какой *он* все-таки странный на ощупь... По крайней мере воспринимается совсем не так, как э... Ну, да, тогда это был не мой... Ё-моё, это что – *и в самом деле мой член?!* Ну, от осознания того, что – мой, справиться с ним легче не стало.

– Леха, ты чего пялишься? Чужого хрена не видал никогда?

Все ржут; я краснею. Ну, видала. Чужие-то как раз видала, пускай и не много. А вот свой... Я была уверена, что самый главный шок у меня случится, когда начнется бой, когда рядом будут рваться снаряды, когда танк начнет гореть. А оказывается... Интересно, матерное слово, обозначающее э... человека нетрадиционной сексуальной ориентации, возникло благодаря безграмотности Хрущева. А сейчас – *в моем настоящем «сейчас»*, – этому что, нет никакого определения? Должно быть... Но если я сейчас начну спрашивать, ребята точно решат, что это я о себе... С другой стороны – какая разница? Все равно я *просто ощущаю себя мужчиной, потому, что в войну женщин-танкистов не было*. Ну, может, и были, но поскольку я этого не знаю, то для меня все равно, что и не было. Но все-таки очень не хочется, чтобы обо мне думали... *так*.

Осторожно кошусь направо – все-таки интересно, как *это*... должно происходить. Надеюсь, что на это больше не обратят внимания...

«Сосед» встряхивает и застегивает штаны. Я повторяю действие. Что ж так резко-то! Чуть не оторвала! Руки все в каплях. Неприятно. Руки хорошо было бы помыть, но, кажется, сейчас всем не до того. А может, они, ну, то есть, настоящие мужики, умудряются это сделать не забрызгавшись? От чрезвычайно мудрого размышления меня отвлекает очередная команда.

Мы пошли в атаку – шесть десятков пускай и бронированных, но тракторов. Ужасно грохочущих, воющих включенными сиренами и «грозно сверкающих очами», как сформулировал лейтенант «Кролик» – танки шли с зажженными фарами.

Мы шли в атаку без артподготовки, вообще безо всякой артиллерийской поддержки, но «гордые потомки древних римлян» – уж не знаю, обделались они или нет, – бежали как зайцы.

Господи, если бы кто-то попросил описать это сражение, пожалуй, у меня не достало бы слов. Цельная картинка никак не складывалась, сознание выхватывало какие-то отдельные куски, словно прожектор выхватывает из окружающей темени куски пейзажа.

Жуткий грохот – совсем не похожий на тот, с каким обычно идут танки. Не грохот даже, а громыхание. Правда, я видела и слышала их только в кино да на параде, но звук... звук, скорее, говорил о том, что едет что-то очень тяжелое и очень старое, готовое развалиться. Пожалуй, с таким звуком могло бы передвигаться войско конных рыцарей в полном доспехе – лязг, громыхание – несогласованное, разболтанное, но вместе с тем грозное.

Фигурки румын в нелепой форме – рогатые кепки, длинные то ли обмотки, то ли чулки, – бегут, нелепо взмахивая руками.

Стрекочет пулемет – этакая большая цикада, в песне которой – смерть.

Я что-то кричу, не слыша саму себя, кажется, «огонь», но мой экипаж то ли слышит мои команды, то ли сам знает, что нужно делать...

А потом – потом я даже толком не успела понять, что именно произошло. В глазах потемнело, плечу стало слишком горячо, и дышать как-то трудно... Я схватилась за грудь, успела сперва удивиться тому, что груди-то, собственно, в привычном понимании, и нету, – потом вспомнила, что *здесь* я мужчина, а потом заметила, что ладонь у меня в чем-то красном и мокром, и это красное и мокрое выглядело нелепо и ненатурально, словно в дешевом боевике – что они там используют вместо крови, клюквенный сок, что ли? А потом вокруг стало постепенно темнеть, как будто я была в театре, и свет гас исподволь...

А потом меня словно ударило током, ощутимый такой разряд, и я поняла, что больше не в танке, а в собственном теле в квартире у Витька.

Россия, недалекое будущее. Наталья

В ванной у Витька нашлось зеркало, кажется, чуть ли ни единственное в квартире. Н-да, выражение лица у меня... Сказать, что офигевшее – не сказать ничего.

Прохладные струи смыли пот, страх, который, как ни странно, никак не давал о себе знать во время боя, зато сейчас... Ха, да у тебя, красавица, еще и руки трясутся. Ну-ну. Впрочем, ради сохранения самоуважения можно считать, что это от перенапряжения.

А белье и футболка... Пожалуй, зря я попросилась в душ – от футболки тоже гм, пахнет достаточно ощутимо, а натягивать пропитанную потом вещь на чистое тело не очень-то приятно.

Ладно, в другой раз возьму с собой для смены.

Я решительно оделась. Домой придется идти пешком – не хватало еще, чтобы от меня в транспорте люди шарахаться начали.

Пожалуй, надо сразу домой идти, а то как-то неудобно находиться в квартире молодого неженатого мужика такой «благоухающей» девушке.

– Чай пить будешь? Или сок?

От сока я бы не отказалась – во рту основательно пересохло, только ведь...

– Наташ, что-то случилось?

Я качнула головой.

Виктор хлопнул себя ладонью по лбу.

– Вот дурак! Ты же, наверное, переодеться хочешь. Только... – Он с сомнением посмотрел на меня. – Только у меня ничего такого размера не отыщется, а моя футболка, пожалуй, будет тебе чересчур велика...

Ха, подумаешь – велика? Зато чистая, наверное...

– Ну, если тебя не затруднит...

Он хмыкнул.

– Ну, ты прям на приеме у английского короля. Меня не затруднит.

Футболка оказалась не только чистой, она даже была выглажена как следует. По крайней мере я свои глажу куда менее тщательно. Ну, не футболка – почти платье, но мне ж не на бал ехать, верно?

– Ничего спросить не хочешь?

Пока он не задал этот вопрос, у меня в голове не было ни единой мысли. Но стоило ему спросить...

– Вить, послушай. У меня такое странное ощущение было... Ну, как будто я знаю. Знаю свой экипаж, других... ребят. Как будто мне стоит только немножко напрячься, и я вспомню. И как их зовут, и кто – я... Ну, и...

Закончить фразу было нелегко – поди, сформулируй вслух то, что ты сам не до конца понимаешь.

– И еще... матчасть. Нет, я, конечно, читала, фильмы смотрела, интересовалась. Но одно дело – читать, а другое – когда... когда твое тело *само знает*...

Я, похоже, окончательно запуталась. Но Виктор, как ни странно, понял.

– Дело в том, что я почему-то забыл тебе объяснить... Твоя матрица – она *сливается* с матрицей реципиента, а не стирает его матрицу. То есть твоя личность является определяющей, главенствующей, что ли, но и личность реального командира танка – она не пропадает. Она... ну, как бы замораживается, что ли. Я, к сожалению, не силен в терминологии. Но – где-то так.

– Но я ведь не вспомнила...

– Ну, это можно объяснить тем, что ты бессознательно подавляешь матрицу своего реципиента. Для этого тоже есть какой-то красивый термин, но я тебе поясню по-простому: ты *уверена* в том, что чего-то не можешь знать, и только поэтому ты этого и не знаешь. Уловила?

– А другие игроки...

– Другие игроки, видимо, до этого доходят сами. Я до сих пор никого *не курировал*.

И что мне теперь – зазнаться от сознания собственной эксклюзивности?

– Ты только Сильвестру своему не слишком распространяйся по поводу того, о чем я тебе говорил. Договорились?

Кем он меня считает? Треплом последним?

– Мы, вроде бы, на эту тему уже с тобой разговаривали и обо всем договорились, – как можно более сухо сообщила я.

Виктор хмыкнул.

– Ну, не обессудь. Мой опыт общения с девушками показывает, что им лучше сто раз напомнить, что кое о чем совершенно не нужно трепаться. Да и то, чаще всего, оказывается бессмысленным.

– Если бессмысленно, то зачем еще раз напоминать? – поехидничала я. – И вообще: ты просто до сих пор не с теми девушками общался.

Глава 7

Советский Союз. 24–26 июля сорок первого года. Расейняй. Наталья

Танк КВ кажется массивным. Ну, да он и является массивным, все-таки относится к тяжелым танкам, и масса его что-то около сорока пяти тонн, но и ИС – тяжелый танк, а таким громоздким не кажется... Впрочем, ИС создавался позже, так что характеристики у него, наверное, получше. Хотя вес меньше не стал, сорок шесть тонн, ага. С другой стороны, на ИС мне пока «повоевать» тоже не удалось. Значит, потом удастся – сравнить-то хочется.

Но поворачивает он, по-моему, слегка, гм, приторможенно. По крайней мере всякий раз мне кажется, что не впишемся в поворот и... того. Интересно, почему я всегда оказываюсь именно в теле командира танка – не мехвода, не радиста, а именно командира? Угу, всегда: второй раз играю, и уже – «всегда». Кстати, об экипаже: тут нас шесть человек. И пока сообразить, кто из них кто, я не могу. А может, я ошиблась, и в этот раз я не командир?

Вдруг всплыло: «Четыре члена экипажа располагаются в башне: справа – командир танка и помощник заряжающего, слева – заряжающий и наводчик». Ну, да, все правильно,

слева от мехвода – стрелок-радист. Правильно-то правильно, только вот *откуда я все это знаю?! Тридцатьчетверками* – да, интересовалась, а о КВ знала так, только какие-то обрывки.

Ах, да, Виктор же объяснял... Но *вспомнить* как-то не получается. Как он там говорил – *я знаю, что не должна знать*? Ну, ничего, вспомню. Не в этот раз, так в следующий. Знание придет само, по крайней мере я на это надеюсь.

– Интересные названия у этих литовцев, – сказал вдруг помощник заряжающего. – Расейняй. Вроде и с Расеей как-то связано, а произнести – сразу и не произнесешь?

Расейняй?! Какой Расейняй?! Разве я выбирала Литву? По крайней мере собиралась я выбрать совсем другую битву... Ну, тут одно из двух: или рука дернулась, и я тупо клацнула мышкой не туда, или... или эта игра обладает свободной волей и сама выбирает, куда ей отправить игрока?

Да нет, совершенно абсурдная мысль. Скорее первое. Ладно, в следующий раз буду внимательнее. А в этот придется погибать здесь.

В том, что придется погибать, я нисколько не сомневалась. Конечно, одной пройденной игры маловато, чтобы делать какие-то выводы, но о том, что мне *здесь* придется погибнуть, просто *знала*. Так же, как и о том, что стала сейчас участником того боя, о котором читала, боя, в котором единственный танк КВ противостоял целой немецкой танковой группе.

– ...Шяуляй.

– Чего? – переспросила я. Вот и подтверждение: Расейняйское сражение – это контрудар советских войск юго-западнее Шяуляя.

Я даже вспомнила, в связи с чем наткнулась на эту статью. Последний корпоратив на работе, хорошо поддавший юрист, рассказывающий каждому, кто попадаете под руку (или, вернее, под язык) о Магдебургском праве. И как пример – городок Расейняй, получивший это самое Магдебургское право то ли в пятнадцатом, то ли в шестнадцатом веке... Дома я влезла в инет, чтобы прочитать о Расейняе, и наткнулась на статью, посвященную героическому экипажу танка КВ, который несколько дней в одиночку блокировал маршрут снабжения немецких войск в районе северного плацдарма.

Понятное дело, я заинтересовалась. Почему это, спрашивается, в воспоминаниях немецкого танкиста Рауса об этом танке упоминается, могила экипажа имеется, а в официальных источниках, как советских, так и российских, об этом ни слова? Меня тогда это еще возмутило до глубины души.

Статей, посвященных легендарному экипажу, я нашла несколько. В одних утверждалось, что это был танк КВ-1, в других – что КВ-2. Но экипаж «единички» – пять человек, а нас тут шестеро. С другой стороны, сравнить трехдюймовку «единички» со стапятидесятидвухмиллиметровой гаубицей «двойки»... В какой-то из статей упоминалось, что танк «несколькими выстрелами уничтожил немецкую зенитку». Да КВ-2 надо было пальнуть всего один раз – в случае попадания, понятное дело.

Может, у нас в экипаже просто ребята с другого танка? Может, мы подобрали кого-то? Да нет. *Нутром чую – мой это экипаж! Ну, не чую – знаю*. А вот какой именно КВ почему-то все-таки не знаю...

Жаль, что я не могу посмотреть на танк снаружи. Угу, типа – снаружи я могу их отличить один от другого. Гы, а ты задай такой вопрос! Дескать, дорогой экипаж, не подскажет ли кто-нибудь командиру, в каком именно танке нам доводится воевать с немецко-фашистскими захватчиками! В психушку, конечно, не сдадут, за неимением таковой, но вот что не продержится танк в одиночку против целой немецкой танковой группы, если экипаж будет считать, что командир спятил...

Угу, снова меня в пафос потянуло. Да просто – неприятно это, когда тебя спятившей считают. Спятившим...

– Я говорю, название «Шяуляй» вообще на китайское похоже, – охотно повторил помощник заряжающего, после чего разговор снова заглох, и мысли опять вернулись к смерти моих «героев». Всем им суждено погибнуть, в лучшем случае – пасть от шальной

пули, в худшем – гореть заживо в смрадном огне соляра.

Интересно, кстати, почему у нас все говорят «солярка» или «соляра», а тут «соляр»? Вон и Витек, цитируя неведомого мне автора, несколько раз использовал первый вариант и несколько – второй... Интересно, как там в оригинале звучало? И вообще, надо будет, когда Витька в очередной раз пробьет на цитаты, узнать имя автора. А что, я уже такой заправский танкист – пришла уже пора «приникнуть к первоисточникам».

– ...склад горючки. Тут совсем недалеко.

Точно, в той статье, что я читала, упоминалось, что советские танкисты искали склад горючего неподалеку от Расейня. Ну, что же, погибать мне уже не впервой, так погибну хотя бы с толком.

Никакого склада мы, впрочем, не нашли. А горючее тем временем подходило к концу. Наконец танк дернулся, двигатель обреченно чихнул и встал.

– Ах, ты ж, твою в...

Мехвод выругался – длинно и замысловато. Обычно я ругань не воспринимаю – просто смешно, когда интеллигентные мальчишки из техотдела, выйдя покурить, обсуждают какие-то свои технические вопросы, вставляя матюки чуть ли не через слово. Не для связки, со словарным запасом у них, слава богу, все в порядке. Просто так. То ли они считают, что употребление ненормативной лексики придает им солидности, то ли еще что. Ну а в устах мехвода матерщина звучала как произведение искусства.

– Командир, все. Соляр – того...

Я кивнула. А что можно было сказать? Что я заранее знала, что мы застрянем здесь, на этой дороге, и будем в одиночку перекрывать дорогу всей четвертой танковой группе Вермахта? Блин, хорошо бы еще вспомнить, как моих ребят зовут. Погибать-то вместе, а погибать, обращаясь к своим товарищам по оружию по должностям или с помощью безликого «ребята» – как-то вдвойне глупо.

– Командир, мож, я того, сгоняю?

– Куда ты сгоняешь, дурья башка? – Это помощник заряжающего. Кажется, он самый старший из моего экипажа, и, похоже, даже старше моего аватара. Хотя почему «даже», похоже, лейтенант-то мой – самый младший тут.

– Ну, говорили ж, что тут неподалеку склад должен быть! – мехвод говорил быстро, родом парень явно откуда-то с северного Причерноморья.

– Должен, – флегматично подтвердил стрелок. Этот, судя поговору, латыш. Местные сказали – совсем недалеко. Только вот насколько это имеет смысл?

– Шо значит, не имеет смысла? – мехвод завелся с пол-оборота. – Это ж горючка! Ты сам понимать должен! Мы ж тут, как пугало посреди огорода! Как шиш на ровном...

– Хватит.

Мехвод сразу обиженно умолк – перечить командиру все-таки не стал.

– Никто никуда не побежит. Кто знает, где сейчас немцы? Так что, действительно, в этом нет никакого смысла.

– Так, товарищ командир, мы ж как прыщ какой торчать будем посреди дороги! По нам же влепят – и все, того!

– А так тебя одного схватят, и тоже «того», – вмешался молчавший до сих пор заряжающий. – Хороший ты парень, Колька, только жаль, думать совсем не обучен.

Колька обиженно засопел.

– А что, лучше будет, если фрицы тебя одного схватят да пристрелят? Уж погибать, так всем вместе

Колька бормотнул под нос очередной «пассаж», но согласно кивнул.

– Просто жалко ж... Не погибнуть – не считайте меня за труса, ребята, мне жизни не жаль положить, если только удастся с собой на тот свет фрицев побольше прихватить. Только ж не хочется себя рыбой на раскаленной сковородке чувствовать...

Эти ребята – молодые, между прочим, жизнь которых только началась, были готовы без колебаний отдать ее. Но с одним условием: чтобы не зря, чтобы побольше фрицев

захватить с собой на тот свет.

– Ребята. – Я постаралась припомнить статью. – Мы, конечно, скорее всего, погибнем...

Как тяжело сказать слово «погибнем» вслух, прямо в эти глаза, глядящие, кажется, в самую душу. Я добавила «скорее всего», но это на самом деле был просто такой же «пассаж», как у Кольки-мехвода, и ребята прекрасно это понимали.

– Мужики, у нас два варианта. Мы можем оставить машину здесь, а сами попытаемся пробраться к своим. В этом случае мы тоже можем погибнуть, потому что, сколько здесь немцев и какие населенные пункты они уже взяли, мы не знаем. В этом случае у нас есть какой-то шанс выжить. А есть другой вариант. Мы остаемся здесь и блокируем дорогу. На нас прет четвертая танковая группа под командованием полковника Рауса.

Я осеклась. Это мне, живущей в двадцать первом веке, известно, что четвертая танковая группа шла на соединение с группой фон Зекендорфа. Что немцы не будут знать, что делать, потому что наш танк оборвал провода, и телефонная связь со штабом Шестой дивизии отсутствовала. Что, задержав группу Рауса, наш КВ тем самым не даст ей прийти на помощь второй танковой группе, которая понесет существенные потери, а потери нашей Второй танковой дивизии будут меньше. Что Раусу придется просить помощи у Зекендорфа, хотя группа последнего явно слабее и сама рассчитывала на помощь соседей...

А мне тогдашней (вернее, тогдашнему), наверное, не полагалось даже знать фамилий немецких командующих. И окажись где-нибудь поблизости сотрудник особого отдела... Впрочем, нет, какой еще сотрудник особого отдела?! Мы в танке, на несколько километров вокруг нет никаких советских солдат, кроме нас, нет – и не предвидится, так что в этом смысле я могу ничего не опасаться. К тому же ни мне, ни моим ребятам живыми из этой передраги не выбраться.

– Ребята, костью в горле для фрицев мы, конечно, не станем. Но заглотнуть кусок территории – помешаем однозначно. Если нам удастся задержать эту танковую группу, то они не пойдут на помощь группе Зекендорфа, и, соответственно, у наших будет больше шансов всыпать им по первое число. Я... я не считаю возможным удерживать кого-то из вас, со мной останутся только добровольцы, но...

– Командир, мы остаемся все, – спокойно, не повышая голоса, сообщил стрелок.

– Точно, Янис, – поддержал его Колька. – Помирать, так же ж и с музыкой! И нам, и фашистам. Устроим им музычку, ребята, шоб никому мало не показалось!

– Мы все тут комсомольцы! – поддержал заряжающий, имени которого я пока не знала.

Сидеть в чреве танка жарким июньским днем, да еще и вшестером – трудно подобрать слова, чтоб описать все свои ощущения. Непередаваемые, надо признать. Наверное, если попасть внутрь работающей кофеварки, они будут похожими.

Мы сидели, а на дороге было пусто. Ребята пока молчали, но надолго ли хватит их терпения?

Ручные часы на потертом ремешке, со звездочками на циферблате, показывали четверть третьего, когда мехвод вдруг сказал:

– Пруть! Как есть пруть, товарищ командир!

Действительно, на дороге показалась колонна грузовых автомобилей.

– Ребята, готовсь! Осколочно-фугасным. Огонь по готовности.

– Командир, похоже, на машине наши! Пленные!

– Ребята...

– Ничё! Счас все сделаем в лучшем виде!

И действительно, сделали.

Пленные, сидевшие в грузовике, воспользовались возникшей паникой. Сухой треск выстрелов, несколько фигурок, метнувшихся в сторону леса...

– Пальни-ка еще разок.

– Разворачиваются!

– Не дадим гаду уйти!

Еще один выстрел – и уходить и в самом деле оказалось некому. Скольким нашим удалось спастись? Сколько фашистов мы уложили? Ответов на эти вопросы у меня не нашлось. Наше «великое сидение» только-только начиналось. Зато четыре догоравших на шоссе грузовика, разменянные всего-то на два осколочно-фугасных снаряда, приятно тешили душу...

Может быть, думать об этом глупо, но и не думать отчего-то никак не получалось. Единственная мысль, которая серьезно беспокоила – что же делать, если вдруг захочется в туалет. Может, со стороны это и выглядит смешно, но, как бы выразиться поприличнее... потерять боеспособность из-за переполненного мочевого пузыря – в этом смешного нет ничего. Абсолютно... Но почему-то в туалет не хотелось. То ли оттого, что я сейчас находилась в мужском теле, а мужской организм устроен в этом вопросе не так, как женский, то ли потому, что вся излишняя влага выходила в виде пота. А может, и вовсе потому, что тренированный организм привык оправляться в строго определенное время и строго по приказу. Но какова бы ни была причина, к счастью, мне даже не пришлось терпеть.

Но зато приходилось терпеть полное бездействие. Я поймала себя на том, что то и дело поглядываю на часы. Прошло пятнадцать минут, тридцать, сорок, а казалось, что с момента первого появления немцев прошло полдня.

– Стрельнуть, что ли, в сторону этого Расейния? – равнодушным тоном, будто разговаривая с самим собой, поинтересовался Колька.

Я бы, честно говоря, согласилась с ним, но рассудительный Янис заметил:

– Каждый сделанный впустую выстрел – это несделанный выстрел по врагу, – и пояснил чуть извиняющимся тоном:

– Так товарищ комиссар говорил, и он прав!

Наконец на дороге появилась колонна каких-то тупорылых тентованных грузовиков, выкрашенных в стандартный для вермахта образца сорок первого года темно-серый цвет. Белые тактические значки на крыльях с такого расстояния не различить.

Это немного удивляло. Ведь с момента, когда мы расстреляли прошлую колонну, прошел почти час. Не могли же немцы не знать, что наш танк практически закрыл им дорогу?! Или... могли?!

– Они, гады, небось думали, шо мы деру дали, – прокомментировал Колька. – Думали, шо обосрались и сбежали. А вот дудки ж вам!

Не знаю, действовал ли мой экипаж когда-нибудь настолько же слаженно, но в этот раз все происходило, словно в компьютерной игре, буквально с точностью до секунды. Зарядили, навели, выстрелили. Зарядили, навели... Между прочим, не такая уж и простая задача, заряжать гаубицу, каждый снаряд которой весил сорок килограмм! Вернее – не снаряд, а «осколочно-фугасную стальную гранату ОФ-530». А ведь вслед за ним приходилось еще запихивать в казенник и метательный заряд в гильзе! И это все в задымленном, несмотря на распахнутые люки и загрузочную дверь в корме, и раскаленном июньским солнцем боевом отделении! Не боевое отделение, а пышущая жаром кочегарка из старой песни «Раскинулось море широко»...

И все же мы их сделали! Подчистую. Потратив всего четыре гранаты из штатных тридцати шести (танк мне достался с полным боекомплектom; правда, еще два выстрела мы израсходовали на разгром первой колонны). Итог не мог не радовать – от немецкой колонны остались только горящие остовы, искореженные мощными взрывами, со смятыми кабинами и разнесенными в щепки бортами. Экипаж заметно воспрянул духом, обмениваясь впечатлениями о коротком бое. Приходилось орать: шлемофоны не слишком хорошо защищали от грохота шестидюймовой танковой гаубицы М-10Т...

Затем заряжающий вздохнул:

– Эх, жаль, никто из наших не знает, что мы здесь.

– А чего? Боишься в одиночку помирать? Так тут сколько танков не поставь один наш, или еще пару-тройку, все равно ситуация не изменится. Сутки продержимся, дай бог, и все.

– Я ж не говорю, жалко, что тут никого из наших нет. Я говорю, жалко, что никто не знает, где мы делись. Так и будем считаться пропавшими без вести...

– А у меня жена беременная, – тихо, словно про себя, сообщил молчавший до сих пор наводчик. – Если ей пришлют, что я без вести пропал, так она до конца войны надеяться будет, что я живой, и сына моего вырастит. А ежели похоронка придет, может, и не будет тогда у меня никакого сына. Уж очень у нас большая любовь была. Пускай лучше считается, что без вести, пускай уж лучше ждет...

– А откуда ты знаешь, что у тебя сын будет? – задиристо поинтересовался Колька. – Может, и вовсе девка получится!

– Может, и девка, – так же негромко и меланхолично согласился наводчик. – Девка – это тоже хорошо. Говорят, когда много девок родится, войны не будет...

И, посчитав разговор оконченным, принялся деловито выбрасывать наружу не успевшие полностью остыть стреляные гильзы, кисло пахнувшие сгоревшим порохом...

Экипаж замолк. Каждый погрузился в свои мысли. Я глядела на ребят и думала: а что, если бы меня дома ждала жена и не рожденный еще ребенок? Что тогда? Готова бы я была вот так вот сидеть в раскаленной летним солнцем стальной коробке, зная, что еще несколько часов, максимум сутки, и меня не станет? Что я никогда не увижу жену, не подкину в небо восторженно визжащего сына или дочь? Или бросила б все, наплевав на свой долг, и попыталась хоть каким-нибудь образом прорваться к своим?.. Может, правильно отдать приказ, заставив наводчика покинуть танк и пробираться к нашим? Но я знала: он не уйдет. Точно так же, как и другие.

Неожиданно мне пришли в голову строки Пушкина: «Есть упоение в бою». Да, в бою действительно есть упоение. Когда твой танк прет вперед, сминая все на своем пути, ты думаешь только о выполнении поставленной перед тобой – не важно кем именно, командиром или тобой самим, – задачи. О смерти даже не вспоминаешь. Смерти попросту нет. Думаю, что ощущение это не зависит от того, едешь ли ты в громящей металлической громадине, мчишься вперед на лихом коне или идешь навстречу пулеметной смерти в пешей атаке.

Но сейчас-то не бой. И вот это тягостное ожидание; тяготящее ничегонеделанье, когда время тянется, словно древесная смола, когда нагреешь ее в пальцах, а потом растягиваешь в разные стороны. Проявлять инициативу не сложно, сложнее – не проявлять, понимая, что самое важное сейчас – не предпринять ничего лишнего.

– Командир, фрицы «Раков» тащат. То ли три, то ли четыре – пока не видать. Во-он тама, в лесочке, видите?

Я прикинула к панораме, осматриваясь. Интересно, что у них там, в так сказать наличии? Тридцатисемимиллиметровые «колотушки», дальние родственнички наших сорокапятков, нам не опасны, практически, на любом расстоянии. Впрочем, не такие ж немцы идиоты, чтобы выставить против нашего бронированного монстра эти пукалки?! РаК-40 калибром семь с половиной сантиметров? Это, конечно, серьезнее! В лоб с такого расстояния вряд ли пробьют, а вот в борт – запросто. Или ходовую раскурочат. Хотя, что им от той ходовой, солярки-то все равно нет... Гм, интересно, откуда мне все это известно? Неужели память реципиента-аватара соизволила на помощь прийти? А ведь похоже, что именно «сороковые»! Плохо...

– Орудие зарядить. Стреляем только наверняка. Ствол пока окончательно не доворачивать, пусть думают, что мы их не обнаружили.

– Командир, а если не успеем? Ну, довернуть, то исть...

– Успеем. Пока они развернутся, пока изготоятся к стрельбе.

А если не успеем, мелькнула предательская мыслишка, то наше сидение просто окончится раньше, чем могло бы, и с меньшей пользой.

Немцы копошились в зарослях, готовя противотанковые пушки к стрельбе. Похоже, они и в самом деле полагали, что русский бронированный монстр их не заметил...

– Командир...

– Вижу. Давай!

Высокая угловатая башня нашего самоходного ДОТа величественно развернулась в сторону изготовившихся к стрельбе немецких противотанкистов. Развернулась как-то слишком медленно, а может, мне просто это казалось.

– Огонь!

Залп. Броня уже привычно загудела, отзываясь на удар танковой пушки. Еще не успела осесть поднятая выстрелом пыль, когда между двумя немецкими орудиями взметнулся к небу могучий огненно-дымный фонтан разрыва. Одну пушку разнесло практически в клочья вместе с расчетом. Вторая тоже вряд ли сможет еще раз выстрелить – из измочаленных, курящихся тротильным дымом кустов торчит лишь погнутая взрывом станина и скособоченный орудийный щит. Расчет если он вообще уцелел тоже вряд ли пребывает в добром здравии.

Осталось последнее ПТО и невидимый в зарослях тягач. Несколько минут уходит на поиск орудия и прицеливание, затем я подаю команду:

– Огонь!

Взрыв. И долей мгновения спустя – еще один, пожалуй, даже более мощный, видимо, взорвались ящики со снарядами. К небу взлетают какие-то бесформенные обломки, ветви, изорванные лохмотья металла. Все...

– Три – ноль, – спокойно констатировал Янис. – То есть четыре, если с тягачом считать. Только теперь они, если не дураки, применят что-нибудь помощнее. Зенитку, например, или авиацию вызовут.

Напоминание о применении авиации, знаменитых немецких «Штук», пикирующих Ю-87, мне совсем не нравится. Нам и одного самолета за глаза хватит, мы ж для немецкого аса будем, словно неподвижная мишень на полигоне – и захочет, не промахнется. Да что там аса! Для любого, даже только что вышедшего из летной школы зеленого пилота. С первого захода накроет... Поколебавшись, отправляю двоих к посадке нарубить веток для маскировки. От тех фрицев, что по земле на нас попрут, это не защитит, понятно, а вот с воздуха? С воздуха угловатый танк, отбрасывающий четкую тень, и бесформенный ворох ветвей будут смотреться совсем по-разному, знаете ли...

Однако волновалась я пока что зря: авиацию немцы вызывать не стали. Тоже пока что, надо полагать. Зато подтянули помянутую Янисом зенитную пушку, длинноствольную «ахт-ахт». Ту самую, на счету которой в этой войне будут многие сотни, а то и тысячи сожженных советских танков. По-крайней мере пока у нас не появятся Т-34-85 и ИС-2. Правда, выкатывать ее на открытое место, на сей раз, побоялись, открыв огонь с максимальной дистанции почти в полтора километра. В принципе, наша «эм-десять-тэ» спокойно могла добить и на такое расстояние, но вот точность я уже гарантировать не могла. С другой стороны, у нас еще целых тридцать снарядов, тридцать! Ну то есть «выстрелов раздельно-гильзового заряжания», разумеется! И...

Бабах! Выпущенный зениткой пробный снаряд рванул в нескольких метрах от танка. По мощной броне затарахтели выдранные комья сухой глины, звонко лупанули раскаленные осколки. Приборы наблюдения заволочло пылью и дымом. Сорокашеститонный танк, конечно, даже не покачнулся, однако я отчего-то явственно ощутила удар волны спрессованного воздуха в броню. Промазали, гады... на первый раз.

– Наводи. Огонь.

Теперь выстрелили мы. Приникнув к обрезиненному налобнику, я ждала попадания, закусив от волнения и без того обветренную и искусанную нижнюю губу. Есть! Могучий султан взрыва поднялся, вырывая кусты и деревца, с явным, метров в сто, недолетом. Плохо...

Немцы шарахнули в ответ, внося необходимые поправки. И снова промазали. Снаряд рванул где-то за кормой, осколки отбили по броне барабанную дробь.

– Мажут, гады! – Почему-то мне показалось, что, не находясь мы в танке, Колька сейчас смачно плюнул бы себе под ноги. Но в танке, как известно, не плюются.

– Мазать-то мажут, – рассудительно заметил наводчик, к которому до сих пор никто по имени почему-то так и не обратился. – Да только скоро наш черед придет. У них снаряды бронебойные, уж если такая дура жажнет, мало нам точно не покажется. Хоть в упор, хоть с полутора кмэ – все одно, амбец нам.

– Панику разводишь? – презрительно поинтересовался Янис. – Так к тебе вопрос. Целься точнее, и мы их сделаем. Нам, в отличие от них, достаточно наш «чемодан» просто рядом с пушкой положить, и все.

– Почему панику? – пожал плечами наводчик. – А вот насчет целиться поточнее... перелезть на мое место, и посмотрим...

– Отставить, – рявкнула я. – Наводи, давай. Готов? Огонь!

Гаубица ахнула, выплевывая в направлении немецкого орудия сорокакилограммовую осколочно-фугасную смерть. Разрыв взметнулся уже гораздо ближе... и правее. И особого вреда немцам не принес.

– От падлюки! – вздохнул помощник заряжающего, непонятно кому адресуя свое раздражение, не то наводчику, не то немцам. Негромко и, как всегда, заковыристо выругался мехвод. Наводчик и заряжающий просто вздохнули.

В поднятом взрывом дыму сверкнул ответный выстрел немцев. Чисто инстинктивно я схватилась за рукоятку, чуть отстранившись от панорамы, чтобы, случись что, не разбить лицо. Мне отчего-то казалось, что этот снаряд упадет...

Удар. И многотонная махина вздрогнула, к счастью, не от попадания, просто немецкий снаряд упал буквально в паре метров от нас.

– Готово, командир, – спокойно, словно ничего не произошло, отрапортовал заряжающий.

А наводчик, на этот раз не дожидаясь моей команды, самостоятельно нажал на спуск.

Остатки зенитки взрывная волна разбросала в радиусе метров десяти, снаряд угодил точнехонько в пушку.

До вечера немцы оставили нас в покое.

Ночь принесла облегчение – стало не так жарко, да и расслабиться можно, немцы ночью явно атаковать не станут. Это уже гораздо позже они научатся воевать и в темноте, пока же все еще воюют по правилам, только в светлое время суток. Хотя, не факт, конечно, но так хочется на это надеяться...

Мы по одному выбирались из-под брони, как изящно выразился Колька – чтобы «пометить танк», и я в очередной раз удивилась выносливости собственного мочевого пузыря. Но ночная прохлада, уничтожив одну проблему, родила другую: захотелось есть и пить. Воды оставался мизер, полторы фляжки на всех, еды же не оказалось вовсе.

Мы сидели внутри – кто-то дремал, кто-то – нет, но внезапно раздавшийся осторожный стук разбудил всех.

– Дядьки, вы там живые? Дядьки!

По-русски мальчик (кажется, все-таки мальчик, а не девочка, хотя в темноте ребенка и не разглядеть) говорил с акцентом и короткими, рваными фразами, но вполне понятно.

– Держите, дядьки. То мама вам передала. То поесть. И молоко. Ну, я побег.

– Спасибо, пацан.

В ответ он серьезно кивнул.

– Дядьки, только осторожнее. Тут немцы... солдаты... наблюдают. Неподалеку. Чтоб мину вам не подложили или не спалили ночью... Глядите там...

Мы еще раз поблагодарили мальчика. И я ощутила жгучий стыд: как можно было не выставить охранение, как?! Вот я идиотка! Рисковала и машиной, и экипажем лишь потому, что «не подумала»! Ну, не дура ли?! Впрочем, и бойцы мои хороши: могли б тоже об этом догадаться! Нет, все понятно – усталость, бой, не ели почти сутки, но все же...

А мальчонка прав: немцы, да еще и поодиночке, запросто могли в темноте подобраться к танку и установить подрывные заряды. Кажется, с тем, настоящим (а я что – в игрушечном, что ли?!) КВ именно это и произошло: дождавшись, когда измотанные боем уставшие

танкисты заснут, немецкие саперы подобрались вплотную, установили на гусеницах и бортовой броне заряды и подожгли бикфордов шнур. Правда, *тому* танку только перебило гусеницу, но зачем зря рисковать? Спать-то можно и по очереди. Оружие, один ППД-40, наган и десять осколочных гранат, имелось. Распределив очередность дежурств – охранять машину решили по двое, снизив тем самым вероятность того, что один часовой попросту уснет. Как выяснилось немногим позже, не зря. Правда, вести прицельную стрельбу в темноте непросто, но это оказалось не критичным: несколько очередей и пара гранат по шевелящимся теням, и фрицы оставили нас в покое до самого утра...

Новую попытку они предприняли поздним утром. То ли сами отдыхали, то ли нам на нервы действовали, но почти до одиннадцати ничего не происходило.

За час до полудня в наступление пошли танки. Легкие, верткие чешские PzKw-35t. Они сновали туда-сюда, жутко действуя на нервы. Или попросту отвлекая нас от реальной опасности. Поскольку их снаряды пробить броню нашего танка никак не могли. Но муха, жужжащая над ухом, тоже не может принести большого вреда, однако раздражает серьезно.

Мои танкисты заметно занервничали.

– Командир, гасить их надо, гасить!

Я согласно кивнула.

– Надо. Только не торопимся, чтобы было поменьше выстрелов впустую. Снарядов у нас не так много, а немцев вокруг... сами знаете. И не забываем о том, что на самом деле это наверняка просто отвлекающий маневр.

Экипаж согласно загудел.

– Ну, да...

– Их снаряды нам, что мертвому припарка.

– Это не с той темы. Ты б еще сказал – «что козе баян»!

– Та хоч козе припарка – яка разница? Тут дывытсья надо як следует...

Парочка выстрелов оказались очень удачными, и количество «чехов» поубавилось аж на три единицы. Причем первому из них мы ухитрились уложить снаряд прямо в корпус, отчего танк в полном смысле перестал существовать, превратившись в несколько тонн раскиданного по полю изорванного взрывом рваного металла. Остальные двое просто оказались слишком близко от упавшей гранаты – один из них перевернуло, второму разворотило ходовую и сорвало гусеницу. Добивать их не стали, экономя снаряды, и продолжили внимательно следить за тем, что творилось по флангам и «за спиной». И это вскоре принесло результат:

– Командир, снова зенитка, на прямую наводку выкатывают! Однако повторяются, гады! Ничего другого придумать не смогли?

– Так они же думают, что мы ничего не замечаем.

– Эх, растуды их в коромысло и чтоб их... в... и еще... за... подвесить, а потом... и в дышло, чтобы... и свистело, и лаяло, и...

В этот раз Колькино высказывание оказалось особенно цветистым и длинным, оно поразило даже воображение обычно невозмутимого Яниса, удивленно вскинувшего бровь...

– Огонь...

Вторая ночь прошла вовсе безо всяких эксцессов. Ни вечером, ни, собственно, ночью немцы нас не беспокоили. Спали по очереди, выставя неплохо зарекомендовавшие себя прошлой ночью парные патрули, вооруженные автоматом, наганом и гранатами. Местные жители, на этот раз аж трое, снова принесли нам еду и воду. Одно плохо – боеприпасы подходили к концу.

– Было бы здорово, если бы они вместо еды нам снарядов притащили, – невесело пошутил заряжающий. Его, как выяснилось, звали Вадимом. – А то совсем обидно будет, когда они нас голыми руками брать станут.

– Ну, голыми руками, предположим, не возьмут. У нас все-таки тоже кое-что имеется.

Но этого «кое-чего», конечно же, недостаточно. Да и не станут нас выковыривать из

нашей громыхалки. Не получится, да и незачем. Куда проще подобраться поближе и подорвать. Или поджечь, из огнемета, например, или закидав бутылками с «коктейлем Молотова», о котором фрицы никак уж не могли не слышать... Кажется, с тем, настоящим «Ворошиловым», так в результате и произошло, если я ничего не путаю. Нет, конечно, у нас есть целых три «дегтярева» и три тысячи патронов к ним, но чем они нам помогут, если немцы войдут в мертвую зону, недоступную для пулеметного огня? Танк-то неподвижен; мы сейчас, как ни крути, просто высоченный бронированный ДОТ, застывший на обочине дороги...

Впрочем, как уже говорилось, ночью немцы приблизиться не рискнули, а уж когда рассвело, – тем более, и еще полдня прошло в томительном ожидании хотя бы каких-то действий со стороны противника. Но ничего не происходило. И это меня заметно нервировало. Да и ребята стали раздражаться и достаточно резко одергивать друг друга, цепляясь по малейшему поводу. Признаюсь, несколько раз не сдержалась и я. Резко одернула Кольку, неловко пошутившего по поводу запаха внутри танка, затем, неведь почему, рывкнула на Вадима...

Кажется, спокойствие удалось сохранить только Янису. Когда я сорвалась во второй раз, он ничего не сказал, только очень спокойно поглядел на меня своими темно-серыми глазами, и я почувствовала, как стыд заполняет меня целиком. Мне-то хорошо, еще несколько часов, ну, пускай сутки, и для меня это «сидение» так или иначе закончится. Я сниму шлем и перчатки, приму душ и залезу в постель с какой-нибудь увлекательной книжкой. А ребята? Для них *все это* тоже окончится, но, в отличие от меня, навсегда. На-всег-да. Не будет больше спокойного и рассудительного Яниса, разудалого Кольки, интеллигентного Вадима, двоих других, имена которых я так пока и не вспомнила...

Эти люди существовали *на самом деле*. Жили, влюблялись, страдали и радовались, служили в армии и волей судеб оказались в конце июня 1941 года здесь, неподалеку от небольшого городка Расейняй. Вместе со своим командиром, в сознание и тело которого я неким непостижимым способом попала. Нет, не «непонятным», а именно «непостижимым», потому что все, что рассказывал Виктор о «слиянии», было вроде бы понятно, но постичь это я так и не смогла. Это – точно как со Вселенной: понятно, что у нее не может быть границ, но, вместе с тем, постичь это невозможно...

Но сейчас главное не это. Сейчас... сейчас мы должны постараться выжить... как можно дольше.

– Ребята, давайте не будем ссориться.

Прозвучало совсем не так, как мне хотелось. Как-то по-детски, что ли.

Но Янис сразу же поддержал:

– А и в самом деле. Мы уже за эти дни стали друг другу даже больше, чем друзьями.

– Родственниками, что ль? – раздраженно бросил наводчик.

– Ну, да, практически родственниками.

– А родственники обычно сильнее всего и ссорятся, – задумчиво сообщил Колька. – По крайней мере у нас, в Сычавке. Ох, жалко, хлопцы, что не могу я вас пригласить в гости...

– Пригласить-то ты можешь, – легко ответил Янис.

В этот момент мы слышали рев моторов. Устав сражаться с непобедимым русским танком, немцы-таки вызвали авиаподдержку.

– «Юнкеры», – равнодушно сообщил Вадим, изо всех сил натягивая на голову шлемофон, словно тот мог бы спасти его от летящей с неба фугасной смерти.

Звук падающей бомбы стал последним, что мне довелось услышать...

Россия, недалекое будущее. Виктор

Девчонка трясущимися руками стащила шлем. Сама, по счастью.

Вообще-то Виктор уже беспокоился: все-таки тридцать восемь часов в игре... С ним самым такого ни разу не случалось. Правда, Анатолий Андреевич успокоил его, сообщив, что

все в порядке и что главное – не выпускать девушку из внимания ни на секунду. Он и не выпускал.

– Вить...

– Ну?

– А можно... мне в инет?

– Чего?

Виктор слегка обалдел. Сам он после «слияния» некоторое время находился в отходняке, не способный ни на что, кроме как пойти принять душ. А этой в Интернет надо.

– А больше тебе ничего не надо?

Девчонка посмотрела с недоверием, помолчала. Улыбнулась виновато.

– Понимаешь, мне посмотреть надо... Я об этой истории читала, только давненько уже. По-моему, там с танком покончили совсем по-другому. То ли гранаты в смотровую щель кинули, то ли еще что...

Виктор покачал головой.

– Наташ, тебе бы матчасть подучить. Какая, на х... на фиг, смотровая щель? Ты себе представляешь ширину щели и размер связки гранат?

Наталья гневно насупилась.

– Вот я и хочу проверить! По крайней мере танк *на самом деле* уж точно не разбомбили! А по поводу матчасти... Ты-то сам в танке сидел хоть разок? В настоящем? Не так вот – в чужом теле, а в своем собственном.

Виктор хмыкнул. Девице палец в рот не клади – откусит руку целиком.

– Сидел, сидел, не сомневайся. А ты?

Девушка снова насупилась.

– Нет, и что? Зато я с закрытыми глазами разберу и соберу автомат, имею разряд по альпинизму, классно вожу машину, хорошо знаю историю и в детстве увлекалась разбором военных операций.

– А в еще более раннем детстве играла в войнушку, – в тон ей добавил Виктор, и они оба расхохотались.

– Ну, лезь в свой инет. Только, может, в душ сперва сходишь?

Она снова поглядела настороженно, принялась нюхать-нюхать. Хотя он-то все уже давным-давно убрал... И не один раз.

– Сколько я была... там?

Лгать Виктор не стал.

– Тридцать восемь часов.

– Сколько?!

Повторять он не стал – все она прекрасно расслышала, пускай теперь переваривает информацию.

– Вить, а я...

Покраснела, как вареная свекла. Ну, конечно, молодой девчонке нелегко такие вещи спрашивать, тем более у мужика. Ну, тут он ей помочь не может – ему и самому неловко. То есть когда надо было делать – никакой неловкости он не испытывал, зато сейчас...

– Вить, ну, я это... Я, пока *там* была, в туалет... ходила?

Он кивнул, не поднимая на девушку глаз. Ответил резко, стараясь за резким тоном скрыть собственную неловкость.

– Ну, сама посуди, кто ж тридцать восемь часов без туалета выдержит? Это попросту невозможно.

– И ты...

Господи, казалось, что покраснеть сильнее уже невозможно, но девочке удалось.

– Наталья, не создавай проблему на ровном месте! – прикрикнул Виктор. – Подумаешь, трагедия! Считай, что ты была ранена, а я – медсестра, которая тебя в медсанбате выхаживала.

То ли удачное сравнение помогло, то ли то, что он прикрикнул, но лицо девушки

начало медленно возвращаться в нормальное состояние.

– Давай-ка топай в душ, а я пока пойду поесть приготовлю. А то я голоден, как стадо медведей

И не только голоден – он и спать хочет, как эти самые медведи, которым пришла пора в зимнюю спячку укладываться. Ведь все то время, что она «рубилась», он просидел рядом. Ну, отлучался в кухню – сделать себе чашку кофе да парочку бутербродов. Да еще в туалет – куда ж без этого?

Девушка, вздохнув, поднялась и поплелась в сторону ванной.

– Там на вешалке халат, – крикнул ей вдогонку Виктор, – а вещи свои сразу в машинку стиральную сунь.

Сам он успел только разморозить найденную в морозилке курицу да натереть ее специями, как из комнаты позвали:

– Вить!

Пришлось возвращаться в комнату. Должно быть, с курицей, которую он держал за ноги, Виктор выглядел нелепо, но Наталье явно было не до того. Она, уже успевшая принять душ, в его халате и с мокрыми волосами была похожа на взъерошенного воробышку.

– Чего?

– Ты был прав, – возбужденно произнесла она. – Связку гранат сунули в пробойну в броне. Но знаешь что? Они на самом деле продержались всего полтора-два дня! А мы – три! Ну, почти три... Но все равно – дольше! И потом – против них все-таки не использовали авиацию! А против нас – использовали! И вообще...

Эмоции захлестывали Наталью, и говорить связно она, похоже, не могла. Виктору самому не довелось пройти через это, из-за «подкачавшего» коэффициента он, видимо, не мог влиять на то, что один из игроков назвал «тканью истории».

Неужели ей и в самом деле удалось? Вот так вот, со второго раза? Ну, играет-то она в третий раз, но в первый ее сразу убили – она и в игре-то была меньше получаса.

– Слушай, скажи мне, почему они такие сволочи? – вдруг без перехода поинтересовалась Наташа.

– Кто?

– Ну, литовцы... Ведь эту могилу недавно снова осквернили... Ведь тогда, в сорок первом, именно литовцы помогали нам... ну, я имею в виду экипаж КВ. Еду носили. А потом похоронили останки, не побоялись даже, что немцы расстреляют их за это. И на могиле, правда, потом уже, после войны, написали, что экипаж героически погиб. А сейчас сами же... Да у меня в экипаже... ну, то есть в экипаже КВ латыш был! Янис... А сейчас на могиле надпись испортили. Правда, ее кто-то восстановил, но все равно... Неужели они ничего не помнят? Неужели забыли, как фашисты вели себя на их территории? Я понимаю, они русских после оккупации сорокового года не любили, но ведь фашисты там такое творили... Почему?

Виктор замялся. На секунду перед глазами встали давешние скинхеды, приветствующие друг друга фашистским жестом. Почему...

– Понимаешь, Нат... Я тебе скажу, что я по этому поводу думаю. Как ты думаешь, кому выгодно ссорить прибалтов с русскими, западных украинцев с восточными? Кто настропляет русских против кавказцев, кавказцев против русских, и всех вместе – против евреев? Ты ж истории учила, должна знать принцип – «разделяй и властвуй». Вот и подумай...

Виктор замолчал. Ему не хотелось обсуждать эту тему. Людям не надо подсказывать ответы, надо заставлять их думать самостоятельно. Но ведь государству – любому государству выгоднее иметь народ, который употребляет подсовываемую ему информацию, не особо задумываясь над тем, какой процент в ней правды. Что называется, «пипл хавет». Он помнил, как лет десять назад вдруг заговорили о том, что на телевидении слишком много развлекательных передач – каких-то реалити-шоу, конкурсов, кулинарных передач. Ну и, конечно же, разнообразных сериалов. Поговорили-поговорили о том, что

количество развлечения неплохо бы уменьшить, а количество аналитических и познавательных программ, наоборот, увеличить, но дальше разговоров дело так и не пошло. Наоборот, многие каналы вообще ничего, кроме шоу и рекламы не крутили, даже коротеньких выпусков новостей.

– Слушай, Вить...

Ну, вот, он тут распинаясь-распинался, а девчонка – о своем. Такие они, нынешнее поколение. Впрочем, о поколении самого Виктора говорили то же самое.

– Слушаю...

– Я понимаю, конечно, повлиять на прошлое – это... почетно и очень романтично, но, может быть, что-нибудь следовало бы делать и в настоящем?

Виктор вздохнул.

– А ты можешь предложить что-то конкретное?

– Нет, но...

– Ну, вот в том-то и дело. И я не знаю, а так...

Наталья притихла, задумалась.

– А ты веришь в то, что вот так, играя, можно и в самом деле повлиять на ход войны так, что изменится вся послевоенная история? Изменится именно к лучшему?

– Ну, наши специалисты много раз просчитывали...

– Нет, – перебила девушка. – *Ты – веришь?*

– Я хочу в это верить, – твердо ответил Виктор.

Наталья понимающе кивнула.

– Ты не думай, я не отказываюсь от игры. Даже если это никак не отразится на нашем настоящем, то хотя бы ради погибших в той войне... Ради того, чтобы их стало меньше, чтобы меньше семей получили похоронку. И потом, – она вдруг снова залилась яркой краской и добавила почти шепотом, – потом мне еще просто очень нравится играть.

Глава 8

Россия, недалекое будущее. Наталья

Я ехала к Сильвестру и готовила оправдательную речь. И в самом деле – я ведь не виновата, что просидела в игре чуть дольше полутора суток. И, понятно, что проверить пропущенные вызовы я додумалась уже дома – телефон-то я, помня свое «выпадение» из второй игры, предусмотрительно отключила заранее.

Он звонил восемь раз. И еще прислал три сообщения. Ну, стыдно мне, стыдно, но ведь изменить-то уже нельзя ничего.

Я, конечно, попрошу прощения, объясню, в чем дело. Оправдываться не буду, просто скажу, что играла. Он же хотел посмотреть, как я играю? Вот я и ему продемонстрирую...

С другой стороны, Виктор просил не играть без его присмотра. А может, просто без присмотра. Ему же не могло прийти в голову, что я найду еще кого-нибудь, готового... «присматривать».

Угу, а ты сама-то, милая, готова, чтобы за тобой «присматривали» так, как это делал Виктор? Задницу тебе подтирали, штаны стирали... Нет, никаких игр, пока я не куплю себе пачку памперсов...

Если Сильвестр напомним об обещании, придется ему отказать. Без особых объяснений – Виктор же просил не трепаться.

А все-таки свинья я. Вовлекла парня, заставила добывать информацию, которую в результате узнала сама, а сказать ему об этом не имею права. Не очень-то красиво получается.

На звонок в дверь – никакой реакции. Что он там, спит, что ли? Может, засиделся вчера допоздна – хакеры, они такие, чаще по ночам работают.

Я позвонила еще. Ничего. Я начала медленно закипать. Может, он, конечно, и заработался. Но все-таки я ему сообщение отправила, что приеду прямо с утра. Примерно час назад. Можно было бы как-нибудь и отреагировать. А может, он вообще ушел? Решил мне насолить за то, что я не приехала, когда он меня вызывал.

От злости я взяла да и пнула ногой дверь. А она взяла и открылась – мягко, почти бесшумно.

Странно. Когда я была здесь впервые, он закрыл дверь, как только мы вошли. И что-то такое даже сказал, дескать, никогда дверь открытой не держит, потому как у него тут ценная информация – это даже если о компах не говорить, а они у него навороченные. Как он тогда выразился? Что-то в таком духе, что он если работает, то ему даже наушники не нужны, он и без них ни черта не услышит: ни телефонного звонка, ни даже если воры начнут мебель выносить.

И вообще: в любом детективном фильме как бывает? Приходит главный герой, обнаруживает открытую дверь, и сразу понятно, что того, к кому он пришел, убили. Однако главный герой обязательно претя в квартиру и действительно обнаруживает труп.

Но я, понятное дело, решила: так бывает в кино, но это ж не означает, что и со мной может случиться то же самое! В конце концов, может, Сильвестру просто надо работать, и он, зная, что я приду буквально через несколько минут, просто оставил дверь, чтобы я могла зайти сама, не отвлекая его?

Словом, я таки поперлась внутрь.

Я сделала всего пару шагов в маленькой прихожей и уже занесла ногу, чтобы переступить порог комнаты... и застыла.

Нет, покойников мне доводилось видеть и раньше. У меня дед умер, и бабушка двоюродная. Да и на похороны крестного меня родители брали с собой, просто я была еще достаточно мала и почти ничего не запомнила. Но то, что мне довелось увидеть тут...

Посреди комнаты, прямо около подставки любимого аквариума Сильвестра, в луже чего-то, чрезвычайно напоминающего красносмородиновое желе, лежало скрюченное тело. Остального я сразу не разглядела. И – нет, ну, надо же быть такой идиоткой! – сделала еще два шага вперед. Видно мне было хреново, видите ли!

Зато потом хорошо стало – и видно, и вообще – хорошо. Когда я не только рассмотрела подробности, но еще и заметила, что стою в этом самом, красном, и что это вовсе не желе. А вокруг – осколки. Осколки аквариума? Почему тогда нет воды?! Ведь ее в аквариуме было до черта? И еще – ярким пятном, хотя что может быть ярче, чем кровь? – крупная желтобрюхая рыбка, застывшая где-то около уха парня. Именно эта рыба притягивала мой взгляд; я стояла на месте и тупо смотрела на нее. А рыбка не шевелилась...

А голова Сильвестра... Это уже была не его голова. Кажется, где-то я читала, вроде бы у Бушкова, фразу «выходное отверстие пришлось на лицо, и он поскорее отвел взгляд». Так и было. Видимо, парень знал убийцу и без опаски повернулся к нему спиной, возможно, склонившись над аквариумом. Ему выстрелили в затылок, а вышла пуля... я почувствовала тошноту, чуть повыше левого глаза. Потом он упал, опрокинув аквариум. А затем убийца хладнокровно выстрелил еще раз, снова в голову. «Контрольный выстрел», именно так это во всяких разных детективах называется. Уже в лежачего и, скорее всего, мертвого...

Наконец ступор прошел. Сейчас должно произойти то, что всегда происходит в детективных фильмах – приедет полиция, и меня арестуют. Или я вовремя замечу и постараюсь уйти, за мной будут гнаться...

Я тихо вышла из квартиры. Тихо прикрыла дверь. Никто мне не встретился. Впрочем, и в прошлый мой приход к Сильвестру я никого из его соседей не видала. Но это ж не значит, что никто из них не подглядывал в дверной глазок. Поэтому логичнее всего было бы взять да и отправиться в полицию. Все равно «вычислить» меня – раз плюнуть. Но с головой я не дружила ни разу.

Сильвестра убили? Не, это он сам застрелился, с горя, что я на звонки не отвечаю, ага. Конечно же, убили. Кому он мог помешать? Тому, о ком узнал слишком много. Чем он

занимался в последнее время? Моим «вопросом». Стало быть, что? Стало быть, убрали его по приказанию руководства Витьковой конторы. А может, сам Витек и убрал? Нет, вряд ли. Он ведь «интеллектуальная элита»! Чистоплюй хренов...

То есть в тот конкретный момент я была абсолютно уверена в причастности к гибели Сильвестра Витьковой конторы и его самого лично.

Что сделал бы на моем месте нормальный человек? Просто тихо свалил домой, а еще лучше – взял на работе отпуск. В этом году я еще в отпуске не была, да и – лето, нормальный человек с удовольствием рванул бы куда подальше от пыльного города, даже если бы здесь не сложилась... такая ситуация. Ну, о своей «нормальности» я уже упоминала. Что бы сделал человек-правдоискатель? Отправился бы в полицию и рассказал там все, возможно, получив на свою голову неприятности. Потому как такое дело, скорее всего, «глухарь», а за нераскрытые преступления им влетает до сих пор. Потому что хоть и прошло уже больше десяти лет с момента, когда милицию переименовали в полицию, а кроме названия, там, похоже, ничего и не поменялось. По крайней мере сосед моих родителей, дядя Толя, отработавший в доблестных органах тридцать лет, утверждает, что дела обстоят именно так. И с удовольствием смотрит сериалы тридцатилетней давности, а потом заходит к моим родакам и вздохнув пересказывает содержание последней просмотренной им серии, перемежая рассказ какими-нибудь случаями из «практики». И, признаюсь честно, лично я не могу определить, что он рассказывает в данный момент – прикольный случай из фильма или отнюдь не прикольный из собственной жизни.

Ну, я, как обычно, легких путей не искала. Я решила проследить за Витьком, а потом... О «потом» я и подумаю – потом.

Советский Союз, период Великой Отечественной войны (точное место и время не определены). Виктор

...БАБАХ! Вот это неслабо ахнуло, почти накрытие! Восемь-восемь, чтоб их, тварей, сто пудов зенитку на прямую наводку выкатили, суки! А это плохо, это, можно сказать, полный аллес, как говорится. Меньше чем с километра в лобовуху – сто процентов пробитие. И все – «нас извлекут из-под обломков», однозначно. Если и не рванет боеукладка – чему там рваться-то, снарядов штук пять осталось – сколами брони всех гарантированно к праотцам отправит.

– Влево, м-мать!!!

Танк, хрестоматийная «тридцатьчетверка» с башней-«гайкой», главный труженик и победитель Великой Отечественной, шустро рванул в сторону, и еще один огненно-дымный куст снова встал в стороне. Осколки звонко пробарабанили по уральской броне; следом глухо прошлепали комья выдранной тротилом иссушенной зноем глины. Промаях. Но вот третий выстрел...

– Короткая! – попасть не попадет, конечно, но хоть прицел гаду собьет! – Огонь!

Пушка глухо бухнула, массивный казенник отбросило откатом, дымящаяся сизым корбитным дымом гильза звякнула о полки. Подсвеченный трассером – млять, они что, бронебойным вместо осколочно-фугасного лупанули?! – снаряд преодолел отделяющие их от немецкой артпозиции расстояние и... ударил точнехонько в откатный механизм, в коротком высверке столкнувшейся стали сворачивая ствол вбок. Что там с оружейным расчетом, я понятия не имел, но наверняка ничего хорошего, при таком-то попадании...

Главное – другое: эта самая «восемь-восемь» им больше не опасна. Осталось проще простого: уйти в примеченную ранее ложбинку, вон она, за кустами, которая укроет их на три четверти высоты, проехать еще метров с триста и вырваться во фланг этой самой батарее, что стояла его роте уже трех безвозвратно потерянных вместе с экипажами машин. А уж там... Танкисты пленных, как известно, не берут. Да и какие пленные после того, как побывают под гусеницами тридцатитонной машины...

В мозгу зародилось какое-то непривычное, незнакомое ощущение. Вроде как

завибрировали некие несуществующие в природе «фибры». Эт-то еще что такое?! Никогда такого с Виктром в бою не бывало. Нечто, имеющее отношение к реципиенту? Последствия контуз...

Виктор застонал, боком сползая с эргономичного компьютерного кресла на пол. Сдернул с головы мнемопроектор, содрал сенсорные перчатки. И неожиданно понял, что эти самые «вибрации» – ни что иное, как вызов от шефа, законнекченный на его компьютер...

Россия. Недалекое будущее. Наталья

Когда тебя держат за ухо – это как минимум неприятно. А если тебя за ухо держит охранник ростом под два метра и весом килограммов в сто – это еще и больно.

– Отпусти ее, Саша, – улыбаясь, сказал мужчина, сидящий во главе длинного стола. – Спасибо. Отпусти, и можешь идти.

Охранник-мордоворот сперва кивнул и только потом выпустил мое ухо.

– Что же вы, девушка Наташа, в шпионов так неумело играете?

Собеседник выглядел вполне миролюбиво, но я тут же ошетибилась.

– А я и не играю. Есть люди, которые знают, куда я пошла, так что если со мной что-то случится, вам не поздоровится.

Мужчина, запрокинув голову, захохотал громко и заливисто.

Он смеялся, утирая руками катящиеся слезы, а мне становилось все больше и больше не по себе. Что он из меня дуру делает! А может, я сама ее сделала из себя?

– Простите, – отсмеявшись, он вытер лицо платком. – Просто уж очень...

Что именно «уж очень», он объяснять не стал.

– Наталья, так что же вас сподвигло... на такой странный поступок? Ведь Виктор, как мне кажется, вам все довольно подробно рассказал – пускай и без деталей, но вам, милочка, детали эти и не нужны, вы их попросту не поймете. Так благодаря чему же он... исчерпал у вас кредит доверия, а? Зачем вы следили за ним?

– Может, вы для начала предложите мне сесть?!

Он улыбнулся.

– Конечно-конечно! Простите, Наташа, я сразу не сообразил. Вы ведь позволите называть вас просто Наташей?

Я промолчала. Можно подумать, от моего разрешения тут что-то зависит.

Отодвинула тяжелый стул – мебель тут была из настоящего дерева, качественная, что называется – сработанная на века.

– А меня зовут Анатолий Андреевич. Виктор вам обо мне рассказывал.

Последняя фраза прозвучала не вопросом, скорее утверждением. Конечно, рассказывал. И, конечно же, сразу побежал докладывать своему драгоценному шефу. Козел! И я – дура! Какого хрена я ему про Сильвестра выболтала? Был бы сейчас парень жив...

– Так вот, милая Наталья Всеволодовна Нефедова, мне хотелось бы знать, какой, гм, «зуб» вы имеете на моего сотрудника Виктора Терехина? И на меня лично? Не возражайте, я вижу, как вы на меня зыркаете. Как будто я у вас денег занял, а отдавать не собираюсь. Так зачем все-таки вы следили за Виктором?

Он неожиданно встал и довольно быстро подошел ко мне. Я невольно съежилась, потом быстро распрямила спину. Не хватало еще, чтобы этот упырь решил, что я его боюсь. То есть боюсь, конечно, но ему этого знать не обязательно.

– Наташ, что случилось?

Тихо так, доверительно. Прямо добрый дедушка, блин.

Терять мне было нечего, и, глядя ему прямо в глаза, я поинтересовалась:

– Парнишку вы за что убили? Что он такого о вас узнал, что надо было лишать жизни человека, которому двадцати пяти еще не исполнилось?

Кажется, от моего вопроса он офигел – лицо отодвинул и недоуменно моргнул. Актеришка хренов!

– Наталья, вы себя нормально чувствуете?

Угу, просто превосходно! Как можно себя чувствовать, после того как обнаружишь труп своего знакомого в луже крови?

– Кого убили-то?

– А то вы не знаете, – пробормотала я, а в голову уже стали закрадываться сомнения: а может, этот самый шеф и в самом деле ни при чем?

Я рассердилась. Да ну, как это – ни при чем? Я попросила Сильвестра узнать об этой конторе, его убили – что тут еще, спрашивается, думать?!

– Так кого убили?

– Сильвестра...

Только сейчас я поняла, что не знаю даже фамилии хакера. Сильвестр – и Сильвестр, кажется, это все-таки было именем, а не ником...

– Только не делайте вид, что вы не знаете, кто такой Сильвестр.

– Я знаю, кто такой Сильвестр. – Он отодвинул стул и уселся рядом. – Не далее как вчера мы успешно отразили его хакерскую атаку на наши сервера, но... Послушайте, Наталья, а вы ничего не перепутали? Расскажите-ка мне все последовательно и, по возможности, внятно.

– Антончик? Приветствую. Это Вовк беспокоит. Прости, дружок, но у меня тоже срочное.

Интересно, он ко всем так? «Антончик», «милочка», «дружок»...

– Дело вот в чем. Убийство. По адресу...

Он прикрывает трубку рукой:

– Какой адрес?

Адрес, как ни странно, я помню – обычно запоминание у меня происходит «ногами», как называет это моя мама: я прекрасно помню, куда надо идти, но вот назвать улицу и номер дома не могу. Но почему-то адрес Сильвестра буквально отпечатался в моей памяти, хотя, кажется, на табличку я даже не смотрела.

Я называю, он повторяет.

– Да. Нет. Нет, что ты. Просто девочка одна зашла и увидела, и, боюсь, наоставляла там кучу следов. Да. Не знаю...

Он снова поворачивается ко мне:

– Как его убили-то?

Как? Застрелили. Только крови почему-то было слишком много. А может, ее всегда столько? Меня снова начало мутить.

– Девочка не может пока ответить... Понятное дело, она испугалась, и смотреть на такое не очень-то приятно. Ну, конечно, даст. Она у меня в кабинете. Только, Антон, поаккуратнее с девочкой. Она очень... э... ценный экземпляр, мы на нее возлагаем большие надежды... Конечно, будет здесь ждать. Под моим личным присмотром.

Ах, стало быть, я – экземпляр?! И меня, между прочим, никто не спрашивает, собираюсь я давать показания или нет! А вот...

Вспышка моя погасла так же быстро, как и возникла. Конечно, я дам показания – куда я денусь? И, по большому счету, мне следует сказать Анатолию Андреевичу «спасибо» – он только что сделал меня из главной подозреваемой свидетельницей. А то, что он отнесся ко мне так... утилитарно... Так я для него и в самом деле – предмет исследования, что в этом оскорбительного? Разве что ненароком возникшая ассоциация с лабораторной крысой. Так и в этом ничего зазорного нет: как далеко бы ушла наука, не будь у нее этих белых, хвостатых, бессловесных жертв. А я, во-первых, словесная, во-вторых, я тоже служу великой цели (по крайней мере на это очень хочется надеяться). А в-третьих, крыс-то никто не спрашивал, а я вроде как варюсь во всем этом по своей воле.

– И что?

Увлечшись размышлениями, я не заметила, что Анатолий Андреевич уже прекратил

телефонный разговор.

– Что – что? – угрюмо буркнула я.

– Чего ты за Виктором-то следить стала? Решила небось, что это он твоего Сильвестра уконтропупил, причем из ревности? А?

Щекам стало жарко. Он что, меня за полную дуру принимает, что ли?! Хотя, кажется, дура я и есть...

– Согласен, дурацкая шутка. Я понимаю, ты решила, что мальчика грохнули мы, потому что он на нас какой-то компромат нарыл. Вот вроде неглупая ты девочка, Наташа, а ведешь себя, как будто тебе не двадцать четыре, а пятнадцать, честное слово. Во-первых, как я уже говорил, приятель твой сервера наши взломать не сумел...

– Ну, это еще неизвестно, – буркнула я себе под нос.

Анатолий Андреевич качнул головой, но на этот выпад не ответил.

– А во-вторых, чем, спрашивается, он мог нам навредить? Мы ничем противозаконным не занимаемся. Нету у нас в государстве, понимаешь ли, таких законов, которые запрещали бы производить наложение личностно-психологической матрицы. Просто потому, что, кроме нас, нашей конторы, никто этого делать не умеет. Так что, – он пожал плечами, – никаких резонов убирать его у нас не было. По всем законам мелодрамы мне сейчас полагается спросить: «Ну, что мне сделать, чтобы убедить тебя в том, что я говорю правду?!», причем тон выбрать наиболее патетический. Но мелодраму я не люблю, поэтому без всякой патетики заявляю: мне абсолютно наплевать, что глупая девочка Наталья Нефедова думает о моей конторе и обо мне лично. Может, грубо, зато правдиво. Если бы твой Сильвестр мог помешать делу всей моей жизни, я бы не только не колеблясь отдал приказ его убрать, но и, при необходимости, сделал бы это собственными руками. Заметь, я говорю не «убить», а «убрать», как убирают, скажем, перегородившее дорогу бревно.

Один из телефонов, стоявших на столе, зазвонил. Старинный телефон с дисковым набором номера – интересно, есть ли в городе хотя бы еще один такой?

– Да. Да, – отрывисто бросал в трубку шеф Виктора, а я размышляла. Мне почему-то казалось, что он говорит правду, что, если бы Сильвестра «убрали» по его приказу, он не стал бы скрывать этого от меня. Но вообще – какой же это страшный человек! Ведь он, при необходимости, пожертвует не только незнакомым ему человеком, таким, как Сильвестр, или, к примеру, я. Он и Виктором так же запросто пожертвует.

– Терехина немедленно ко мне, – бросил последнюю фразу Анатолий Андреевич и положил, наконец, увесистую трубку. Такой если по голове двинуть – мозгов не соберешь. Блин, о чем это я?! Я же не собираюсь бить его телефонной трубкой?!

– Думаешь, какое я чудовище? – он уставился на меня поверх очков. Очков! И это в наши дни, когда операцию по коррекции зрения не делает себе только ленивый или тот, кому нельзя по медицинским показаниям, да и те используют контактные линзы. Он что, на самом деле настолько поглощен своей работой, что до остального ему просто дела нет? Или, просто демонстрирует это всем?

Мое молчание шеф понял по-своему.

– Да думаешь, думаешь, не стесняйся. Только ведь и тебе приходилось убивать, верно? Расстреливать из пулемета, из пушки, давить гусеницами танков... Ты ведь не станешь отговариваться тем, что все это было понарошку, и что ты не считала тех людей по-настоящему живыми?

Я вспомнила неприятный чавкающий звук, с которым под гусеницами моего танка гибли вражеские солдаты, и невольно вздрогнула.

Анатолий Андреевич удовлетворенно кивнул.

– Но ведь это были враги...

– А враги что – не люди, что ли? Но ведь в тот момент ты не думала о том, что у кого-то из них осталась жена и куча маленьких детишек, которым, возможно, после смерти кормильца будет нечего есть. А что у кого-то другого осталась старушка-мать, которая не переживет известия о смерти единственного сына.

– Но это же были враги! Они хотели захватить нашу Родину! Они...

– Да, – мягко и довольно тихо ответил Анатолий Андреевич. – Это – враги. Которые хотели уничтожить нашу Родину. А для меня те, кто хочет помешать нашему проекту, такие же враги, которые хотят помешать мне спасти Родину. Лично я никакой разницы не вижу.

Он замолчал. Я тоже не знала, что сказать. В этот момент открылась дверь и вошел Виктор.

Глава 9

Россия, недалекое будущее. Наталья

– Наталья, если ты хочешь и в самом деле принести какую-то пользу, тебе придется следовать правилам.

Виктор повторяет это уж не помню в какой раз. Да и мне уже надоело повторять ему, что, по моему мнению, новичков как раз следует «посылать» в самый конец войны, а ему – не надоело возражать, что новичков «откатывают» на сорок первом, максимум сорок втором году.

Однажды он не выдержал и заявил мне, что, если я думаю, что как раз в сорок первом можно *настолько* повлиять на исторический процесс, то чего ж я так рвусь в сорок четвертый или в сорок пятый. Как ему объяснишь, что мне *просто интересно*...

Вообще Виктор не в настроении: ему здорово досталось от Анатолия Андреевича за то, что он играет. То есть играл в тот самый день, когда убили Сильвестра, а я повела себя так по-глупому, проследив Витька до его конторы.

К тому же он, кажется, здорово обижен на меня: как я, сволочь такая, могла такое даже представить – что его драгоценный Анатолий Андреевич может быть причастен к убийству Сильвестра. Впрочем, на Анатолия Андреевича я «гоню» зря: нормальный дядька, прикольный даже. Кое-что рассказал мне. Вернее, рассказал-то он довольно много, только вот увлекся настолько, что вскоре я полностью потеряла нить повествования. Вот такое вот я «блондинка». Хотя и шатенка.

Виктору Анатолий Андреевич запретил играть строго-настрого. Это случилось при мне, и он не только не орал, даже не повысил голос, но в кабинете аж холодно стало.

И хотя стало жутко интересно – почему, но спросить Витька я не рискнула.

Зато мне Анатолий Андреевич порекомендовал играть «максимально плотно», и я, как ведомая на заклание овца, даже не подумала возразить. Взяла на работе отпуск, наготовила кучу еды – ведь играть мне предстояло «под присмотром», с этим я тоже не стала спорить. Под присмотром – так под присмотром, мало ли что может произойти, уж больно много они все недоговаривают.

Единственное, на какой «протест» меня хватило – это попытаться убедить Виктора в том, чтобы мне разрешили все-таки влезть в сорок четвертый год.

Но «по-хорошему» не получалось: Виктор стоял на своем, не желая ничего пояснять, а его «отмазка» про новичков была и в самом деле просто «отмазкой». Я – прежняя, такая, какой была всего несколько дней назад, – или закатила бы скандал, или постаралась раздобыть где-то шлем с перчатками и играть самостоятельно. Но сейчас я стала чуть-чуть умнее (ну, а может, мне просто в очередной раз так казалось), и, попросив Виктора сварить мне кофе – он и в самом деле варит его куда вкуснее, чем я, почти не выбирая, ткнула мышкой.

Советский Союз. 23 марта 1944 года, район города Скалат. Наталья

«Валентайн» – не танк, танчик. Маленький – в человеческий рост. Легонький, до шестнадцати тонн не дотягивает. Да и просто – красивый. Или, может, так только я думаю –

потому как девушка? Помнится, еще в бытность мою студенткой однокурсники здорово ржали, когда я сказала, что светодиоды – красивые. Все-таки мужики – существа ни разу не романтичные, и в красоте ни хрена не понимают. Загляденье, а не машинка, и я лично надаю по шее каждому, кто скажет мне, что это не так.

Ну, да, конечно, девушки любят маленькие машинки – такие, чтобы их было удобно парковать. Я представила себе, как паркую «Валентин» на стоянке около работы, и едва удержалась от смешка. А вообще классно было бы – ездить по городу на танке. Хотелось бы мне поглядеть, как бы с меня плату за парковку брали, в тех местах, где ее взимают хрен поймешь на каких основаниях.

Что-то я отвлеклась. О чем это я? А, да, о «валентинчике».

Ездит тихо, в управлении легкий, а пушка – мощная. Просто загляденье. Впрочем, это я уже повторяюсь.

Мы их в училище проходили. То есть не я, понятное дело, а лейтенант Приходько Константин Павлович, девятнадцати лет от роду, выпускник Саратовского танкового училища, в сознании которого я сейчас нахожусь. То есть так Виктор говорит, что – в сознании. А как по мне – так в теле. Я – это что? Я – это и есть та сущность, которую злые умные дяденьки обозвал психоматрицей. Ну, может, не совсем так, но сегодня я злая, и со мной лучше не спорить.

Непонятно к чему вдруг вспоминается книжечка, выданная нам «на самостоятельное изучение» – так сказать, «Руководство пользователя» танка МК-III (Валентин)»: «Помни! Твой танк всегда должен быть готов к бою! Своевременно пополняй боекомплект и заправляй танк топливом, маслом и водой».

Мне об этом вспоминать не приходится – мой мехвод, серьезный мужик лет за сорок, следит за всем этим сам, безо всякого напоминания. Еще бы – я для него пацан, у него сын, кажется, на два года старше меня. То есть меня – лейтенанта Кости. Зовут мехвода Вадимом Семеновичем, и мы с Игорем, и ребята из других экипажей – все зовут его Семенычем, и звучит это так... любовно-уважительно. Он никогда не повышает голоса, никогда не матерится, хотя и простой тракторист. Нет, не простой – целый бригадир, и в подчинении у него было два десятка таких, как мы с Игорем, «хлопцев». Но ему, чтобы добиться чего-то, достаточно посмотреть на человека своими грустными понимающими глазами. Водитель он классный. Его даже однажды пробовали переманить из моего экипажа – Соседов пытался, сволочь такая, уж не знаю, чем он хотел Семеныча соблазнить, но пытался. Сразу после того, как его мехвода убили. Семеныч отказался, и даже мне ничего не сказал, да разве ж в нашем мотоциклетном батальоне чего утаишь?

Игорь – еще моложе меня, правда, всего на полгода, а выглядит – как будто ему семнадцати нету. Впрочем, может, это ему по документам восемнадцать с копейками, а на самом деле меньше? Хотя задавай или не задавай Игорю этот вопрос, все равно не расскажет, только брови нахмурит. Но наводчик он первостатейный, а еще – Игорек самый знатный стрелок нашего мотоциклетного батальона. Но если надо, он вполне в состоянии заменить за рычагами Семеныча.

Гулкие звуки разрывов – и приказ по колонне: «Всем стоять».

Ничего нет хуже такого вот вынужденного бездействия, когда стоишь, не понимая, почему, не ведая, что там, впереди, делается, но понимая, что что-то происходит и происходит без твоего участия.

– Что там такое? – спросил Игорь.

Семеныч только беспокойно завозился на своем месте, но ничего не сказал.

Что там? Эх, хотела бы я сама знать, что там.

Новости стали известны только спустя двадцать минут, и новости самые неутешительные. Головной дозор нашей колонны – три «тридцатьчетверки», – были уничтожены огнем трех «тигров», занявших высоту на подступах к деревне.

– Суки, б...ди! – маленький майор бегал туда-сюда около командирского танка. Его я

не знала.

– Выставили прямо на окраине! Суки! Как вклеили! Я чуть лучших ребят не потерял!

– Прыгают твои ребята, как зайцы, – неодобрительно заметил полковой особист, неприятный на вид мужик лет сорока с бритым черепом. Его недолюбливали, но уважали: труса он никогда не праздновал и награды свои носил заслуженно: медаль «За отвагу» и «За оборону Ленинграда». Плюс шрам, который делил его лысый череп на две почти равные части. О нем мало что знали – что, в общем-то, было нормально. И ещё... о нем почти не трюндели, что более странно. Но, в целом, мужик он неплохой.

– Ну, прыгают! Ну и что? – огрызнулся майор. – Ты попробуй, высиди, когда он начинает вертикально стволом водить. Это ж хана! Что, лучше, чтоб горели хлопцы?

Это и вправду хана. «Тридцатьчетверке» – обычной, не восемьдесят пятой, – против «тигра» один на один не выстоять. Семидесятишестимиллиметровочка может пробить броню «тигра» только с расстояния метров в пятьсот, а он тебя – с полутора километров. Понятное дело, что ребята выпрыгивали, и это совсем не трусость: какой смысл глупо погибнуть? Как говаривал не помню уж кто, героизм – это не погибнуть геройски, а заставить погибнуть врага. Правда, за точность цитаты не поручусь, но по смыслу – именно так.

Майоры, подполковники и полковники долго спорили, махали руками и в результате ни к какому решению не пришли.

Я эту историю знала. Знала, чем она должна закончиться: командир бригады, полковник Фомичев, приказал двум «валентайнам» подобраться под прикрытием кустарника поближе к «тиграм», потому что кустарник был недостаточно высоким и скрыть тридцатьчетверки не мог, а маленькие «валентинчики» как раз имели шанс подобраться незамеченными.

Только сейчас Фомичев почему-то молчал, не принимая никакого решения. А время между тем шло.

– Товарищ полковник!

Мне тут *вообще* не полагалось находиться. Не в том смысле, что – мне, геймерше Наташке, а командиру танка лейтенанту Приходько. Никто меня сюда не звал. Но... не могла я *вот так просто стоять и смотреть*.

– Товарищ полковник, разрешите обратиться! Лейтенант Приходько...

– Ты что, лейтенант, совсем охренел?! – взвился вдруг маленький майор. – Считаешь себя умнее всех?! Какого ты тут вообще торчишь?! Под трибунал захотел?! Подслушиваешь, сучонок?!

Он орал и брызгал слюной, и еще неизвестно, до чего бы он доорался, как вдруг лысый особист остановил его едва заметным жестом.

– погоди, майор. – Он досадливо поморщился, как будто от майорских криков у него начали болеть зубы. – Под трибунал – это мы всегда успеем. Вдруг парень и в самом деле может что-то дельное предложить?

Потом – легкий кивок в мою сторону:

– Ну, говори, лейтенант.

– Там кусты... – вот блин, откуда мне – в смысле, Косте Приходько, – знать, что там кусты? Если допрашивать начнут, мне что, ссылаться на прочитанные мемуары, словно герои фильма «Мы из будущего»?

Но все молчат, никто не задает никаких вопросов, никто не пытается перебить, и я продолжаю:

– Там кусты. Низковатые – «тридцатьчетверки» видны будут. А «Валентайны» – нет. Мы можем подобраться к фрицам поближе, и...

Особист пристально смотрит на меня, и взгляд его непонятен, потому и пугает. В воздухе висит пауза.

– Верно, хлопец, – быстро говорит вдруг Фомичев. – Дело говоришь. Слушай приказ: берешь еще один танк, подбираетесь поближе – словом, чего это я тебе твою же идею пересказываю? Выполнять!

– Есть! – Я козыряю, кажется, лихо, а может, и нет. Мне слегка не по себе. Это что же

получается – если бы не я, эти «тигры» не были бы атакованы нашими «Валентайнами»? Ну, хорошо, так произошло *в этой ветке истории*. А на самом деле?

Но раздумывать некогда. Надо выполнять приказ. Я козыряю еще раз и бегу, на ходу решая, кого же еще взять на выполнение задания. Соседова, что ли? Эта идея мне не очень нравится, как, собственно, и сам Соседов, но память выкидывает очередной финт, и я не могу вспомнить ни фамилий других командиров танков, ни того, что они собой представляют как люди и танкисты.

Ладно, возьму Соседова, он, вообще-то, нормальный мужик – только прижимистый слегка, потому и Семеныча моего хотел перехватить.

На объяснение задачи уходит пять минут, и – вперед!

«Валентайн», по счастью, машина тихая – мы не едем, мы почти крадемся под прикрытием кустов. Семеныч сосредоточен – ну, прямо-таки ювелир, а не мехвод.

Игорь шевелит пухлыми детскими губами – не то молится, не то проговаривает что-то про себя.

Едем исключительно долго, а часы, мои командирские часы, просто стоят. Но в момент, когда меня посещает эта мысль, стрелка вдруг перескакивает на одно деление. Часы идут, просто на самом деле прошло всего несколько минут.

Немецкие танки почти рядом – до них всего метров четыреста, а может, и того меньше. Лупить надо в бок – лобовую броню его хрен пробьешь.

– Надо ближе.

– Куда ближе, командир?!

У Игоря серое лицо. Я впервые вижу его таким – это не страх даже, это ужас.

– Надо ближе, Игорек, надо. А то толку от нашей стрельянины никакого не будет.

И в самом деле, при расстоянии в триста метров вероятность того, что мы можем с ними расправится, куда больше. А нам уже все равно, что триста метров, что четыреста, если они по нам вмажут, то без преувеличения – мокрого места не останется. Только сухое.

Семеныч сосредоточенно молчит, лишь губы шевелятся. Присмотревшись, я понимаю, что он молится. Он, коммунист, бригадир... Впрочем, я бы сейчас тоже помолилась, если бы знала хоть одну молитву. Сейчас мне по-настоящему страшно – впервые за все время, что я играю. Хотя, может, мне так только кажется?

– Стоп!

Соседовский танк тоже останавливается. Мы не переговаривались – соблюдаем молчание в эфире. Он просто делает все так, как я.

Беззащитными «тигры» не выглядят. Мне страшно – не оттого, что я сейчас погибну (в конце концов, к этому я уже привыкла), а оттого, что если мы не справимся, то... то никакой Проскурово-Черновицкой наступательной операции не будет. То есть будет, конечно, но – совсем не такая, как... Словом, я запуталась окончательно, и в этот момент Семеныч со странно просветлевшим лицом повернулся ко мне и сказал:

– Командир... сынок... Ты... того, не дрейфь. Все будет хорошо.

«Сынком» он называет меня впервые – это я *знаю*. Впервые – и от этого мне становится еще более страшно.

– Заряжай...

– Огонь!

– Огонь!

Первый загорелся сразу – дымно, чадно, жирным каким-то пламенем. Я уже готова полоснуть по выскакивающим немцам из пулемета, но никто так и не появился. Решили мужественно сгореть вместе со своим танком? Или попросту сразу погибли?

Странно. Когда пересказываешь – пускай даже мысленно, самой себе, – бой, получается достаточно долго. На самом же деле, в бою проходят считанные мгновения. Вот и сейчас – я успела подумать, пушка наша успела гроыхнуть еще раз, к ней присоединился звук соседовской пушки, второй танк тоже загорелся. А на самом-то деле между попаданием

в первый и во второй танки прошло, хорошо, если секунд сорок. Да меньше, наверное! Не стояли же они и не ждали, эти проклятые бегемотообразные «тигры», пока мы будем их расстреливать.

Третий медленно повел дулом вправо-влево, потом снова вправо, но почему-то все медлил, и похоже это было на замедленную съемку.

Снаряд звякнул в казеннике, и в этот момент дульный срез орудия фашистского танка расцвел пышным оранжевым пионом.

Я инстинктивно втянула голову в плечи – ага, это тот самый случай, когда втянутая голова помогает. Гулкий взрыв, шлепанье комьев земли по броне. К счастью, только комьев. Фриц *настолько* промазал?! Рука дернулась с перепугу?

Второго выстрела он уже не успел сделать. Кто выстрелил первым? Танк Соседова? Мой? Да разве это важно? Важно то, что и третий немецкий танк, непобедимый «тигр», горел сейчас чадным, вонючим пламенем, а дорога была открыта.

– Обосрались, гады, – высказался Семеныч, нажимая на рычаги.

– Чего – обосрались? – не поняла я; если уж кто и обосрался, так это командир танка в моем лице. Ну, почти.

– А там еще четвертый был, – пояснил Семеныч, – на склоне высоты. Только удрал, скотина.

Был ли четвертый танк на самом деле, или Семенычу что-то привиделось – нам сейчас не до выяснений. Левый фланг немцев оказался голым, и этим следовало немедленно воспользоваться.

– Давай, Семеныч, жми!

Впереди, метрах в двухстах, немецкая противотанковая батарея.

– Жми, Семеныч!

Чем быстрее мы будем ехать, тем быстрее проскочим эти двести метров. Семеныч поворачивает машину влево, потом вправо. Если ехать прямо, далеко не уедешь, но ему это объяснять не надо, он чувствует танк и чувствует ситуацию, как волк, которого пытаются загнать егеря. Почему мне приходит в голову сравнить Семеныча с волком – не знаю, ничего хищного в его лице нет: просто добродушный дядька старше среднего возраста.

Нам сегодня несказанно везло, а может, просто не везло фрицам, и батарея успела сделать всего несколько выстрелов.

– Не их день сегодня, – удовлетворенно констатировал водитель, лавируя между вздымающимися фонтанами земли и напоминая мне анекдот об одном политике, который во время дождя не пользуется зонтом, поскольку пробирается «между каплями».

Прошло секунд тридцать – сорок, а мы уже давили гусеницами вражескую батарею. Под днищем противно скрежетало.

Танк вдруг слегка подбросило, тряхнуло как следует, а потом он накренился влево. Правая гусеница явно проворачивалась вхолостую.

– Твою черниговскую бабушку! – ругнулся Семеныч.

В перископ я увидела вражеского офицера, стреляющего вверх из ракетницы. Черт его знает, может, это и был сигнал к отступлению, однако пехота начала драпать, явно не дожидаясь его.

– Слева, командир! Вот, суки!

И действительно, слева немецкие артиллеристы разворачивали еще одно орудие, что заставило невольно проникнуться к ним уважением: все не отступали даже – попросту уносили ноги, а эти стараются сделать хоть что-то. Но и мне нужно было что-то делать, того и гляди в бок влепят!

– Семеныч!

Он пробормотал что-то неразборчивое, налег на рычаг, танк дернулся и поехал. Слава богу!

– Прибавь!

Мотор ревел на высоких оборотах. Я постаралась поймать пушку в прицел. Есть!

Фрицы успели первыми. Яркая вспышка взрыва, вытянутая в испуге шея Игорька – все это воспринималось как-то странно, фрагментарно. Сейчас рванет, и – все. Прощай, Костя Приходько.

Но взорвалось почему-то совсем не рядом с нами, а уже через минуту последнее фашистское орудие прекратило свое существование под гусеницами.

– Спасибо ребятам, – шепнул Семеныч.

Я кивнула. Спасибо. Потому как целились гады явно в нас. А может, это у страха глаза велики?

Семеныч чуть сбросил газ и стал, маневрируя, плавно спускаться с холма вниз.

Игорь вдруг побледнел. Ранен? Не может быть!

– Что с тобой?

Он посмотрел виновато:

– Укачало... Представляете, товарищ лейтенант, впервые в жизни – укачало. До этого только однажды, на карусели...

Да он совсем пацаненок еще! Сколько ему лет-то – на самом деле, не по документам?!

В деревне мы проторчали часа три.

Я сидела прямо на земле, подстелив под попу старый ватник, и наблюдала за неторопливыми, выверенными движениями Семеныча.

Мехвод подтянул зажимную гайку сальника, проверил гайку штоков тормоза отката и накатника – ему не приходилось напоминать ничего, этот немногословный мужичок хорошо знал свое дело и понимал, что от качества проверки узлов танка зависит наша жизнь в бою.

– Отдыхаешь, лейтенант?

Лысый особист подошел неслышно. Индеец, блин.

Я подскочила.

– А скажи-ка мне, мил человек Константин Приходько...

И голос у него такой елейный-елейный... Прямо бери и на хлеб мажь.

– Откуда тебе в голову эта мысль пришла – использовать «Валентайны»?

Я усердно выпятила грудь и даже слегка выкатила глаза – этакая пародия на идеального солдата. Остается только гарнуть «Рад стараться, Ваше Высокопревосходительство!» Угу, гаркни-гаркни, тебя за использование дореволюционного обращения прям на месте и шлепнут. Из именного нагана.

Только почему он говорит – «Валентайн»? Все остальные у нас говорят «Валентин», даже Фомичев... Может, он... такой же, как я?! Да нет, что за дурня!

– Просто подумалось, товарищ капитан! Там кусты невысокие, тридцатьчетверку из-за них сразу видать было бы, а «ва...» «валентины» и ходят тише... Я ж на Валентине воюю, все его достоинства и недостатки...

Он сверлит меня взглядом; я прямо-таки погружаюсь в черные точки его зрачков.

– А кусты небось в бинокль разглядели...

– Так точно, товарищ капитан! В бинокль!

Он еще несколько секунд смотрит на меня ничего не выражающим взглядом, потом непонятно говорит:

– Ну-ну...

И уходит, прямой, как будто проглотил штык.

Может быть, все-таки стоило рискнуть и попытаться открыться ему? Может, он и в самом деле – такой же игрок?

Эта мысль приходит мне в голову впервые – ведь где-то есть еще такие же игроки, как и я. Должны они как-то опознавать друг друга? Чувствовать? Ага, по запаху... А что, если использовать какой-то опознавательный знак? Только вот какой?

С другой стороны, чего это мне в голову пришла мысль, что особист может быть игроком? Ведь каждый игрок хочет *воевать*. Косить пулеметными очередями вражескую пехоту, давить гусеницами батареи... Что-то мне трудно представить себе кого-то, кто

выбрал добровольно должность зампотеха, политрука или... ну, или особиста, к примеру. Но то, что мне трудно представить, еще не означает, что такого не может быть.

И вообще, насколько это реально с точки зрения игры? Ладно – сражения: они прописаны в соответствии с историческими реалиями, обычные геймеры просто «проходят», такие, как я, вживаются в реального человека и даже пытаются как-то влиять на события. Но, пожалуй, особистом – черт, чего это я прицепилась к особистам-то?! – любым «не танкистом» мог бы стать только тот, кого *отправили надзирать за игроками* ...

Мысль, пожалуй, была слишком глубокой, но додумать ее до конца не получилось. Меня вдруг «потянуло»... Нет, слово «потянуло» не может выразить моего ощущения. Мне вдруг резко, катастрофически захотелось домой. В уютную квартиру. Чтобы понимать, что я сижу перед монитором, а рядом «надзирает» Виктор...

Нет уж, фиг вам! Не знаю, чего они там делают, чтобы повлиять на меня – слишком мало знаю об игре. Но таким образом вернуть сейчас «меня в меня» им не удастся. Вот не удастся – и все тут. Я еще никак на реальность не повлияла. Или – повлияла? Ведь, не предложи я подобраться к «тиграм» на «валентинах» – и... и это предложил бы кто-нибудь другой. Вообще в воспоминаниях было сказано, что автором идеи стал сам Фомичев. Впрочем, у хорошего начальника судьба такая: принимать ответственность на себя. И потом – отвечать по полной за идею – удачной она оказалась, или нет.

Стало быть, правильнее считать, что никакого «вклада в Победу» я пока не сделала.

И вообще, я всегда доигрываю до гибели своего реципиента, значит, и в этот раз будет то же самое. А если ему суждено прожить еще... Блин, а если и в самом деле – суждено дожить до Победы? Или даже – еще дольше?! Что тогда?! Я так и застряну тут, в этом времени и в этом мужском теле, с которым наконец-то почти свылась?!

Блин, ну, что за идиотские мысли! Ты б еще задумалась над тем, что парню, в голове которого сидишь, после войны придется жениться. Все-таки дурехи мы, бабы, и мысли у нас дурацкие.

– ...А? Как думаешь, командир?

Семеныч быстро вернул меня на грешную землю. Он собирался провести откат вручную, хотя на самом-то деле позаботиться о подготовке пушки к следующему бою следовало мне. Уж если взялась играть... Тем более, и не игра это вовсе, а самая настоящая жизнь.

Россия, недалекое будущее. Виктор

Дурная девица влезла-таки в сорок четвертый год. Когда Виктор обнаружил это, первой мыслью стало – взять да и выдернуть из шлема коннектор. Он уже протянул руку, взялся за шнурок и, кажется, даже немного потянул, но в последний момент отдернул руку. *Так* из игры еще никто не выходил, по крайней мере, он, Виктор, о таких случаях не знал. И экспериментировать над Натальей ему не хотелось. И не только потому, что она, как выразился шеф, являлась «ценным экземпляром». Правда, сам Виктор в ее «особой ценности» пока не имел возможности убедиться – играет и играет, как и все остальные; ну, продержался ее «расейняйский» КВ на сутки дольше, чем в реальной жизни, – вот, в общем-то, пока и все успехи. Нет, он просто пожалел девчонку.

Сидит вон, дуреха, губами шевелит... Как во время «слияния» со стороны выглядит он сам, Виктор не знал, но подозревал, что ничуть не лучше.

В облике девушки что-то настораживало. Только вот – что?

Присмотревшись, Виктор охнул. Он слишком сильно потянул за шнур, и разъем коннектора отошел... И при этом *девушка продолжала оставаться в игре!*

Такого не могло быть, но это было.

Он аккуратно поправил соединение; Наталья чуть дернулась и снова что-то забормотала.

Виктор вытащил из кармана мобильник. О том, что девушка осталась «внутри» даже

при неподключенном мнемопроекторе, Анатолию Андреевичу следовало узнать немедленно.

Советский Союз. 25–26 марта 1944 года, район Каменца-Подольского. Наталья

– Ну, ты и горазд спать, браток.

Действительно, я заснула, сидя прямо на земле и прислонившись к танку, заботливо укрытая Семенычем – где он только раздобыл этот козух?

Глаза не хотели открываться, но пришлось их заставить – разбудивший меня застыл скалой. Не уйдет ведь, пока не добьется своего... Зануда...

Я приоткрыла один глаз. Соседов. Стоит, покачиваясь с ноги на ногу, словно ждет чего-то. Только вот чего?

Я села ровнее, потеряла глаза кулаками. А ведь снилось что-то очень важное, что-то, что обязательно нужно запомнить...

– Соседов, ты козел, – сообщила я, прекрасно зная, что Константин Приходько на моем месте с удовольствием высказался бы точно так же.

Соседов вспыхнул прямо до корней светлых, редковатых волос.

– Сам ты козел, Приходько!

Интересно, полезет в драку или нет?

– Я-то тебе спать не мешаю, – миролюбиво сообщила я. Драться с Соседовым не хотелось – он хоть и козел, к тому же пытавшийся переманить моего мехвода, а все-таки – нормальный парень, как это ни по-дурацки звучит. К тому же события вчерашнего – нет, уже позавчерашнего дня должны были помирить нас окончательно.

– Чего пришел-то?

– Да хрен я уже вспомню, чего пришел, – буркнул Соседов, однако уходить не торопился, стоял, ковыряя носком сапога прелую прошлогоднюю листву.

– Ты это...

Откуда-то появился обеспокоенный Семеныч, таща в руках котелок с едой.

– Товарищ лейтенант, вас срочно вызывает капитан Фролов, – обращается он к Соседову.

Фролов – это фамилия лысого особиста. Что ж он под нас копает-то?

– А вы бы поели, командир, – заботливо отвлекает меня от мрачных мыслей Семеныч и протягивает котелок, – а то скоро выступать уже.

Он всегда обращается ко мне на «вы», когда может слышать Соседов.

Я ем обжигающе-горячую кашу – вкусно. Мне самой почему-то никогда не удастся такую сварить.

– Слышь, Приходько, а тебе доводилось в Каменце бывать?

Это – Туркменбаев, из нашего мотоциклетного батальона. Как же бесшумно он ходит, еще тише, пожалуй, чем Фролов.

Туркменбаев подходит, присаживается рядом со мной на корточки. Его круглое и плоское, как степь, лицо, ничего не выражает. «Восток – дело тонкое», – вспоминается мне.

В Каменце-Подольском я бывала, еще когда школу заканчивала. Наша классная, большая любительница всяческих путешествий, каждые каникулы вывозила класс куда-нибудь. Особенно запомнились мне Кристаллическая пещера, не в самом городе, правда, а километрах в семидесяти от него, в Кривче, да еще Каменецкая крепость.

– Нет, не доводилось, – на всякий случай говорю я.

– Говорят, красивый город, – так же бесстрастно говорит Туркменбаев. – Жаль будет, если фрицы успеют взорвать.

Я киваю: жалко. В реальной жизни нашим войскам и в самом деле удалось захватить город так быстро, что ни электростанцию, ни Турецкий мост фрицы взорвать не успели. Сейчас же... Сейчас все зависело от нас, и от меня в том числе.

Местность, на которой расположен Каменец, «неудобная». Холмы, две речки с обрывистыми берегами, да еще в придачу одна из них, Смотрич, образует внутри города петли. Все переправы заминированы и прикрываются артиллерийским огнем – об этом нам объявили перед штурмом. Наша задача – перерезать веер дорог, ведущих к городу, закрыть «входы и выходы», как выразился Фомичев.

В шестнадцать пятьдесят нервно загавкали минометы, к ним присоединился грохот орудий. Через десять минут взметнулась вверх красная ракета, и штурм города начался одновременно с севера, юга и запада.

Дальше звуки слились в одну сплошную какофонию. Гулкий кашель пушек, тьяканье минометов, звуки гаубичной батареи... К этим звукам добавился еще один – противный скрежет, как будто кто-то вдруг решил воспользоваться старым, много лет заброшенным колодцем, и, поворачивая ручку, наматывает поржавевшую скрипящую цепь на такой же поржавевший барабан... Нет, пожалуй, сравнение не сильно удачное. Это ж какого размера колодец должен быть, чтобы барабан скрежетал и выл с такой громкостью? Да нет, вообще сравнение неудачное. Бешеный осел, которому под хвост перца сунули – вот кто может такой звук издавать.

Игорек вздрагивает.

– Это – химический миномет, – пояснила я. – «Небельверфер». Или по-другому – «Стонущий Микки».

– «Ишак», – несколько удивленно добавляет Семеныч, а я прикусываю язык. Откуда, спрашивается, советскому танкисту знать союзническое название миномета? Ляпни я такое где-нибудь при особисте или просто при начальстве – так ведь и до трибунала могла бы прийти. Как английский шпион. И то, что англичане – наши союзники, меня бы никоим образом не спасло. Хорошо еще, *мои* своего командира не выдадут. Семеныч – уж точно. А Игорек – этот может и сболтнуть по глупости. Ведь сболтнула же по глупости я сама!

– Знаю я этого красавца, – продолжает Семеныч. – Шесть стволов вместе сцеплены. Сволочи, пытались с нашей «катюши» содрать, да даже этого сделать не смогли.

На самом деле это не так – «Небельверфер» начали разрабатывать еще году в двадцать восьмом, но кому сейчас нужна такая информация? Уж точно – не Игорьку и не Семенычу, и я молчу.

И «ишак», или как там его, тоже должен замолчать.

– Воет, как грешники в аду, – со знанием дела говорит Семеныч.

Осколки свистят разноголосом, словно пытаются помешать сосредоточиться. А вот дудки!

Так, расстояние до цели примерно определила... Совмещаю по дистанционной шкале горизонтальный штрих дистанции и вертикальную нить перекрестия с целью. Есть!

«Небельверфер» замолчал. *Этот* «Небельверфер». Но он, понятное дело, был не одинок.

Немецкие минометы гавкали, словно собаки. Звук раздавался то слева, то справа. Осколки, сперва редкие, теперь то и дело клевали броню нашего танка. Пахло землей – такой запах обычно бывает после дождя. Вдруг машину встряхнуло на месте, как будто мы уперлись лбом в невидимую стену. Грохот больно ударил по ушам. Попали? Пыль, дым – на несколько секунд становится нечем дышать...

Танк сбавил скорость, почти остановился, покачиваясь из стороны в сторону. Потом с силой зашипел сжатый воздух, заскрежетала передача, и мы снова стронулись с места. Позже поглядим, что случилось, если, конечно, еще будет такая возможность.

Мотор ревел, пытаюсь заглушить шум боя, но даже сквозь броню проникало ревущее «ура» атакующей пехоты.

Навстречу поднялся светловолосый немецкий солдат – без каски, в подранной форме. Нелепо махнул рукой, как будто пытался бросить связку гранат. Но, по-моему, в руках у него ничего не было. Может, просто сдаться хотел, но не успел – упал, скошенный пулеметной очередью. Нашей ли, чьей-то чужой – какая сейчас, на фиг, разница?

В этот момент еще один взрыв ударил в броню, танк подпрыгнул и встал. Все, приехали. А как же бой?! Неужели сейчас от меня *опять* ничего не зависит?!

– Ничё, командир. Сейчас разберемся и догоним своих, – попытался утешить Семеныч.

Как – разберемся?! Он что, ремонтировать танк собрался? Прямо сейчас, во время боя?! Что, вот прямо сейчас взять и вылезти из танка? Под огнем минометов, пулеметов и еще хрен знает чего?!

С другой стороны, неподвижный танк – очень хорошая мишень. А у «Валентина» и броня не очень...

Но Семеныч возится сам, не вылезая со своего места; какие-то гайки подтягивает, какие-то – ослабляет, не прекращая бормотать себе под нос. Молится он снова, что ли? Но, прислушавшись, я понимаю: он проговаривает пункты «инструкции по эксплуатации». Память моего реципиента – *память настоящего танкиста Константина Приходько*, – играет злую шутку: я ни фига не понимаю, что было с нашим «валиком», и что делает Семеныч, чтобы устранить неполадку. Зато – совершенно несвоевременно! – ко мне возвращается мысль, которую я безуспешно пыталась поймать за хвост незадолго до начала штурма. Ту мысль, которая пришла во сне и понять которую мне не дал Соседов. Ведь на самом деле *никакой лейтенант Константин Приходько в тех событиях не участвовал!* Нет, может, к взятию Каменца-Подольского он и имел какое-нибудь отношение, но в истории с уничтожением «тигров» уж точно отметились совсем другие действующие лица!

Эта мысль настолько выбивает меня из равновесия, что, когда через несколько минут мотор снова начинает работать, до меня не сразу доходит, что мы опять вступили в бой.

Солнце начало клониться к закату. Нам предстояло форсировать Смотрич близ карвасарской церкви. Река неглубокая, но отличающаяся быстрым течением и достаточно большим наклоном, и времени наводить переправу нет. Один из танкистов – я его не знала, – разделся до пояса и прошел почти до середины реки, словно не обращая внимания на обжигающий холод воды. И в самом деле, неглубоко. Пройдем. Должны пройти.

Боец вернулся, ему на плечи набросили телогрейку и сунули в руки стакан со спиртом.

– Местный парень, – сообщил Семеныч; он знал о боях соседних подразделений куда больше, чем я. – Могли б и на слово поверить, парень не из тех, кто любит приврать.

Приказ о форсировании передали по связи через несколько минут.

Переправа сверху не просматривалась, немцы вели огонь наугад – то по одному участку реки, то по другому. Река кипела и бурлила, но, на наше счастье, не там, где мы переправлялись.

Танки один за другим перебирались на другой берег. Вдруг столб воды взметнулся прямо перед носом головной машины. Танк дернулся и встал, развернувшись боком. Гусеница оказалась сорвана. Путь прегражден. объезжать? Ждать приказа? А чего ждать-то? Вытянуть машину нечем, да и не до того сейчас

Негромко ругнулся Семеныч, приналег на рычаги.

– Пока ждть будем, потопят нас тут всех, как котят, – сказал, словно отвечая на не заданный мною вопрос. Я не возражала. Память «реципиента», конечно, штука хорошая, да только Семенычу я сейчас доверяла больше, чем ей.

Вилля задом, словно дешевая проститутка, наш «валик» все-таки добрался до противоположного берега и ринулся вперед.

Потом за нами переправится пехота, но пока... Пока все зависит от нас, и только от нас. Так что – полный вперед!

Мы вырываемся на открытое пространство.

Слева бьют «панцербрюксэ», непонятно за каким лесим причисленные к противотанковым ружьям, а не к пушкам. Броню «валентина» они пробивают на раз, а если использовать специальные пули, то и броню «тридцатьчетверки» тоже.

– Дави! – ору я сквозь грохот снарядов и вой мин, сливающийся в один общий звук. А может, и не ору, потому что и самой мне себя не слышно. Зато Семенычу слышно, а может,

он просто думает о том же, о чем и я, и мы на ходу давим огневую точку.

Эфир заполнен командами на немецком языке – похоже, у фрицев истерика, они не ожидали такого быстрого прорыва. Зато связаться с командиром не получилось. И это притом, что связь в «валентине» работает практически всегда!

Впереди – немецкая пехота. Один из солдат поднимается вдруг в полный рост и начинает стрелять по танкам из автомата. Спятил от перенапряжения. Бывает.

Кто-то из соседей дает выстрел из дымового гранатомета – на нашем «валентинчике» такого нет, да до сих пор я и не понимала, зачем он нужен.

Фашисты не выдерживают – бегут.

Игорек строчит из пулемета. У нас «браунинг», а не «Беца», и это хорошо. Как минимум потому, что через ствольную коробку последнего в боевое отделение попадает много газов. Я едва успеваю подумать об этом, как пулемет вдруг замолкает. Игорек? Нет, с пареньком все в порядке, только бледный очень.

– Сейчас, сейчас, – шепчет он. Быстро и уверенно меняет пружину «ползуна» – у него все под рукой, и только когда стрельба возобновляется, я замечаю, что у мальчишки трясутся руки.

Ближе к городу – батарея «флаков». Лупит и лупит, не прекращая. Такое ощущение, что запас боеприпасов у них просто бесконечный.

Снаряды рвутся вокруг, комья земли барабанят по броне.

Мне кажется, я чувствую дуновение ветра от этих взрывов.

Один осколочный разрывается прямо перед носом, второй – сзади, танк делает резкое, вихляющее движение, и мы идем дальше.

Между зенитками взметнулся фонтан. Резиновый скат орудийного колеса загорелся ярким пламенем; вверх повалил черный, жирный, смрадный дым. Уцелевшая обслуга тут же попыталась загасить его, забрасывая землей, но на месте зенитки сразу вырос еще один пыльный гриб. Остальные три продолжают бить.

Слева от нас ткнулась пушкой в землю «тридцатьчетверка». Еще дальше – танк без башни, рядом с распластанной гусеницей – танкист. Отстреливаться собрался, дурачок.

– Семеныч!

Я хочу сказать о том, что надо подобрать парня, но Семеныч почти всегда понимает меня без слов. Мы снижаем скорость, Игорек отбрасывает крышку люка и исчезает. Помогать ему не приходится – через пару минут нас уже четверо. Танкист с подбитого танка – я помню его в лицо, с ним знакома, а вот имя почему-то не вспоминается, бинтует раненую руку, а мы продолжаем движение вперед.

Мы – на окраине города. Дома полуразрушены, стекол нет – впрочем, такая картина уже кажется обыденной.

– Тигры! Командир! Двенадцать штук.

Тигры – это хреново. Тем более, мы сейчас одни, рядом ни одного нашего танка.

– Задний ход.

Семеныч аккуратно сдает задом; мы прячемся за углом здания. Игорек смотрит укоризненно, незнакомый танкист молчит осуждающе.

Но мне до их осуждения сейчас нет никакого дела. Что-то подобное я читала – я, Наталья Нефедова, – а может, слыхала – только уже то «я», которое Константин Приходько. Один советский танк расправился с несколькими «тиграми», применив ту тактику, которую сейчас собираюсь применить я. Причем, кажется, тоже во время Проскурово-Черновицкой операции. Впрочем, какая разница – когда? И какая разница, что придумано – не мной? Главное сейчас, чтобы сработало!

Подпустить головной танк поближе... Коленки трясутся, ну и фиг с ними, с коленками, главное, чтобы руки не подвели.

– Заряжай!

Снаряд отправляется в казенник, звук кажется мне таким громким, что фрицы

обязательно должны нас услышать.

Подпустить еще немного... Безумно хочется нажать на гашетку прямо сейчас, но рано, рано...

Сколько осталось метров? Двести? Тщательно прицелиться... Снаряды наши ничего броне «тигра» сделать не могут, ну, и не надо... Умница, Наточка, хорошая девочка, правильные книжки читала в детстве...

Залп.

– Семеныч, влево!

Я успеваю только отдать приказ, а мехвод – налечь на рычаги, и в этот момент снаряд взрывается. Как раз там, где надо – башню «тигра» заклинило. А теперь попробуй постреляй, гадюка!

– Как вы ее, товарищ лейтенант! – восхищенно восклицает Игорек; Семеныч молча кивает – молодец, мол, лейтенант, и налегает на рычаги.

– Еще влево.

Мы успеваем поменять расположение прежде, чем фрицы соображают, что именно произошло. Поэтому дружный залп по тому месту, где мы только что находились, ни к чему не приводит – ну, нету нас там!

Семеныч улыбается – мне видно кусочек его щеки. Ну, конечно, он успел подумать о своем командире невесть что а тот-то, оказывается, молодец!

Подобранный танкист молча заряжает пушку, кивает.

Я снова тщательно навожу орудие. Попытаться и второму башню «переклинить»? Или все-таки, как и произошло когда-то на самом деле, стрелнуть в гусеницу?

Раздумывать некогда, прицел установлен, и я командую сама себе:

– Огонь!

Ну, получилось неплохо – гусеница разорвана, «тигр» застревает на месте, перекрывая дорогу остальным.

Мехвод, не дожидаясь команды, снова меняет огневую позицию, меняет классно – я бы сама тоже выбрала это место. Мысли он научился читать, что ли?

В этот момент Игорек приникает к пулемету – из подбитых немецких машин фрицы полезли, чтоб их...

Я снова тщательно целюсь, меня уже захватил охотничий азарт. Скольких еще успеем остановить тут навечно? В этот момент я даже не думаю о том, сделала ли что-то такое «историепереламавательное» – мне просто не до того.

А еще через несколько мгновений раздается залп откуда-то слева, и на перекресток врывается еще одна «тридцатьчетверка», а за ней – еще одна.

Улицы усыпаны битым камнем, осколками стекла, обломками деревьев. Стены домов зияют провалами окон, дырами от снарядов. Где-то вдалеке слышны еще автоматные очереди, но здесь, у нас, уже тихо. Это не нависшая, тяжелая, упругая тишина, которая бывает перед началом сражения, это тишина тихая и усталая, когда понимаешь: уже – все. Нет, конечно, еще может пролететь шальная пуля и сразить насмерть, никто от этого не застрахован, но это – так, просто *вероятность*. А боя нет, и не будет... еще некоторое время.

Ратуша. Полуразрушенная, закопченная. Мне почти не верилось, что это – то самое милое светло-желтое здание, на фоне которого я фотографировалась восемь лет назад – или более семи десятков лет вперед.

– Костян, чего любишься? – Соседов, почти пробегая мимо, с размаху треснул меня между лопатками. – Ты что, верующий, что ли? Да тут и смотреть не на что. Пошли! Там такое! Тут рядом совсем!

Я хотела ответить, что это здание ратуши, и к храму оно не имеет никакого отношения, но снова промолчала.

– Там машин! – возбужденно размахивая руками, говорил Соседов. – Несколько тыщ!

И все забиты жратвой! И выпивкой! Там...

Навстречу – Климушкин, командир взвода «тридцатьчетверок». Размахивает руками.

– Мужики! Кружки есть?

Кружки-то есть, только они в танке. По крайней мере моя, но я сильно сомневаюсь, что Соседов носит свою с собой.

– Давай с горла! – решает Климушкин и протягивает бутылку Соседову. Тот отвинчивает пробку, делает глоток, жмурится блаженно.

– Никогда такого не пробовал. Что это?

Он подносит бутылку к глазам, по слогам произносит:

– А-ма-рет-то.

Ну, да, и так понятно, что амаретто. Этот запах косточек – то ли вишневых, то ли абрикосовых, – ни с чем не спутаешь. Самый «модный» ликер в нашем отделе, лично я его терпеть не могу.

– Держи! – Соседов протягивает бутылку.

Я беру ее. Амаретто мне не хочется, а вот выпить, пожалуй, – да. После боя – самое то. И потом – не могу же я отказаться, мотивировав это тем, что не люблю *этот ликер?! Где Костя Приходько мог его пробовать, чтобы не полюбить?!*

Продолжаю держать бутылку, чувствуя, что выгляжу нелепо.

– Пьянствуем? – лысый «индеец» Фролов, как обычно, появляется бесшумно, словно возникает из-под земли.

Краем глаза я замечаю, как бледнеет Соседов. Из-за выпивки? Или из-за того, что ему сказал Фролов еще перед началом штурма. О чем, кстати, они разговаривали? Я так и забыла спросить...

– Ну-ну, – говорит Фролов и направляется прочь, как-то по-деревянному переставляя ноги. Перед глазами остается картинка – его застывшее, словно окаменелое лицо, и мелко-мелко подрагивающее левое веко.

Отчего-то становится не по себе, и я, поднеся бутылку ко рту, делаю несколько больших глотков. По телу разливается приятное тепло.

– Ну, вот и отсюда фрицев выбили, – с удовлетворением говорит Соседов, – теперь вперед пойдем!

Я знаю, что «вперед» получится еще не скоро: бои за город будут продолжаться шесть дней. Первая немецкая танковая армия, окруженная севернее Каменца, послезавтра начнет пробиваться на соединение с войсками группы армий «Юг». И для этого попытается любой ценой выбить нас из города, ведь только через него можно выбраться на единственную здесь мощеную дорогу, которая ведет на Подгайцы и Бучач. Может, я здесь именно поэтому? Может, именно в эти дни мне удастся как-то повлиять на ход событий?

Слышится скрип тормозов – неподалеку останавливается штабной «Виллис».

– Здравствуйте, товарищи!

Танкисты радуются, я честно пытаюсь вспомнить этого человека. Ничего не получается – я, наверное, снова «подавляю» своего аватара. Пытаюсь как-то «отключить» мозг. Точно! Лелюшенко! Дмитрий Данилович Лелюшенко, наш командующий.

Он что-то говорит, я не слушаю. Неприятное чувство рождается где-то между лопатками – такое я уже испытывала, в тот раз, когда... В тот самый первый раз, когда моего реципиента застрелил засевший на колокольне бюргер.

Я еще ничего толком не успеваю понять, а ноги сами делают несколько шагов, я оказываюсь прямо позади генерал-лейтенанта. Я слышу сухой щелчок выстрела? Или – просто знаю, что он должен быть?

Больно... как больно. Хочется кашлянуть, выкашлять из себя эту боль, но горячий воздух не хочет выталкиваться наружу, и заходить в легкие он тоже не хочет, а потом все вокруг гаснет.

Глава 10

Россия, недалекое будущее. Виктор

Короткий то ли всхлип, то ли вскрик – и безжизненное тело соскользнуло со стула.

Виктор рванул с места, бросился на колени, приподнял голову девушки. Дышит. Неглубоко, едва заметно, но дышит. Что с ней такое? Перенапряжение? До сих пор *такого* с ней не было, наоборот, она выходила из боя полной сил, хоть запрягай и паши...

Виктор аккуратно стянул с влажных волос мнемoprojector, положил его на стол. Не забыть бы отключить...

– Наташа! Нат!

Он осторожно похлопал ее по щекам.

Девушка глухо застонала, но в себя так и не пришла.

Надо перенести на диван. Или лучше оставить тут, на полу? Пол не слишком-то чистый – не бывает слишком чисто в холостяцком жилище. Но, может, ее лучше не трогать?

Нашатыря у него дома нет – всю аптечку составляют зеленка и лейкопластырь, да и тот сестра оставила, она вечно пятки растирает до крови.

Он взял руку – вялую, безжизненную, холодную, и испугался окончательно. Пульс не прослушивался! Но ведь так не может быть! Она ведь дышит?!

– Наталья!

Он заорал и ударил ее по щеке изо всех сил. Голова мотнулась, словно у тряпичной куклы. Телефон. Где телефон?! Надо вызывать «Скорую»! Только куда же он задевался, этот телефон!

И звук – назойливый, противный и... странно знакомый. Ну, да, это ж телефон и звонит! Наверное, отвечать на звонок в такой ситуации нелепо, но Виктор очень плохо соображал, что делает. Он нажал кнопку и рывкнул:

– Да!

– Витенька, – раздался из трубки голос шефа, – у меня новости по поводу...

– Ей плохо! – рывкнул Виктор. – Совсем плохо! Я...

– Ничего не предпринимай, сейчас буду, – сказал шеф, и, прежде чем до Виктора дошел смысл сказанного, из трубки уже раздавались короткие гудки.

Шеф и в самом деле появился через несколько минут, показавшихся, впрочем, Виктору целой вечностью. За ним следом возник невозмутимый «фирменный» доктор Илья Семенович с неизменным саквояжиком. Таким, какой носили врачи в фильмах про конец девятнадцатого века.

– Ну-с, что тут у нас?

Илья Семенович колдовал над какими-то приборами, кажется, давление измерил, потом какой-то анализатор приложил. Анализатор заморгал тревожным густо-желтым цветом. Анализаторы Илья Семенович изобретал сам и с большим удовольствием опробовал на сотрудниках.

Доктор с удовлетворением покивал сам себе, достал из саквояжика одноразовый шприц. Быстро распечатал, наполнил, сломав ампулу, – все движения были четкими, красивыми. Виктор, словно в ступоре, наблюдал за ним со странным ощущением, как будто он смотрит фильм. Потом запахло спиртом.

Илья Семенович распрямился.

– Ну, вот, теперь можно перенести нашу пациентку на диван. Кризис миновал. О, батенька! А вы-то что?!

Под носом Виктора вдруг очутилась ватка, смоченная чем-то настолько резко пахнущим, что аж слезы выступили.

– Ну, дружок, полегче? – участливо поинтересовался доктор.

Эти «батенька» и «дружок» порой сильно выводили Виктора из себя: зайдешь в

медпункт таблетку от зубной боли попросить, а там какой-то доктор Айболит, право слово. Но сейчас Виктор был даже признателен Илье Семеновичу за то, что он «не вышел из образа»: раз доктор продолжает играть в Айболита, стало быть, с Натальей – ничего серьезного.

Минут через пять девушка спала на диване, мирно посапывая, а Виктор, как гостеприимный хозяин, угощал гостей на кухне.

– Я буду пить чай, – заявил Илья Семенович. – И вы, батенька, тоже. Горячий, крепкий и сладкий чай. А Анатолию Андреевичу разрешим выбрать, чего ему самому хочется.

Пить чай в такую жару казалось абсурдным, но спорить с сухоньким и в самом деле походящим на доброго доктора из старинной детской сказки врачом совсем не хотелось.

Виктор налил в две чашки свежесваренный ароматный чай – Наталья как раз сегодня принесла пачку. Шеф демонстративно достал из холодильника запотевшую бутылку минералки, налил в высокий стакан.

– Что с Нефедовой? – Виктор непроизвольно дернул головой в сторону комнаты, в которой спала девушка.

Доктор степенно отхлебнул чай, медленно поставил чашку.

– Гипотонический криз. Давление упало. Шестьдесят на тридцать – это, милые мои, нормально, условно говоря, для кролика, но никак не для девицы в полном расцвете сил. Да и гипогликемийка...

Он снова с удовольствием отхлебнул чай.

– У нее диабет, что ли? – не понял Виктор. Он же смотрел Натальину медицинскую карту – там все было в порядке...

Врач качнул головой.

– Да нет, какой диабет. Переутомление нервное, вот и все. Нервы, батенька мой, это такая вещь... Вот было такое кино старое – «Формула любви» называлось. Не довелось видеть?

Виктор кивнул. Фильм он видел, но к чему Илья Семенович его вспомнил, понять не мог. И вообще его раздражала эта манера старого врача вести себя так, как будто ничего не случилось, и как будто он приехал сюда не жизнь пациенту спасать, а – вот, к примеру, чаю попить.

– А что вы, миленький мой, на меня смотрите так странно? – поинтересовался Илья Семенович. – Цинизму моему удивляетесь? Так, право, батенька мой, зря. Во-первых, с девушкой уже все в порядке. А во-вторых, когда смерть наблюдаешь достаточно часто, перестаешь видеть в ней нечто сверхъестественное. А о фильме, – он снова отхлебнул чая, – я напомнил вот почему. Там доктор говорит одну, поистине гениальную, фразу: «Голова – предмет темный и исследованию не подлежит». А если вы, батенька, считаете, что с восемнадцатого века медицина в этом вопросе сильно продвинулась вперед, то зря.

Зависла пауза, неловкость от которой, кажется, испытывал только Виктор.

Шеф, видимо, решил ее разрядить.

– Так мы чего приехали-то, – сказал, словно продолжая начатый разговор. – Новости по поводу убийства.

После происшествия с Натальей Виктор соображал совсем туго; насчет какого убийства, он не понял и переспросил:

– Убийства?

Шеф кивнул.

– Антончик расстарался. Нашли тех, кто грохнул приятеля нашей девочки.

– Так быстро? – не понял Виктор. Убийство, скорее всего, совершили не на бытовой почве, а за такой короткий срок в нашей стране убийцу обычно находят только в том случае, если один супруг то ли в порыве ревности, то ли просто по пьяни грохнул свою «половину», да еще и в придачу нашлись свидетели.

Шеф слегка скривил губы.

– Я ж говорю – расстарался. Влез мальчик в очень нехорошую историю. Чего,

собственно, и следовало ожидать – с его-то образом жизни. Взломал базу данных... у одних весьма серьезных людей.

– И что, взяли уже?

– Экий ты быстрый, – качнул головой шеф. – Взяли... На исполнителя еще даже не вышли. Просто вычислили, кто заказал.

– Кто *мог* заказать... Или у них только одна версия?

– Если я говорю – вычислили, то, стало быть, вычислили, – рассердился Анатолий Андреевич. – Это уже не версия. Теперь только доказательства собирать. Ну, да ребята справятся, я лично в этом не сомневаюсь. Только вот...

– Это... нас как-то может коснуться? – осторожно поинтересовался Виктор.

Шеф качнул головой.

– Об этой истории вообще можно было бы забыть, если бы не одно «но»: девочка наша «засветилась» рядом с Сильвестром. Кажется, всего один раз, но этого вполне достаточно, чтобы ее... чтобы считали, что она может... что-то знать. И в квартире наследила, а туда приходили... Уже после того, как дверь наши опечатали. Причем аккуратненько так вскрыли, если бы ребята Антона этого заранее не ожидали – нипочем бы не догадались. Искали что-то, да, похоже, так и не нашли.

– Да куда же он влез?! Кому перешел дорогу?! – Почему шеф говорит такими расплывчатыми, обтекаемыми фразами – вроде и слов много, а информации никакой?

Анатолий Андреевич поднял на Виктора внимательный взгляд.

– А ты уверен, парень, что на самом деле хочешь об этом знать?

Илья Семенович с бесстрастным лицом отхлебнул чай.

– Не отпускай ее.

Анатолию Андреевичу легко говорить – «не отпускай». А под каким предлогом не отпускать-то? Пояснять что-то и даже говорить с Натальей на тему смерти Сильвестра шеф ему запретил. И почему – по телефону? Ведь не прошло и шести часов, как шеф с доктором были у Виктора. Почему шеф не сказал об этом сразу? Не хотел говорить при Илье Семеновиче? Или за прошедшее время появилась какая-то новая информация?

– Ну, выдумай что-то, – голос шефа звучал раздраженно. – Она должна находиться у тебя дома в целях ее же безопасности. Но ей об этом сообщать необязательно. Ты знаешь баб, они на ровном месте могут такое сотворить... И не возражай мне, что Наталья не такая – она, может, от «девчочковых» девочек и отличается, зато в другую сторону наворотить может столько, что мало никому не покажется.

От кого отличается?! Переспросить, что ли?

Шеф в трубке хмыкнул.

– Что, тебя мое определение смутило? Так это внучки моей... авторство. Ее родители регулярно ругают за то, что она из садика то с побитыми коленями, то в порванной одежде возвращается, и она пояснила, что девочки бывают «мальчиковые» и «девчочковые», причем «девчочковые» – вообще дуры, и она такой быть не хочет. Ну, оставим на совести моей внучки, кто из них дуры, а кто – нет, но то, что «мальчиковые» девочки тоже умеют напридумать такого, что хоть святых выноси – в этом сомневаться не приходится. Так что не удивлюсь, если Наталья твоя, узнав подробности о Сильвестре, не решит мчаться, с пистолетом наголо, кому-нибудь мстить. Да ладно, это все шутки, а вот то, что ее могут попытаться выследить... Короче говоря, ты меня понял, дальше сам думай. Ты программист, у тебя голова большая. А она должна сидеть у тебя дома, пока я не приеду и сам с ней не пообщаюсь. Только пускай особо не переутомляется, да и вообще – от игры ей лучше пока воздержаться.

Шеф отключился. Слушая короткие гудки, Виктор размышлял. Из дому не выпускать, ничего не объяснять... Это все было бы возможно лишь при одном условии: посадить Наталью за игру. Но шеф велел – «не пускать». Да что там шеф – он и сам побоялся бы сейчас сажать девчонку за компьютер, уж слишком сильно он испугался вчера, когда она

потеряла сознание.

Какой-то странный звук. Кажется, это в спальне. Наверное, девчонка пришла в себя. Пытается небось понять, где находится.

Только сейчас Виктор сообразил, что продолжает держать телефонную трубку в руках.

Россия, недалекое будущее. Наталья

В голове у меня поселился дятел, который во что бы то ни стало решил продолбиться наружу. Открывать глаза было больно, к тому же я так и не могла сообразить, где нахожусь: в теле аватара – в марте сорок четвертого, или в своем собственном?

Потолок. Высоко-высоко. Белый. Я – в госпитале? Тихо. Я в комнате – палате, одна? Но ведь в госпиталях такого не бывает. Или все просто спят, потому и тихо? В комнате темно, но я почему-то понимаю: на самом деле просто окна зашторены, а за шторами – день-деньской.

Я медленно сажусь. Голова кружится, но в целом – терпимо. Нет, никакой это не госпиталь, это комната, только не у меня дома. Где я? Судя по всему, я все-таки в своем времени и в своем теле...

Я что, заболела? Чем? Я вообще летом никогда не болею, да и не летом – редко... Меня... меня – выкрали! Те, кто расправился с Сильвестром, выследили меня и зачем-то выкрали. Кололи какую-то гадость, потому мне сейчас хреново. Вон и след от укола на предплечье... Только почему меня тогда не привязали?

Пытаюсь встать. На самом деле мне не так уж и плохо, просто ноги какие-то ватные, как будто я совсем разучилась ходить. Делаю два шага, натыкаюсь бедром на стул. Больно, и синяк будет... А если ты, милочка, будешь продолжать так гроыхать, то сейчас придут злые дяденки, и будет куда больнее...

Дверь открылась, впусив Виктора. Секунду я соображала, потом безумно захотелось броситься ему на грудь и зареветь. Только... только он и так считает меня детенышем-несмышленком. Благодарю покорно, порыдаю я как-нибудь в другой раз, к примеру, дома, в подушку. И вообще, чего это я должна рыдать, уткнувшись в него? Может, это вообще он меня какой-то дрянью накачал – ведь, кроме него, никого рядом-то и не было...

– Нат, ты зачем встала-то?

Я открыла рот, чтобы сказать что-нибудь хлесткое, подумала и... закрыла его. Хорошая тенденция у меня в последнее время проявилась – подумать слегка, прежде чем что-то ляпнуть. Если закрепится, того и гляди, приобрету репутацию умной. Ну, не мог Виктор ничем меня опохмелить. И вовсе не потому, как подумала бы на моем месте почти любая девица («ах, мы с ним вместе работаем, и потом, я такая симпатичная, ну, не может такого быть, чтобы он ко мне никаких чувств не испытывал!»), а по куда более прозаичной причине. Его шеф, Анатолий Андреевич, назвал меня, если я не ошибаюсь, ценным экземпляром. А портить ценные экземпляры – не рентабельно. Даже если предположить, что на самом деле он – тайный агент какой-нибудь конкурирующей конторы, тогда, тем более, он меня должен холить и лелеять. Ну, или на крайняк – сразу пристрелить.

– Наташ, что-то случилось? – встревоженно поинтересовался Виктор. – У тебя такое странное выражение лица...

Ну, еще бы ему не быть странным: придумать за десять секунд целый шпионский боевик. Н-да, надо срочно спасать положение, а то он будет считать меня не несмышленком, а полной дурой.

– Просто не поняла, где я нахожусь, – смущенно сообщила я. – И мне стало немного не по себе.

– Да у меня ты. Просто в этой комнате ты еще не бывала, вот и все.

– А...

Угу, осталось только спросить какую-нибудь очередную глупость. Типа: «А где ты сам

спал?»

– Я что, заболела?

Он секунду помедлил. Всего секунду, но мне хватило, чтобы понять: подбирает слова, стало быть, собирается лгать. Ну, или, по крайней мере, озвучивать не всю правду.

– Нет, ты не заболела. Ты... слишком долго играла и, видимо, просто переутомилась.

Ну, не хочет говорить правду – заставить-то я его не смогу, верно? Будем довольствоваться тем, что сказал.

– Слишком долго – это сколько?

Виктор несколько секунд пристально глядел на меня, слегка склонив голову набок, потом все-таки ответил:

– Больше двух суток.

Мама родная! Еще бы мне плохо не стало!

– Мне надо душ принять. Можно? А то домой в таком виде как-то...

Виктор вздохнул.

– Душ-то можно. А вот с «домой», боюсь, придется подождать.

– Слушай, а что ты знаешь о женщинах-танкистках? – поинтересовался Виктор, поглядывая на меня из-за толстого «ученого» журнала. Была у него такая странная, на мой взгляд, привычка: оказывается, он всю периодику по специальности проглядывал сперва в электронном виде, а потом наиболее понравившиеся ему издания выписывал в бумажном.

Я удивилась.

– Что, в Советской Армии были женщины-танкистки? Не знала... О летчицах знала – о них даже несколько фильмов снято, а вот о танкистках никогда слышать не доводилось...

– Держи.

Он встал и, порывшись у себя в столе, протянул мне тоненькую пачку бумаги.

– А может, я лучше сама в инете погляжу?

Он качнул головой.

– Извини, но о компьютере тебе пока придется забыть. Можешь не думать – ты ж видишь, я и сам не сажусь, чтобы у тебя слюноотделение от зависти не увеличивалось. Хотя мне, между прочим, работать надо.

Я быстро просмотрела первую статью. Александра Леонтьевна Бойко, вместе с мужем Иваном перечислившая все свои деньги в Фонд обороны и написавшая письмо лично Сталину с просьбой разрешить им с мужем воевать на построенном на эти деньги танке. И после окончания Челябинского танкового училища воевала, между прочим, командиром танка, в то время как муж ее был в этом же танке механиком-водителем.

Мария Октябрьская, Нина Бондарь... В общем-то сухие строчки, а за ними... Да я даже представить себе не могу, что – за ними! Танкисту-то и мужику – не сахарно, а женщине-то каково?! Особенно если она служит в мужском экипаже! Это же... ну, как минимум – всякие физиологические проблемы... Я пыталась приспособиться к мужскому телу, мне было смешно, неловко, странно, но все же, если бы мне предложили повоевать в женском – дудки бы я согласилась. Хотя... нет, не хочу!

Зазвонил телефон. Виктор поднялся, глянул на меня искоса и пошел в кухню – трубка лежала именно там. Интересно, кстати, почему. Он что, считает, что я стану подслушивать его разговоры? Больно надо! Нет, мне, конечно, интересно, но ведь подслушивать – это себя не уважать. К тому же... Гораздо сильнее, чем услышать, с кем и о чем он беседует, мне хотелось сесть сейчас за компьютер и войти в игру. Зависимость? Как у наркомана? Или желание и в самом деле повлиять как-то на ход войны, желание, которое до сих пор удовлетворялось только по мелочи...

Запустить! Только начать! Ну, понятное дело, долго играть Виктор мне не даст, но хотя бы выбрать битву...

Господи, да что со мной происходит! Не надо лгать самой себе: битву я могу выбрать и так. Слава богу, о Великой Отечественной войне знаю немало, да и Интернет под рукой.

Кстати, для того, чтобы выбрать битву, в которой можно и *в самом деле переломить ход войны*, следует хорошенько подумать, а не хвататься за мышку и тыкать, куда ткнется. Да и вообще – есть у меня какая-то сила воли, или нет? Сказали – не играть, стало быть – и не играть...

– Звонил Анатолий Андреевич, – сообщил вернувшийся Виктор. – Он подъедет примерно через час и ответит... на некоторые из твоих вопросов.

– На какие именно – некоторые? – не удержавшись, съязвила я. – На какие захочет, что ли, на такие и ответит?

– На какие сочтет нужным, – поправил меня Виктор.

Глава 11

Россия, недалекое будущее. Виктор

Он остался стоять в дверях – с одной стороны, шеф вроде как его к разговору и не приглашал. С другой стороны, его никто и не прогонял, а о чем пойдет речь, он имел право знать. Потому что он отвечал за эту смешную «мальчишковую» девчонку, считающую себя взрослой. Потому что именно он втянул ее во все это – в эту игру, которая стала для нее жизнью, в эту тайну, которая стоила жизни ее приятелю, а могла – и ей.

– Наталья, вы девушка умная, поэтому говорить я буду начистоту.

Со своего места Виктор видел: девушка едва удержалась, чтобы не фыркнуть. По ее лицу ясно читалось: «если вы думаете, что я куплюсь на такой дешевый комплимент – вы глубоко ошибаетесь».

Шеф, сделав вид, что не обратил внимания на эту мину, продолжил:

– Вашего приятеля Сильвестра убрали... весьма серьезные люди, которые...

– Кто именно? – быстро поинтересовалась девушка. Выражение лица ее изменилось – стало сосредоточенным, собранным.

Шеф помолчал.

– Наталья, мне бы не хотелось... Нет, конечно, вы взрослый разумный человек, я даже представить себе не могу, что вы станете бегать по улицам, размахивая пистолетом и мстя «злым дядькам».

Не может? Надо же! Наверное, у Анатолия Андреевича плохо развито воображение. Вот Виктор, к примеру, прекрасно представлял. И даже в том, что Наталья сумела бы при необходимости раздобыть не только пистолет, но и автомат – тоже.

– Короче говоря, делом об убийстве вашего приятеля занимаются соответствующие структуры, и, поверьте, будет сделано все, чтобы убийцы понесли заслуженное наказание.

Что это с шефом? Он никогда не разговаривал казенными фразами – разве что когда с прессой общался, давно, в самом начале проекта, когда слухов о программе ходило множество, а они не имели права ни подтвердить, ни опровергнуть их. И еще, когда очень сильно волновался. Только с чего бы ему *сейчас* волноваться?

– Наталья, нам стало известно, что за вашим приятелем следили. И за ним, и за его квартирой. И еще нам известно, что люди, э... убравшие его, искали... ну, скажем так, некий носитель информации. Для меня не имеет значения, не говорил ли вам ваш приятель о какой-то информации или не отдавал что-либо на хранение...

Наталья дернулась возмущенно, но шеф, предостерегающе подняв палец, продолжил:

– Как я вам уже объяснял, для меня важнее всего проект. Его успешная реализация. А вы... Вы, Наталья, игрок, я не побоюсь этого слова, уникальный. И, поскольку вам может грозить опасность, я предлагаю вам свою защиту. Мои люди вывезут вас в такое место, где вам никто и ничто не будет угрожать. А вы сможете спокойно продолжать играть. Вы что-то хотите спросить?

Девушка сделала странное движение головой, как будто одновременно пыталась и

кивнуть, и покачать головой.

– Спрашивайте. – Шеф слегка наклонил голову. – Не обещаю, что отвечу на все ваши вопросы, но вот на какие смогу...

Наталя, закусив губу, помолчала. Потом подняла голову.

– Скажите, а почему я во время игры ни разу... Почему моим реципиентом ни разу не была женщина? Это связано с тем, что я не знала, что во время войны были женщины-танкистки?

Брови Анатолия Андреевича поползли вверх. Видимо, такого вопроса он не ожидал.

– Нет, с этим не связано. Есть один игрок, мужчина, профессиональный военный. Так вот он как раз неоднократно оказывался именно в женском теле, хотя вроде бы тоже не имел представления о том, что среди танкистов имелись и женщины. Видимо, это как-то связано... с вашими личностными особенностями.

От двери Виктору хорошо было заметно, как залились краской щека и маленькое ухо. Считает себя, по классификации шефовой внучки, «мальчиковой девочкой» и гордится этим.

– Кстати. – Шеф немного оживился. – В целях эксперимента... Я могу попросить вас постараться... побыть женщиной?

– Чего?!

– Я имею в виду – постараться... слиться с аватаром-женщиной, – торопливо поправился шеф.

– Зачем? – не поняла Наталя. Было заметно, что ей эта идея не нравится.

Шеф сморщил лоб.

– Наталя, от того, что вы, как одиночный игрок, даже сумеете повлиять на события, ход войны особо не изменится. Мы хотим... мы хотим разработать общую стратегию. Но для этого нужно как можно больше знать о возможностях игроков. Я объясняю вам... весьма приблизительно. Вы должны понимать, что, если я перейду на терминологию, которой мы обычно пользуемся в своей среде, среде разработчиков проекта, вы... вообще перестанете улавливать смысл моих слов.

Наталя кивнула. Ничего не поняла, догадался Виктор, но не хочет это продемонстрировать. А шеф – мастер... «завернутых» фраз, лишенных смысла. Для чего ему нужно, чтобы Наталя попробовала воевать в женском теле, сам Виктор не догадывался тоже. Но, скорее всего, Анатолий Андреевич ему и не скажет «в целях предотвращения утечки информации».

– Еще есть вопросы?

Наталя кивнула.

– Есть. Скажете, в игре... – она замолчала, подбирая слова, – игроки могут становиться только танкистами? Или... или по своему усмотрению... могут относиться к... ну, к примеру, к обслуживающему персоналу?

– Наташенька, вы же видели – любому зарегистрированному в игре предлагается выбрать битву и тип танка из тех, какие в этом сражении реально принимали участие. Так что... – шеф развел руками.

Старый лис. Лгать не любит, правду сказать по какой-то причине не смог, а красиво вывернулся! То есть сам Виктор не имел представления, могут ли матрицы игроков накладываться не на бойцов-танкистов. По крайней мере ни в какой подобной разработке он участия не принимал, но это ничего не значило – могли разработать и без него. В конце концов, сейчас на фирме было целых четыре отдела разработчиков, занимающиеся разными задачами. Но он слишком хорошо знал Анатолия Андреевича и знал, когда тот говорит неправду. Неужели и в самом деле... в игру «засылают» контролеров?

– Ну, да, *обычные* игроки – те, которые регистрируются и играют, могут быть только танкистами. Но неужели... никто их *ваших* не контролирует игру *изнутри* ?

Шеф картинно развел руками – этот жест можно было понять как угодно.

Наталя хмыкнула.

– Еще вопросы есть?

Девушка качнула головой. Если у нее и были вопросы, то не к шефу.

– Тогда сейчас вас осмотрит Илья Семенович, он хотел лично убедиться, что с вами все в порядке.

Советский Союз, 21–23 июля 1944 года. Псковский район. Наталья

Мы торчим из башенных люков, словно пальцы из дырявого башмака. Блин, что за идиотское сравнение? Ну, будем считать, что оно пришло в голову не мне, а моему реципиенту.

Печет солнце. Еще бы ему не печь – июль месяц на дворе. Небо пронзительно голубое, а кучевые облака словно выстроились в ряд, причем почему-то поперек нашего марша, напоминая мне о грядках на бабушкином огороде: я почему-то всегда стремилась вскопать «поперек» тому, как копала бабуля, и она всегда сперва сердилась на меня за это, а потом махала рукой, и огород состоял из таких разнонаправленных латок. К чему это вдруг я об огороде вспомнила, а?

Сзади – колонна танков.

Внизу недовольно бурчит мехвод:

– Ну, конечно, все люди, как люди, воздухом дышат, а я тут один должен любоваться этой красотой только через шелку.

«Открой люк», – хочу сказать я, но не успеваю.

– Не ндравится мне эта тишина, – не к месту говорит стрелок-радист, озабоченно сводя светлые брови в одну сплошную линию. Я напрягаюсь. Это не какой-то безликий стрелок-радист – у него есть имя. Я *должна знать*, как его зовут! Я... я знаю, нужно только вспомнить. Верно! Его зовут Ягор Ковзик, он белорус. Акцент у него почти не заметен, по крайней мере до тех пор, пока он не начинает нервничать. Но когда Ягор нервничает, он большей частью молчит.

– Ашотутможетненравится?

Зато мехвод Василий, наоборот, разговаривает слитно, что называется – «без пробелов». Виктор когда-то рассказывал мне старинный анекдот о том, что один начинающий пользователь в чате (раньше люди в основном переписывались, а не общались в звуковом режиме) задал вопрос: «Уменяполомаласьклавишапробелчтоделать», на что получил такой же письменный ответ: «Настоящие_программисты_пробел_не_используют». До меня смысл тогда не дошел, и Виктор пояснил, что каких-нибудь тридцать лет назад в названиях файлов пробелы были недопустимы, поэтому зачастую использовалось подчеркивание. А вот чтобы передать речь моего мехвода, пробел вовсе и не нужен: южанин, он говорит не только слитно, но еще и очень быстро. И – много. И – глотая некоторые согласные. Так что понимать его мы выучились не сразу.

Я даже... Стоп! Я – кто?! Я – командир танковой роты, гвардии капитан Олег Губский. Но ведь шеф Витка просил меня попытаться «слиться» с женщиной! Ну, просил. Может, не получилось... но настроение почему-то стремительно портится.

Сейчас ведь возьмут, да и прервут мне игру. А командую ротой я, между прочим, впервые.

Правда, пока не особо-то и командую...

С другой стороны – откуда им знать-то, кто я здесь? Может, они только тогда узнают, когда я расскажу... И вообще, чего зря голову ломать?

– Погодавышийклас, – продолжает Василий, – фрицыбегуткаквжареные...

Перестаю прислушиваться.

Окружающий пейзаж не особо радует.

Поваленная набок телега, рядом – труп лошади, по жаркому времени уже вздувшийся. В нескольких метрах от нее – воронка.

Странно, освободили эту местность только сегодня, а лошадь валяется уж точно не первый день. Фрицам что, лень убирать было?

– ...хоть бы кто этага бесноватага фюрера грохнул...

Я открываю рот, чтобы сообщить, что как раз двадцатого числа «беснаватага фюрера» и пытались грохнуть, но вовремя соображаю: капитану Губскому об этом знать не положено.

Над головой неожиданно возник гул. Характерный такой. «Юнкеры»?! Но, судя по звуку, самолет один!

Я размышляла слишком долго. Расслабилась: в последнее время немецкие летчики не слишком-то часто «радовали» нас своими визитами.

Застрекотали пулеметы. Кто-то из ребят сообразил и без приказа. Эх, зениток бы сюда парочку! А то из пулемета фиг достанешь...

Бомбы посыпались градом, вздымая пыльные фонтаны. И почти в одну точку. Как будто ему просто нужно было сбросить свой боезапас! Нервы у фрица не выдержали, что ли? Испугался пулеметов?

На второй круг летчик заходить не стал, потянул свою машину назад.

– Горит!

Что горит?

– Мужики, подбили! Вон дымит...

Но, к сожалению, самолет не был сбит, а благополучно ушел за линию фронта. Ушел, оставив несколько воронок, и...

– Мужики, глядите!

Покореженная штабная машина, а в ней – девичье тело в форме с погонами войск связи, вернее, то, что от него осталось. Выбирал ли фашист себе цель или сбросил бомбу «как придется» – кто ж его знает? Скорее всего, действительно метил в машину. Только вот почему шофера нет, да и вряд ли шофер вез одну только девушку? Штабной крысук, заслышав гул бомбардировщика, поспешил укрыться от бомб сам, а на девушку ему было наплевать?

Я повертела головой, пытаюсь разглядеть «хозяина» машины.

– Командир, спокойно...

Кто-то крепко взял меня за предплечье. Я дернула рукой, пытаюсь высвободиться, но чужая рука держала твердо.

– Брось, командир. Пошли.

Василий. Оказывается, при необходимости он может разговаривать членораздельно и даже медленно.

– Не стоит мारаться.

Меня снова потянули – на этот раз кто-то другой.

– Надо бы...

– Похороним, командир. Все сделаем, как надо.

Я возвращаюсь к своему танку, так и не узнав, что за сволочь поспешила спасти свою жизнь, принесла в жертву жизнь девчонки.

Передышка. Скоро поступит новый приказ, и мы снова рванем вперед – этот день, 22 июля сорок четвертого, войдет в историю Великой Отечественной как день, в который от фашистов было освобождено почти семьдесят населенных пунктов Псковского района.

Танки дозаправлены горючим, маслом, пополнен боекомплект. Проверена ходовая, пушки и пулеметы вновь приведены в состояние боевой готовности. Теперь можно немного отдохнуть.

Я уселась прямо на землю около танка, прикрыла глаза.

Подъехала машина, притормозила, громко хлопнула дверца.

– Ребята, почта! – высокий, кристальный голосок.

Это почтальонша Тося, милая миниатюрная девушка.

Короткая передышка, через пару часов в бой, а тут – почта. Это – правильно, письмо из дома перед боем как раз то, что надо. Странно, раньше я считала, что письмо из дому должно расхолаживать солдат. Ведь нахлынувшие воспоминания о доме, о ждущей любимой, о

детях, которые подросли и уже не очень-то хорошо помнят своего папку, должно заставлять рваться домой, стремиться всей душой к матери, жене или невесте. И, конечно же, сразу должны возникать мысли о том, как уцелеть в этой проклятой мясорубке, чтобы вернуться и увидеть родные лица... Так *должно было быть*. Но – нет. После таких писем танкисты еще сильнее рвались в бой, еще яростнее дрались... Хреновый из меня психолог.

– Тосенька, вы сегодня просто ослепительны!

– Шо ты брешешь, Тосенька всегда ослепительна.

– Тосенька, а для меня есть что-нибудь?

– Тосенька, а вот мне никто не пишет... Может, хоть вы пару строчек черканете?

– Маслов, оставь девушку в покое...

– Оставь-оставь, а то Закиров тебе уши пообрывает.

– Зачем пообрывает? Просто отрежет. У него кинжал вон какой острый!

– Ага, он и спит с ним, с кинжалом.

Такое добродушное переругивание, сопровождающееся взрывами хохота, – обычное явление. Тосенька не смущалась. Во-первых, она и сама при необходимости умела поставить нахалов на место, во-вторых, за нее всегда было кому вступить.

Я прикрыла глаза, и вдруг...

– Товарищ капитан, а ну-ка – танцуйте!

Я?!

Я села. Маленькие сапожки – всегда завидовала девушкам с небольшими ступнями, – топтались около меня, неторопливо приплясывая.

– Танцуйте-танцуйте! Вам письмо!

Письмо? Мне, капитану Губскому, не от кого получать письма: мать, жена и две дочери погибли при бомбежке.

– Ну же, товарищ капитан! – Тосенька притоптывает ногой; в руке у нее треугольник письма.

Я протягиваю руку, и она резко отдергивает свою, прячет за спину.

– Танцуйте, товарищ капитан!

Бойцы наблюдают тихо, молча. О том, что у их ротного погибла вся семья, знают, наверное, все. Кроме, наверное, Тосеньки – она-то здесь недавно.

Я поднимаюсь, делаю несколько движений под звонкое прихлопывание девушки: она искренне не понимает, почему ее никто не поддерживает.

– Держите, товарищ капитан.

Я раскрываю письмо. Красивый почерк, округлый, почерк девочки-отличницы.

«Дорогой папа».

Глаза заволакивает какой-то пленкой. Я смаргиваю, читаю дальше.

«Дорогой папа.

Я знаю, тебе сообщили, что все мы погибли, но это не так.

Когда дом наш разбомбили, мы с Дашкой как раз возвращались из магазина»...

Черт, что ж так режет глаза-то?

Я снова моргаю.

«...из магазина. Дашка все ныла, не хотела идти домой, а я все тянула ее и тянула, а сейчас думаю – зря, потому что бомбежка началась как раз, когда мы были около дома, и осколком Дашке оторвало ручку»...

По лицу что-то течет. Я подношу руку к лицу, вытираю слезы. Я плачу, и мне не стыдно того, что на меня смотрят мои бойцы. Я думаю, настоящему Олегу, на месте которого я сейчас, тоже не было бы стыдно. Мужчины не плачут? Фигня! Есть такие случаи, когда не зазорно плакать и мужику, и этот – как раз из таких. Люди на войне грубеют? Еще одна ерунда! По-моему, в огне, в грязи, в воде как раз сильнее проявлялось именно то человеческое, что было в каждом из нас. Конечно, люди бывают разные, но я именно о тех, кто *имеет право называться человеком*.

«А я, папочка, – мне стыдно писать об этом, но я, вместо того, чтобы спасти Дашку,

потеряла сознание. Нас обеих подобрали и отвезли в больницу, но я две недели не могла прийти в себя. А потом, когда пришла, мне не сразу разрешили тебе писать.

Папочка, миленький, мы с Дашкой тебя очень-очень ждем! Отомсти фашистам за маму и бабушку, и за всех остальных советских людей, и за Дашкину ручку, и возвращайся с победой! Мы тебя будем ждать! Нас взяла к себе тетя Надежда, ты ее не знаешь, она из больницы. Она очень добрая, но ты, папка, все же возвращайся скорее. Любящая тебя дочь Ольга».

– Товарищ капитан, что, плохие новости? – простодушное лицо Тосеньки выглядит обеспокоенным, короткие бровки сведены вместе. Откуда ей набраться такта, девчонке этой – ей от силы лет восемнадцать, а то и меньше.

– Хорошие, – отвечаю я. – Мои дочки нашлись. Они живы.

И пускай это сто раз не мои дочери, а капитана Губского, мстить фашистам буду я. Наталья Нефедова. И за Губского, за то, что ему пришлось пережить, и за его девчонок, и за своего не вернувшегося с войны прадеда, и, как написано в письме, «за всех советских людей».

Мы вошли в город с севера около полудня, выбивая засевших буквально за каждым камнем, за каждым кустом фрицев. Где-то левее наша артиллерия вступила в схватку с танками противника; где-то совсем рядом наши освобождали лагерь военнопленных, а мы рвались вперед, стремясь выбить, выкинуть фашистов из города.

Стрекочущий пулемет; бледный, сосредоточенный Ягор; Максуд промакивает ему лоб – у самого Ягора заняты руки. Падающие фигурки – немцы сопротивляются отчаянно, но им это не поможет, на этот раз – нет, сегодня Псков будет освобожден.

– Давай направо, – велю я.

В известной мне истории немцы, засевшие в руинах завода «Выдвиженец», положили много наших, и обойти их с фланга не представлялось возможным, потому что в развалинах вокзала, на пути флангового обхода, тоже засели немецкие пулеметчики. Сейчас, *в этой реальности*, у нас появился шанс прорваться.

А вот и завод.

– Заряжай! Огонь! Заряжай!

После второго залпа все смолкло; пехотинцы сперва несмело, поодиночке, а потом все решительнее поднимались в полный рост; воздух разрезало громкое «ура!».

Вот и славненько. Сколько десятков жизней мы сейчас спасли? А то, что завод порушили окончательно, так ведь человеческие жизни стоят много больше, чем здание.

– Дуй, Василий, к вокзалу.

Высокие оконные проемы – наверное, раньше здание вокзала было красивым. А сейчас это – просто руины. Груды битого кирпича, из которых огрызаются MG-42. Классный пулемет, между прочим. Наверное, лучший пулемет Второй мировой. Эх, будь аналогичная «Танковому клубу» игра, в которой можно было бы «подселиться» в пилота, первое, что я бы сделала, так это разбомбила заводы Маузер-верке и Густлофф-верке, а еще лучше – фирму «Гроссфус» еще до того, как на ней стали выпускать этот пулемет. Пускай бы фрицы повоевали с MG-34! Впрочем, эти мысли больше бы подошли девочке лет пятнадцати, а не такой взрослой тетеньке, как я.

– Василий, давай поближе.

Против такой брони, как у нас, MG-42 ничего не могут. Поэтому стрелять из пушки мы пока не будем, хватит и пулемета.

– Ягор, подготовься к стрельбе.

– Товарищ командир, давайте один раз лупанем! – просит заряжающий. – Тут все равно уже рушить нечего – одни каменюки копченые.

А ведь он прав. Можно экономить снаряды и проторчать тут кучу времени, а можно, быстрее сделать дело и направиться туда, где еще нужна наша помощь.

Я киваю.

– Верно, Максуд. Заряжай!

Железнодорожное полотно разрушено, причем настолько, что быстрому восстановлению не подлежит: шпалы перерублены, костыли вытащены, а кое-где на насыпях воронки такой глубины, что аж подпочвенными водами заполнились. Но, ни хрена: назло всем, будет восстановлен город Псков, один из самых древних городов России, город, из которого происходила княгиня Ольга...

– Командир!

Ягор сует мне шлемофон. Ну, конечно, я поступила, как неразумный мальчишка (или все-таки девчонка?), позабыв, что я – командир роты. Экипажи ждут приказа. И я отдаю его:

– Продвигаемся к восточному берегу Великой.

Нам снова предстояло форсировать реку. Только Великая – это не Смотрич, ее вброд не перейдешь.

Первыми переправлялись десантники. Сотни, наверное, полторы. Ах, оказаться бы на их месте! Лучше переправляться с помощью набитой соломой плащ-палатки под шквальным пулеметным и минометным огнем, чем стоять на берегу, кусая губы, и понимать, что ты ничего, абсолютно ничего не можешь сделать. Хотя почему – ничего? Кто сказал – ничего?!

– Ягор, передай приказ. Пулеметчикам приготовиться к стрельбе...

Вон он, голубчик, засел в полуразрушенном кирпичном здании на том берегу. Ну, недолго, радость моя, тебе куковать осталось. Про себя загадываю: если первой же очередью... Додумать не успеваю: вражеский пулемет замолкает. Вот и ладненько.

Потом замолкает еще одна огневая точка, и еще...

На берегу смеются солдаты: один из рядовых, добравшийся первым до противоположного берега, успел вернуться назад с лодкой. В нее тут же загружаются бойцы, и лодка отчаливает. Смекалка – все-таки великая вещь.

Темные фонтаны воды продолжают вздыматься, но фашистские минометы уже бьют издалека. Следовательно – неприцельно.

Пришла и наша пора переправляться. Командиры рот должны лично наблюдать за погрузкой своих машин, да если бы и не должны были... Какой ты, к чертям собачьим, командир, если не проверишь пятьдесят раз сам все, что необходимо для сохранности твоих людей и твоей техники?

Танки аккуратно перебирались на паромы. Размещались так, чтобы не нарушать центра тяжести. Вроде все в порядке, все закреплено...

Паром отчалил от берега. Хорошо, что не бомбят. Плохо, что лупасят зенитки, хоть и не прицельно, но ведь могут и попасть. А если и впрямь...

Очередной снаряд взрывается слишком близко к парому. Тот подпрыгивает, слегка накреняется... У меня сердце уходит в пятки. Вдруг сейчас оборвется крепление? И танк скатится в воду? Где-то я о таком читала... Танкист без танка – это... это... Но, слава богу, мне не приходится подыскивать сравнений: крепление выдерживает. Паром благополучно достигает берега. Все, грузимся в танки и – вперед.

Город наш... Вернее, то, что он него осталось. За пятнадцать дней, с восьмого по двадцать второе июля, фашисты уничтожили большую часть Пскова. Взорвали все, что только можно: не только мосты и промышленные здания, но и практически всю центральную часть города. Хотели, сволочи, стереть древний город с лица земли; кто-то из них даже сказал: «Пскова больше нет, и никогда не будет».

Так что же я делаю *здесь сейчас?! Почему я попала именно в эти дни?! Ведь Псков мог быть взят куда раньше!* Наши войска предпринимали попытки прорвать Псковско – Островский рубеж обороны – так называемую линию «Пантера», которая проходила по высотам и холмам Псковской равнины, вдоль дорог и по берегам рек Псковы, Черехи и Великой, еще в марте. Только они окончились неудачей – вроде как из-за погодных условий. И еще потому, что задача эта не под силу стрелковым дивизиям, не усиленным

«специальными частями».

Для того чтобы подготовиться к новому штурму, потребовалось больше четырех месяцев. А ведь все могло быть по-другому!

Нет, хватит. Боевая задача выполнена, экипаж жив, и пускай гвардии капитан Губский, сколько бы ему ни осталось, радуется сам тому, что его дочери живы. А мне пора домой. А то только одни разговоры на тему «влияния на исторический процесс». Хватит разговаривать, пришло время влиять по-настоящему.

Допустим, во время первой игры я почти ничего не успела сообразить – ну, пошла в атаку, постреляла, погибла. Во второй раз, в Расейняйском танке сумела продержаться на сутки больше, чем реальный экипаж. И что, теперь это повод загордиться? А что я сделала во время последних двух игр? Просто повторила то, о чем когда-то читала в книгах. Да, возможно, не дала реальности «скатиться» в худшую сторону – и это все, что ли?

Почему мне никто не дал никакого задания? Почему мне ничего не посоветовали, не порекомендовали? На историю они хотят повлиять? Или просто наблюдают за игроками, как за подопытными хомячками? Вообще, почему я вот так, сразу, поверила во все, что мне рассказали? Просто потому, что мне симпатичен Виктор? Но это еще ни о чем не говорит! И потом, Виктор точно так же может обманываться, в конце концов, он чересчур уж доверяет своему шефу, а тот мог внушить ему, что угодно.

С этим следовало разобраться и разобраться прежде, чем я «сольюсь» в следующий раз.

Только – как выйти из игры? Взять и застрелиться? До сих пор я ни разу не прекращала игру по собственному желанию, но это не означает, что такое невозможно в принципе.

Я хочу назад, в свое время. Не хочу – мне надо туда! Надо, чтобы потом вернуться и на самом деле...

Сознание начало отключаться – медленно, медленно, белый свет вокруг меня сжимался в одну яркую, ослепительно белую точку, и видела ли я или просто *знала*, как бросился Ягор к своему командиру, лупил по щекам, стремясь привести в сознание... Успешно или нет – этого я так и не узнала.

Глава 12

Россия, недалекое будущее. Виктор

– Наташ, через полчаса за нами приедут. Собирайся.

Шеф, видать, нашел «безопасное место». Запрет в каком-нибудь бункере и ключ выбросит.

Девушка молча кивнула. После последней игры она вообще была неразговорчива. Виктор попытался узнать, в чем дело – она только отмалчивалась. Погиб кто-то, кто успел стать ей дорог? Но сам Виктор «хоронил» свои экипажи всякий раз, когда ему удавалось достичь «слияния». Наверное, дело было не в этом. Но Виктор и сам не любил, когда к нему в душу без мыла лезли, поэтому не считал возможным расспрашивать девушку.

За ними поднялся Иван, водитель Анатолия Андреевича, в сопровождении двух абсолютно одинаковых, квадратных парней. Эдакие «двое из ларца, одинаковы с лица».

Наталя хмуро побросала в сумку вещи – ей и надо-то было сложить умывальные принадлежности да белье, больше с собой у девчонки ничего и не было.

Машина стояла почти вплотную к подъезду. Неужели Анатолий Викторович и в самом деле опасается покушения на Нефедову?

Наталя нырнула вглубь фургона первой, Виктор – следом. И ведь ни одного вопроса не задала. Нервничает? На самом-то деле ответить на ее вопросы Виктор и не смог бы, но, обычно, если у женщин есть вопросы, они их и задают, даже если понимают, что у того, кого они спрашивают, нет на эти вопросы ответов.

– А где Анатолий Андреевич? – поинтересовался Виктор у одного из квадратных.

Ответил Иван:

– На месте.

Ехали долго; воображение уже рисовало заброшенный ангар где-то далеко за городом, а там – потайной люк. Спускаешься по крутой металлической лестнице и попадаешь в хорошо оборудованное помещение, способное, при необходимости, выдержать прямой бомбовый удар. Да-с, расшалилось что-то воображение, расшалилось. Над Натальей издевался, а сам... Что называется, «нечего на зеркало пенять, когда сам знаешь – что и у кого кривое».

Действительность оказалась куда прозаичнее. Обычная деревенька, правда, и в самом деле полузаброшенная. По крайней мере людей на улицах не видно, но собаки вслед машине бросились и облаяли, как полагается. Хорошие такие собаки, упитанные. Значит, есть кому их кормить.

Иван притормозил около невысокого, но крепкого деревянного забора.

– Приехали.

Наталья глядела исподлобья и вылезать, кажется, не собиралась. Виктор уже ждал взрыва эмоций, но девушка, вздохнув, все-таки выбралась из машины.

Шеф и в самом деле решил их *спрятать здесь*? Да любому, кто хотел бы выследить Наталью, достаточно было проследить за машиной. Неужели Анатолий Андреевич считает, что *здесь* они будут в безопасности?

Крыльцо, затем большая квадратная комната, посередине – стол, накрытый для чаепития. Большой пузатый самовар. Ну, прямо мультик «Каникулы в Простоквашино». Только Матроскина не хватает.

А вот и он – Анатолий Андреевич. Интересно, Виктору с Натальей отведена роль Шарика, что ли?

– Я здесь не останусь. – Девушка остановилась на пороге. Никаких «взрывов»: она приняла решение и просто его озвучила.

Шеф улыбнулся.

– А кто вам сказал, Наташенька, что здесь нужно оставаться? Вот попьем чайку, а потом и...

Ну, в проницательности Анатолию Андреевичу не откажешь: в «добротного дядюшку» он играл всего пару минут, а, заметив реакцию девушки, быстро сменил тон.

– Наташа, я похож на идиота?

Девушка скривила губы; ее гримаска, по-видимому, должна была означать: «да, похож».

– Ну, как бы вы там ни думали, я – не идиот, – сообщил шеф. – Понятное дело, здесь спрятать вас невозможно, поэтому вы тут и не останетесь. Но чай я все-таки рекомендовал бы выпить. По такой жаре – самое то.

– Я не буду, – громко отозвалась Наталья. – А то еще неизвестно, как долго нам добираться... до выбранного вами места. Я могу в туалет захотеть. У женщин, видите ли, емкость мочевого пузыря совсем не такая, как у мужчин.

Виктор дернулся. Чего это она? Такое поведение совсем ей не свойственно...

– Наташа, если вы думаете, что я просто играю в шпионов, вы ошибаетесь, – Шеф встал и подошел к девушке. – Угроза вам и в самом деле существует. Вы хотите доказательств? Вы их получите, когда увидите, где вам полагается жить. Я понимаю, вы испытываете некоторые э... неудобства, только поверьте – жизнь важнее. Впрочем, что я вам рассказываю – вам, которой уже доводилось умирать не раз.

– Вы сами говорили, есть вещи и поважнее жизни.

Она словно продолжает какой-то спор, понял Виктор. Спор, который ведет с Анатолием Андреевичем мысленно. Только вот сам шеф – догадывается ли он об этом?

Анатолий Андреевич медленно кивнул.

– Есть и поважнее. Для меня важнее – мое дело; именно поэтому я и... цацкаюсь с вами.

– Почему же вы тогда не даете... – крикнула девушка и замолкла.

– Не даю – что?

Она упрямо мотнула головой и промолчала.

Шеф пожевал губами.

– Наталья, я понимаю, вы взвинчены, но, к сожалению, не понимаю причины. Давайте доберемся до места и поговорим серьезно. Я обещаю, что постараюсь вместе с вами...

– Там хоть Интернет есть? – сердито блеснув глазами, перебила девушка.

– Есть. Там есть *все* .

«Там» действительно было все. Это место, где им предстояло, по словам Анатолия Андреевича, жить «пока все окончательно не устаканится», представляло собой не то бункер, не то комфортабельное бомбоубежище. Нет, не такое, какое Виктору доводилось видеть в фильмах: весьма уютное трехкомнатное помещение с двумя санузлами, обставленное по последнему слову техники. Только – под землей.

Наталья, всю дорогу не проронившая больше ни слова, замерла на входе, окинула новое жилье долгим взглядом, шмыгнула носом и поинтересовалась:

– А тут действительно Интернет будет ловить?

Шеф кивнул.

– Можете сразу проверить.

Девушка напрямик бросилась к одному из компьютеров, стоявших в первой комнате.

Что ей так с этим Интернетом нейдет? Спросить? Только ведь при посторонних она отвечать не станет. Характерец... Мало папа с мамой в детстве по попе воспитывали.

Анатолий Андреевич слегка придержал Виктора за локоть.

– Вижу, у тебя тоже есть ко мне вопросы.

Вопросов имелось много. К примеру, долго ли им тут сидеть. И кто все-таки убрал Сильвестра, и за что именно. Но вряд ли шеф мог ответить сейчас на все его вопросы, да и самого Виктора в этот момент больше всего интересовало только одно: ни о каком подобном «убежище» за все время работы в фирме Виктор ни разу не слышал. Либо скрывали, либо...

– Анатолий Андреевич, что *все это* означает?

Шеф с потешным видом почесал затылок:

– Витька, ты ж неглупый парень, мог бы и сам догадаться. Да ладно, не стану тебя мариновать, скажу. Это означает, что некоторые люди в некоторых силовых структурах в курсе нашего проекта и поддерживают его.

Виктор не понял.

– Что, мы снова будем работать под «крышей» гэбни?

Анатолий Андреевич качнул головой.

– Угу, причем – кровавой... Нет, Витька. К сожалению, а может, к счастью – нет. Но все-таки и в органах работают разные люди. И среди них, можешь мне поверить, есть настоящие патриоты. Они-то и помогли мне... со всем вот этим.

– А у этих... патриотов более высокого начальства не имеется? А то вытурят нас отсюда...

– Не вытурят. Официально и ты, и Нефедова проходите по программе защиты свидетелей. С Сильвестром вашим не так все просто...

Слух у Натальи оказался отменным: на слово «Сильвестр» она отреагировала моментально, выскочила из-за стола, за которым уже, казалось, прочно обосновалась:

– Что по поводу Сильвестра? Что-то новое?

– Пока ничего. Я... – Анатолий Андреевич хотел что-то сказать, но в этот момент в кармане у него затрезвонил телефон. Он развел руками и вышел.

Угрюмая девушка, налив себе сока почему-то в чашку, хотя на столе стояли и стаканы, вернулась к компьютеру, уселась на вращающийся стул с высокой спинкой и принялась крутиться, сильно отталкиваясь ногами.

– Натах, ты чего? Словно с цепи сорвалась...

Девушка дернула плечом, всем видом показывая, что не хочет разговаривать не только на эту тему, но и вообще. Несколько минут демонстративно пялилась в чашку, потом вскинула голову.

– Послушай, Вить... Ты никогда не задумывался... Все эти декларации об изменении прошлого как попытка повлиять на будущее...

Она снова замолчала – не то слова подбирала, не то снова утратила желание общаться.

– Простите, что стал невольным свидетелем вашего э... ну, разговором это назвать трудно. – Шеф, оказывается, уже вернулся, а Виктор и не заметил. – Только почему же – декларации? Я, кажется, пока не давал повода усомниться в правдивости моих слов.

Наталия резко развернулась на вращающемся стуле.

– Да? Тогда поясните мне, почему я не стану говорить о других игроках, только о себе, так вот, почему я попадаю в битвы, в которых, в общем-то, ничего глобально исправить нельзя? Только так, по мелочи. Ну, продержалась в танке три дня вместо двух. Ну, знала, куда стрелять – так людей меньше полегло. И – все. Объясните мне, почему?!

Анатолий Андреевич медленно подошел к столу, налил себе сока. Поднял стакан, покрутил в руках. С мыслями собирается, понял Виктор.

– Наташа, – мягко начал шеф, покачал головой, словно сам сомневался в своих словах, потом продолжил, с каждым словом все более и более жестко. – Скажите мне, разве кто-то пытался повлиять на выбор вами конкретной операции? По-моему, единственное, о чем я вас просил – так это постараться... побывать в женской шкуре, и то, насколько я понимаю, просьбу вы мою проигнорировали. Вы сами выбирали не только тип танка, но и время и место сражения, в котором хотели принять участие. Так поясните мне, пожалуйста, смысл ваших претензий.

Девушка покраснела, затем побледнела.

– Но вы же не даете игрокам... рекомендаций? Какое сражение выбрать, что делать...

– Наташа, вы сколько раз играли? Шесть, семь? Впрочем не важно. Знаете ли вы, что даже игрокам с высоким коэффициентом пси-ассоциации далеко не с первого раза удается слияние? Что ни один из наблюдаемых нами игроков не сумел влиять на события *всерьез* раньше, чем во время тринадцатого-четырнадцатого слияния? Что пока игрок не наберет необходимого опыта, рекомендовать ему выполнить те или иные действия – это повлиять на события, но, к сожалению, в совершенно противоположную сторону?

Девушка выглядела обескураженной; Виктору немедленно стало жаль ее, но шеф продолжал еще более беспощадным тоном:

– Или вы считаете, что мы должны были взять игроков, чей коэффициент личностно-психологической ассоциации больше девяноста, и внедрить их в, так сказать, в «верхние эшелоны»? Заменить, к примеру, генерала Лизюкова? А может, Рыбалко Павла Семеновича? А может, и самого Жукова? А что, мы теперь тут все умные, заранее знаем, где и что произошло... Только вот знания о событиях, милая моя – они, к сожалению, не могут заменить знаний военных. И уж тем более – таланта. И мне совсем не хочется, чтобы в результате *моих* действий Советский Союз проиграл войну фашистской Германии. И по херу, – шеф, в общем-то, голоса и не повысил, однако казалось, что он почти кричит, – что об этом никто бы не узнал. Ведь я-то знал бы? Мне, знаете ли, милочка, насрать на свою репутацию, но не насрать на свою честь...

Шеф до сих пор не то, что не использовал таких слов при женщинах, он их *вообще не использовал*. По крайней мере Виктору за многие годы совместной работы никогда не приходилось слышать из его уст *такое*. Да, покрикивал на подчиненных – бывало, но чтобы так... Правда, до матерщины Анатолий Андреевич не дошел и в этот раз, но в устах шефа «по херу» и «насрать» звучали круче любых матюков.

Впрочем успокоился Анатолий Андреевич тоже достаточно быстро: запив соком свою гневную речь, да и цвет лица довольно быстро поменялся с багрового на обычный. Зато багровой стала Наталия.

– Я...

– Простите, милая, но, прежде чем приходить к каким-то выводам, а уж тем более – обвинять кого-то, сперва нужно постараться раздобыть достоверную информацию. Вопросы задать, в конце концов. Я что, отказывался отвечать на ваши вопросы? Помнится, у вас их не столько-то много и было. Или они появились после последней игры?

Наталья смущенно кивнула.

– Тем более. Знаете, вы меня порой удивляете: взрослая неглупая девушка, но детство в вас не то что бродит, а еще и ногами громко топает. Может, вы хоть сейчас поясните, что именно вас... заставило вести себя таким образом, а?

Наталья кашлянула. Спазм, видно. Жаль ее. Впрочем, встряска девчонке полезна, а то и прям... детский сад какой-то. Еще натворит чего-нибудь – не тут, так там, в *той* реальности...

– Во время последней игры я принимала участие в операции по освобождению Пскова, – четко, словно на докладе, сообщила Наталья. Она что, издеваться продолжает? Да нет, вроде не похоже...

– В результате боев Псков был взят в ночь на двадцать третье июля. Как и... ну, как и было на самом деле. Повлиять на исход сражения... удалось весьма незначительно.

– Погодите, – велел шеф и, отодвинув стул, уселся к столу.

– А теперь, пожалуйста, поподробнее.

– И вы считаете, что повлияли на исход сражения незначительно? – удивленно переспросил шеф, когда девушка окончила свой рассказ. – Сколько жизней вы спасли, как думаете?

Нефедова упрямо мотнула головой.

– Не так-то и много, как хотелось бы. Понимаете, ведь освобождение Псковского района началось еще в феврале! Началось – и буквально захлебнулось, потому что фашисты отошли за линию укреплений, пресловутую «Пантеру», и...

– И вы посчитали, что можно попытаться повлиять на события таким образом, чтобы еще февральская-мартовская наступательная операция успешно завершилась освобождением Пскова?

Наталья кивнула.

Анатолий Андреевич поднялся, заложив руки за спину, обошел вокруг стола.

– А что, могло бы получиться... Вполне... Только вот... Только вот известно, что *приказа* никаким танковым частям не поступало. Вы готовы нарушить приказ? А знаете, что бывает за нарушение приказа в военное время? В лучшем случае – трибунал, в худшем – расстрел на месте... Хотя, вполне вероятно, как раз лучшим случаем может оказаться расстрел...

– Победителей не судят, – буркнула девушка.

– Да ну? – Шеф высоко вздернул брови. – Да вы, милочка, просто плохо историю знаете. «Не судят победителей»... Может быть, где-нибудь в другом месте, но явно не в нашем государстве. Вы историю Первой Отечественной изучали? Имя Дениса Давыдова вам говорит что-то? Напомнить, как с ним поступили, когда он «самовольно» отбил у французов город, лишив тем самым лавров победителя одного из царских любимцев? Или сами в Интернете прочтете?

Он снова возбужденно прошелся вокруг стола.

– Замечу еще раз: лично мне, идея кажется замечательной. Но в военачальника соответствующего ранга, уполномоченного отдать приказ усилить стрелковые дивизии танками и авиацией, вы явно не «подселитесь». Так что выступить в помощь наступающим армиям, так скажем, законным порядком, у вас не получится. А вот что касается самовольного нарушения приказа... Как с вами поступят, зависит, к сожалению, не только от исхода операции. Кстати, не стоит забывать и о том, что исход тоже может оказаться... неутешительным.

– Ну, если неутешительным, то не страшно, – буркнула Наталья. – Погибну в

очередной раз, и все.

– И все? – Анатолий Андреевич резко остановился прямо напротив девушки. – Вы забываете о том, что *вы* поведете в бой солдат, которым *исторически* не полагалось находиться в то время в том месте. Готовы вы взять на себя ответственность за их гибель? Готовы ли вы сами *осознать*, что в результате ваших действий люди, которые должны были дожить до победы, встретиться со своими родными, нарожать детей, что все они, *вашей*, подчеркиваю, милостью, сложат головы в месте, где их попросту не должно было быть?

– Но ведь их жертва не будет напрасной, – беспомощно ответила девушка. Виктор испытывал смешанные чувства. С одной стороны, он был на стороне шефа. Тот говорил справедливые вещи. *Такое* каждый должен решать для себя сам. Лично он, Виктор, готов был бы взять на себя такую ответственность. А вот Наталья – кто знает? Но, в любом случае, прежде чем что-то делать – она должна понимать, к чему это может привести.

– А вы? – сузив глаза, спросила Наташа. – *Вы сами*? Вы готовы были бы взять на себя такую ответственность?

– Я? – шеф сухо хмыкнул. – Я, Наташа, могу сказать вам все, что угодно. Да и не только вам, но и себе самому. Проблема в том, что мой личный коэффициент – меньше тридцати, поэтому... – Он развел руками.

Девушка мотнула головой.

– Коэффициент – это не важно. Ответьте мне на вопрос: окажись вы, лично вы, на моем месте – рискнули бы? Зная все то, о чем говорили мне только что?

Шеф, слегка наклонившись, посмотрел ей в глаза. Наталья не отвела взгляд. Казалось, это какое-то дивное противоборство, и Виктор рядом с этими двумя, сцепившимися взглядами, чувствовал себя не просто лишним – каким-то мелким, ненужным, никчемным...

– Я – да. Я вам уже говорил, если помните, когда вы заподозрили меня в причастности к организации убийства вашего приятеля: если для дела было нужно его убить, я бы убил. Точно так же и в этом случае, я бы пожертвовал людьми, если бы понимал, что в ней есть какой-то смысл, что, погубив сотню жизней, спасу тысячи...

Он выровнялся, устало махнул рукой.

– Впрочем, все это – демагогия.

Виктор сидел, затаив дыхание.

– Анатолий Андреевич, а...

– Да спрашивайте, спрашивайте! – В голосе шефа слышалась досада.

– Почему вы в тот раз, при первом нашем длинном разговоре, обращались ко мне на «ты», а сейчас обращаетесь на «вы»?

Ха, ну и пойми эту пресловутую женскую логику! Сам Виктор мог ожидать от Натальи какого угодно вопроса, но только, конечно, не этого.

Но шеф не удивился. Похоже, он-то как раз чего-то в таком роде и ждал.

– Потому что я не имею обыкновения обращаться на «ты» к людям, которые мне не доверяют, – сухо обронил он.

– Я вам доверяю, – медленно, слегка растягивая слова, проговорила девушка. С такой интонацией, как будто сама не верила своим словам.

– Да ну? – делано изумился шеф. – Знаете, Наташа, когда вам будет столько лет, сколько мне, и когда вам... придется общаться с таким количеством *разных* людей, вот тогда, поверьте пока на слово, вы научитесь определять, кто вам доверяет, а кто – не очень.

– Я вам доверяю, – выделяя слова, более напористо произнесла девушка. – Что я...

Анатолий Андреевич махнул рукой.

– Нат, я вас только прошу, давайте без этого детского сада. «Что мне сделать, чтобы вы мне поверили»... Давайте-ка лучше работать, а в процессе работы уже и разберемся, кто кому доверяет, а кто кому – не очень.

Девушка немного помолчала.

– Анатолий Андреевич, я тут вспомнила одну вещь... Понимаю, что несвоевременно, и, может, это никакого значения уже не имеет, но это касается... погибшего Сильвестра.

– Говори, – коротко велел шеф. – Нужные люди разберутся, имеет это значение или нет.

– Это по поводу аквариума. Там рядом с телом валялись осколки. Аквариум сам был акриловый, а не стеклянный, Сильвестр еще этим хвастался, говорил – акриловый лучше. Мне, правда, это ни о чем не говорит, и я не знаю, как бьется акрил, только... Только когда я вошла, никакой воды на полу не было и в помине, а он говорил – в аквариуме было больше девятистот литров, кажется, девятьсот шестьдесят... Аквариум был разбит, любимая рыбка Сильвестра лежала около него, а воды не было. Тогда я об этом не задумывалась, а сейчас мне это кажется... странным...

– Еще каким странным, – под нос себе проговорил шеф и вдруг, не говоря ни слова, вышел из комнаты.

Глава 13

Россия, недалекое будущее. Наталья

Четвертый день моего «заклечения». Новостей – никаких, как поется в старой детской песенке, «то есть абсолютно». То есть все мировые новости к моим услугам – Виктор, по-моему, по новостным сайтам не лазит. Да и не по новостным тоже. И вообще, он, по-моему, рад нашему заточению – как уселся за комп в тот день, когда нас сюда привезли, так и не вылезал. Когда я его есть позвала в первый раз, он, не отрывая взгляда от монитора, сообщил, что «уже идет» – и так никуда и не пошел. С тех пор я его и не зову – приготовлю что-нибудь, благо холодильник продуктами забит под завязку, принесу и прямо перед носом поставлю. Он замечает не сразу, как заметит – съест, при этом, кажется, не понимая, чем именно набивает свой желудок, и дальше работает. Словом – полная семейная идиллия.

В игру пока не лезла – и, как ни странно, далось мне это «воздержание» довольно легко. Еще бы, ведь теперь у меня есть цель! Я изучу этот вопрос как следует, и я буду не я, если...

– Наташ, а ты сама-то поела?

Батюшки-светы, да не может этого быть! Наш супер-гипер-пупер программист наконец-то оторвался от компа.

– Поела, поела.

– Знаешь, я вот о чем подумал...

Угу, и фраза-то звучит так, как будто он все эти дни не «топтал клавишу», как любит говорить Димон, а размышлял над какими-то глобальными вопросами. Хотя – кто разберет этих программистов...

– Ты вот на шефа наехала, дескать, почему тебе никаких рекомендаций не дали. А почему ты со мной не поговорила? Почему собственные мозги не включила? Вот Расейняйское сражение. Ты жутко гордилась тем, что просидела в танке на день дольше, чем это произошло на самом деле. А почему ты не попыталась сделать ничего больше?

Я слегка опешила. Больше? Что именно?

– Ты ведь знала заранее, что горючка кончится. Зачем было доводить до этого? Для чего было тупо торчать на дороге, почему твой танк не мог маневрировать? Ну, да, потому что горючка кончилась. А если бы нет? А отрыть окопы для стрельбы из пулеметов? Их у тебя на КВ сколько было? Три, если я не ошибаюсь?

Я потрясенно молчала. А действительно – ведь просто не пришло в голову...

– А щели противовоздушные? – Виктор все больше входил в раж. – Если бы вы во время налетов в щели прятались – хрен бы вас достали вообще. Молчишь? Молчание – оно, конечно, золото. Только вот ты Анатолия Андреевича своим... гм, серебром с головы до ног облила.

А и в самом деле. Почему бы не взять и не вернуться в то, Расейняйское сражение?

Псков, конечно, Псковом, но, прежде чем пытаться сделать что-то глобальное, может, следовало бы чему-то научиться?

– Ты даже не понимаешь, Наталья, как тебе повезло, – с непонятной тоской сказал вдруг Виктор. – Я-то почти ни на что повлиять не могу... У меня бои вообще короткие, да и то, можно сказать, когда повезет.

Он, кажется, хотел сказать еще что-то, но только махнул рукой.

Мне – повезло... А я, дуреха, своим везением и воспользоваться-то как следует не постаралась. Ха, меня всегда выводили из себя те, кто искал виноватых вместо того, чтобы разобраться в своих поступках. А сама-то чем лучше?

Советский Союз. 24–27 июля 1941 года. Расейняй. Наталья

– ...Шяуляй

Я перебиваю:

– Послушайте, Янис. Тут где-то недалеко должен быть склад горючки. Не знаете, где именно?

Янис удивлен. Не то моими неожиданными познаниями, не то тем, что я обращаюсь к нему на «вы», но память реципиента сейчас подводит меня так же, как и в первый «расейняйский» раз – тогда я забыла о том, в каком танке собираюсь воевать, сейчас не помнила, как обращалась прежде к своим подчиненным. Да и не важно: с учетом того, что нам предстоит – мы все равно перейдем на «ты», потому что станем друг для друга больше, чем друзьями или родственниками.

– Янис, это нужно узнать *срочно*.

Он кивает, хотя в глазах недоумение. Прости, Янис, твой командир не сможет раскрыть тебе тайну.

– Командир, но ведь горючее пока есть...

В том-то и дело, что – пока. А когда «пока» закончится, и дизель, обиженно взрыкнув напоследок, встанет, оно нам о-го-го как понадобится!

– Но мы же можем отстать?

Мы-то и отстанем, зато сохраним возможность маневрировать. Спасибо Виктору, надоумил дуру. Нет бы самой подумать хоть чуть-чуть...

– Что-то случилось?

Случилось-случилось. Самоедством занимается ваш командир, в очередной раз позабыв, что для этого сейчас не самое подходящее время, и не пинать себя надо за прежние ошибки, а исправлять их. Ведь такая возможность дается не каждому, а мне повезло.

– Нет, все в порядке.

Мы и в самом деле слегка отстали, и, что самое интересное, нас никто не разыскивает, в наушниках – а наш КВ радиофицирован – как ни странно, тишина. Неужели все настолько растеряны, что не заметили потери целого тяжелого танка с экипажем?!

Время тянется и тянется, я в очередной раз гляжу на свои «командирские». Не прошло еще и получаса, а мне кажется, что мы уже полдня ждем Яниса.

Наконец стрелок появился.

– Узнал. Здесь не очень далеко.

Я киваю. Хорошо, что недалеко. Может быть, успеем...

С другой стороны, в прошлый раз мы встали на дороге именно потому, что горючего у нас не было. Сейчас – будет. И как, спрашивается, мне объяснять своему экипажу, почему сейчас мы не должны догонять наших, а задержимся на пути наступающих немцев? Буду блять что-нибудь неудобоваримое – не поверят, чего доброго. Или того хуже: решат, что командир – предатель, собирающийся отдать в руки немцев боеспособный танк с полным боекомплектom. Глядишь, еще и шлепнут под горячую руку. Впрочем, нет, сейчас самое начало войны, сразу расстрелять не расстреляют, но если не поверят, начальству-то уж точно сдадут. А те уже шлепнут. Как говорится, что в лоб, что по лбу...

Ничего умного мне в голову так и не приходит. Что же, довольствоваться тем, что, быть может, я хотя бы спасу пять человеческих жизней? Угу, а группировку Рауса никто не задержит, и кто знает, во сколько жизней обернется это «спасение пятерых»?

– ...командир!

Что это?! Полуторка? Целая, только стоит как-то странно...

– Петраков, Порейчук, за мной. Поглядим, что за машина.

Ребята сразу забираются в кузов, я иду осматривать кабину. В ней пусто. Почему водитель покинул машину? Наверное, начали бомбить, он и выбрался...

– Товарищ лейтенант, идите скорее сюда! – весело кричит Петраков. – Смотрите, что нашли!

Весело ему... Да, уже идет война, но пока мы еще не поняли, что нас ожидает; не воспринимаем всех тягот, что вскоре выпадут на долю нашего народа, даже и представить себе не можем. Мы? Не «они»? Нет, я даже мысленно не дистанцируюсь от этих людей. Именно – мы.

Я торопливо выпрыгиваю из кабины.

– Товарищ лейтенант! Тут три бочки с солярой! Так что никакого склада нам не нужно, своих и так догоним, – весело кричит из кузова Петраков. – И еще! – Он поднимает вверх небольшую металлическую канистру, встряхивает. В канистре весело и гулко булькает.

– Спирт! – торжественно сообщает Петраков, восхищенно закатывая глаза. – Медицинский.

– Без приказа не пить! – быстро говорю я и сама морщусь: фраза получилась какая-то нелепая.

– Ну, конечно, товарищ командир, – весело подтверждает Петраков. – Вот своих догоним, тогда уж...

Ага, догоним своих... Все, больше тянуть нельзя. Сейчас мне придется объяснить бойцам, почему мы должны остаться здесь и принять бой в одиночку.

– Сейчас вот бак заправим, – весело говорит Колька.

Я киваю сама себе.

– Заправим. А потом я сообщу вам кое-что очень важное...

– Товарищи... Мужики... Ребята...

Бойцы мои сидят на земле возле танка, я стою напротив. Блин, как же начать? Что сказать, чтобы меня не приняли за умалишенную? И главное, ни в коем случае нельзя говорить, что я женщина, к тому же не имеющая никакого реального боевого опыта. Потому что перестанут доверять и выполнять команды.

Я с силой сжимаю кулаки и моментально ловлю себя на том, что жест совсем женский. Нет, так не пойдет.

– Бойцы, то, что я сейчас скажу, может показаться вам полным бредом, однако это правда. Дело в том, что я не... не лейтенант Силантьев Алексей Егорович, которого вы все так хорошо знаете. Я... майор... Виктор Ордынцев, – имя и фамилия рождаются сами собой, а звание? Ну, «майор» звучит как-то увесистее, чем «капитан», а подполковники и выше не участвуют в операциях, а разрабатывают их. Теперь осталось сказать самое главное.

– И я – из будущего. Из начала двадцать первого века, если точно.

Молчат. Смотрят во все глаза – и молчат, не шевелятся и даже не переглядываются.

– Честное слово! – в отчаянье говорю я и понимаю, что это вообще звучит по-детски. Теперь главное не молчать, иначе я совсем растеряюсь.

– Ну, не могу рассказать вам всего, сами должны понимать, что такое государственная тайна...

Мехвод кивает, следом осторожно склоняет голову Янис.

А я продолжаю, чуть вдохновившись:

– В две тысячи десятом году специальной научно-исследовательской лабораторией при службе Государственной безопасности – это примерно как сейчас Народный Комиссариат

Внутренних Дел – была начата разработка...

Господи, где же вы, умные слова?! Надо было Анатолия Андреевича лучше слушать.

– ...начата программа воздействия на настоящее путем влияния на события прошлого. Когда разработка, э-э, технической стороны была завершена, специально обученные кадровые военные были отправлены в прошлое, в некоторые, так сказать, переломные моменты, изменение которых может повлечь за собой изменение хода войны в целом.

– Может? Или повлечет? – деловито уточнил Колька. Хваткий парень, быстрее всех сообразил.

– Может. Стопроцентной гарантии, товарищи, никто не даст, пока... пока не будут получены результаты. Но результаты, друзья, они зависят именно от нас с вами. Понимаете?

– Товарищ лейтенант... майор... – неуверенно начал заряжающий. – А какой в этом смысл? Ну, менять ход войны? Еще пару недель, и мы вышвырнем немцев из страны, а через месяц – и самого Гитлера в Берлине повесим? Что ж тут менять-то?

Несколько месяцев, как же... Но они – жертвы пропагандистской машины. Может, не будь этого тотального внушения о «разгроме врага малой кровью и на его же территории», и не было бы допущено многих глупых ошибок, приведших к тому, что Советский Союз вышел из этой войны, пожалуй, с максимальными потерями? Угу, горазды мы все рассуждать – «если бы, да кабы...». Задним умом все крепки. А случись такая война сейчас? Сумели б выстоять, пускай даже и такой ценой? Ох, не уверена... Впрочем, я опять философствую, а сейчас не до этого.

– Считаю себя вправе раскрыть вам одну государственную тайну чрезвычайной важности. Война, мужики, продлилась аж до начала мая сорок пятого года.

Звучит как-то не очень утешительно, и я быстро добавляю:

– А летом мы еще и Японию разгромили.

Ропот. Мне не верят. А поверила бы я сама на их месте?

– Вот поэтому я и здесь...

– Поклянись своей коммунистической совестью! – требует заряжающий.

– И детьми, – добавляет более практичный Янис. Видимо, у него по поводу моей «коммунистической совести» есть некоторые сомнения.

– Детей у меня нет, – совершенно искренне отвечаю я. – Готов поклясться... самым святым, что у меня есть.

Вообще-то, я имею в виду жизнь и здоровье родителей, но помощник заряжающего мрачно кивает, истолковав сказанное по-своему:

– Правильно, командир. Клянись Родиной. Я вона вообще верующий, а за Родину постою не хуже любого большевика.

– Клянусь Родиной, – как странно звучит, мне еще ни разу в жизни не доводилось клясться, – жизнью и здоровьем своих родителей, собственной жизнью... Да, вообще, чем хотите, тем и поклянусь! Хоть самым товарищем Сталиным! Немцы почти до Москвы дошли, Украину захватили, под Сталинградом бои были, а вернее, в самом Сталинграде. Ростов взяли, Смоленск, до Кавказа дошли...

Названия городов напрочь пропали из моей памяти. Проще сказать, куда фрицы дошли. А может, и не надо?

– Бойцы! Да дело не в том, куда дошли. А в том, куда *мы* их пустим. Именно нам дан уникальный шанс изменить историю.

Времени оставалось все меньше, надо говорить быстрее – только как же подобрать слова? *В произошедшей реальности?* Так это для меня она произошла, а для них – еще нет...

– Короче так, мужики, мне сложно подобрать слова, поэтому... Поэтому я просто расскажу вам то, что для меня является исторической справкой. Двадцать четвертого июля сорок первого года танк КВ – НАШ ТАНК, отставший от своих в связи с тем, что у него закончился соляр, перекрыл дорогу наступающей танковой группе под руководством полковника Рауса и в одиночку продержался против немцев два дня. В связи с этим группа

не смогла выполнить свою боевую задачу и прийти на помощь второй танковой группе под командованием фон Зекендорфа, а сама стала просить у нее помощи. Благодаря этому потери нашей второй танковой дивизии были значительно меньше. Танкисты – ну, то есть мы с вами, – до конца выполнили свой долг... – какой ужасный казенный слог, но иначе отчего-то и вовсе не говорится...

Надо об этом рассказывать или нет? Наверное, лучше все же сказать:

– Экипаж погиб. Весь...

– Мы тоже готовы погибнуть!

– Если так, станем намертво, а пройти фашистам не дадим...

– Вжарим по немчуре!

Поверили.

Слава богу, поверили...

Я поднимаю руку, привлекая к себе внимание.

– Ребята... мужики... Вот еще что. Мы будем сражаться плечом к плечу и, вероятно, тоже погибнем. Но я хочу, чтобы вы знали и еще кое-что. Сейчас – уже вторая моя встреча с вами. Честно, не знаю, как объяснить, чтобы вы поняли. Только я... мы... уже пережили одно расейняйское сражение. Тогда мы продержались на сутки дольше, чем было на самом деле. Ну, то есть, в моей настоящей истории. Хотя, хрен теперь разберет, что – на самом деле, а что – нет... Короче говоря, тогда у нас не было горючего, и мы не могли маневрировать, но все равно сумели продержаться дольше. Уничтожили нас только лишь авиацией. Но сейчас, когда мы уже все знаем наперед, мы можем продержаться и еще дольше! И главное, у нас есть шанс выбраться отсюда живыми. Я знаю, каждый из вас готов сложить голову за Родину, но, честное слово, для Родины будет куда лучше, если свои головы сложат враги!

Колька решительно поднялся, хлопнув себя ладонями по коленям.

– Ну, командир, давай тогда командуй. Сделаем все в лучшем виде. Чего конкретно-то нужно?..

Конец этого и почти весь следующий день мы, что называется, ни секунды не просидели без дела. Сначала, сверяясь с картой, долго выбирали подходящие позиции, максимально используя для этого складки местности и растительность. Ага, именно так: позиции. Во множественном числе. Поскольку теперь, имея горючее, мы вовсе не собирались стоять на одном месте, словно сорокапятитонный ДОТ, подставляясь под немецкие снаряды и авиабомбы. Нет, теперь мы станем маневрировать, менять позиции, что, несомненно, доставит наступающим немцам массу незабываемых минут. А вот подобраться к нам окажется сложновато. Знаете ли, окружные дороги пролегают среди болот. По крайней мере так говорили документы, которые я читала там, в свое время...

Затем занялись подготовкой позиций, суть – отрыванием вручную достаточно глубоких капониров. Конечно, полностью скрыть высоченный танк они не могли, да этого и не требовалось. Главное, прикроют корпус и уязвимую ходовую. А башня? Башня выдержит, должна выдержать! По крайней мере пока не выкатят на прямую наводку свои проклятые зенитные «ахт-ахт»... С другой стороны, если и выкатят, мы ведь тоже на месте стоять не собирались! Три-пять выстрелов – и менять позицию. И снова...

Припомнив о своих прошлых просчетах, приказываю подчиненным отрыть окопы по флангам. Если установить в них снятые с КВ пулеметы, то нам никакая пехота не страшна! Троих вполне хватит для ведения огня, а остальные трое пускай отсекают немцев, благо патронов полно, да и гранаты в наличии имеются. И – тут же отменяю приказ, объявляя два часа отдыха. Люди буквально валятся с ног, гимнастерки почернели от пота – еще бы, с раннего утра работаем, как проклятые, все руки лопатами стерли. К слову, хорошо еще, что лопаты нашлись, две среди шанцевого инструмента нашего «Ворошилова» и еще одна в брошенной полуторке. Да и я тоже, если честно, только сейчас поняла, *насколько* устала...

Да и поесть не мешает, запасов, правда, маловато, только сухпай, но выбирать-то не из чего.

Ближе к ночи закончили рыть окопы. Не полного профиля, конечно, скорее, «удлиненные по фронту» индивидуальные ячейки, стоять в которых в полный рост невозможно, но на большее просто не хватило сил. Вспомнив о «Юнкерсах», решила, было, приказать вырыть еще с пару щелей для укрытия от авианалетов, но поняла, что на подобный подвиг никто из нас сегодня уже не способен. Да и как их в темноте копать? Не фары же включать, радуя немецких наблюдателей? Короче, спать...

– Командир, тут это? – Петраков звучно щелкает себя по шее. – С устатку, а? Заслужили ж мужики...

С трудом, но улавливаю смысл. Вот же, блин, чуть снова не протупила! А ведь жест-то, можно сказать, исторический...

– По сто граммов, не больше, – и добавляю, чуть подумав (иди знай, как отреагирует организм реципиента на сто грамм спирта – это ж почти стакан водки):

– Я первым в охранение, так что пить пока не буду. Сменит меня Янис. Затем остальные, и так до утра. Кто перепьет и не сможет проснуться, пеняйте на себя, наказывать буду по закону военного времени. Всем все ясно? Тогда отбой.

Утром мы таки вырыли две щели поодаль от танка, в каждую из которых, теоретически, могло поместиться по три человека. Проверять, правда, не стали, поскольку вернулся высланный на разведку механик:

– Все, командир, похоже, закончилось наше сидение. Немцы идут. Пока еще далеко, едва в бинокль разглядел, но идут. Что делать будем?

«Что делать?» Хороший вопрос, даже замечательный. Ленинский. Позиции занимать, что ж еще?

– В машину. Заводимся и идем на первую отметку. Все все помнят?

– Обижаете, товарищ майор.

– Сначала работаем всем экипажем, пехоту они сразу никак не подтянут. А уж потом, когда поближе подтянутся, прикрытие занимает ячейки и ждет. Себя никак не демаскировать, в бой без команды не вступать, стрелять только наверняка. Впрочем, думаю, до пехотной атаки у нас по-любому куча времени; зуб даю, поначалу они нас вовсе за тяжелую артбатарею примут...

Экипаж смеется, занимая места. Подошвы кирзачей гулко гремят по броне. Броне, которой предстоит защитить нас – или, возможно, изменить всю историю Великой войны. Мехвод запускает двигатель, и корма окутывается черным солярочным дымом. Медленно, чтобы не поднимать видимую издали пыль, едем к первому капониру. Траки крошат подсохшую глину, покрываясь рыжим невесомым налетом. Не очень хорошо – когда начнем стрелять, вся эта пыль немедленно поднимется в воздух, запорашивая окуляры прицела и мешая наводчику. О, память реципиента, наконец, соизволила проснуться. Вот и хорошо.

Наспех маскируем танк срезанными еще вчера ветками, уже успевшими подсохнуть. Запас подобной маскировки имеется на каждой из позиций – не моя идея, заряжающего. Да и кусты неплохо прикрывают – стрелять не помешают, а от наблюдателя вполне грамотно скроют. Ну, вот, собственно, и все. Момент истины, так сказать. Украдкой разглядываю лица боевых товарищей, строгие, собранные...

Да, они и на самом деле пошли б до конца. И не важно, со мной или нет. И солярка тут ни при чем, и все эти отрытые нами капониры-ячейки-щели. Их судьба – Родину защищать. И защитить. Пусть даже и ценою собственной жизни. А моя судьба? Наверное, подороже разменять их... нет, НАШИ жизни. А вдруг да и выйдет, вдруг да и упадет на спину хрестоматийному верблюду лишняя соломинка, выпущенная нашей пушкой? И тогда...

– Глянь, командир. Идут, сволочи.

Я уже привычно прикиваю к обрезиненному налобнику прицела. Ага, идут. Впереди разведка на мотоциклах, следом колонна грязно-серых грузовиков, дальше... понятие «дальше» напрочь теряется в густом шлейфе поднятой колесами пыли. Июль, а что вы хотели, господа фашисты? Это вам не автобан, это, знаете ли, совсем даже наоборот – обычный русский проселок! Ну, пусть не совсем русский, пусть «советский», но все одно

проселок. Что ж, так даже и лучше. Разнесем головные и замыкающие машины и запалим кого-нибудь внутри этого пыльного облака. Хаос наверняка начнется, будь здоров. Кстати, а вот интересно, а где же танки? Странно... или так оно и было в нашей истории? Не помню, ох, не помню – в упор, что называется...

– Заряжай. – Пожалуй, впервые за все мои «игры» я была абсолютно спокойна. – Осколочный. Сам наведу.

Аккуратно подводя прицельную марку под отблескивавшее запыленное лобовое стекло первого тупорылого грузовика, плавно давлю спуск. Выстрел! Танк... нет, не подпрыгивает, конечно, но очень даже ощутимо дергается. Панораму заволакивает поднятой выстрелом пылью и дымом, но я успеваю заметить, как на месте головного грузовике вспухает огненное облако. Похоже, от машины почти ничего и не остается, лишь искореженная рама да жарко пылающий бензин из разорванных баков – все-таки шесть дюймов, знаете ли, прямое попадание. Впрочем, на победную эйфорию времени нет, и я стремительно переношу прицел туда, где, как мне кажется, пылит замыкающий колонну грузовик. Промахнуться не боюсь: на таком расстоянии и при такой дистанции между машинами наш увесистый «чемодан», по-любому, куда-то, да попадет. Танк снова вздрагивает, и парой мгновений спустя на дороге встает могучий огненно-дымный фонтан разрыва. И тут же в небо рвется видимый даже при дневном свете факел горящего топлива. Попали. Все, теперь можно чуть расслабиться и спокойно выбирать цели – никуда они с дороги не денутся, твари. Кстати, выстрела через три-четыре можно поменять позицию.

Особой надобности в этом, в общем-то, нет, артиллерии в пределах видимости не наблюдается, но... пусть будет. Ведь в этом случае опытные наблюдатели – а такие среди мечущихся в огне и дыму гитлеровцев определенно найдутся – зафиксируют, что огонь ведется с нескольких позиций. И, значит, решат, что нарвались не на одиночный танк или орудие, а как минимум на батарею тяжелых гаубиц в два-три ствола! А это существенно изменит дело, знаете ли! Страх – великий сдерживающий фактор, что и подтверждено всей историей человечества...

Еще три выстрела делаем, особенно не целясь. В смысле, не выбирая конкретных целей, а просто укладывая тяжеленные осколочно-фугасные подарки в самую гущу успевших остановиться автомашин. На дороге царит сущий хаос – пылают разнесенные прямыми попаданиями грузовики, мечутся в дыму фигурки разбегающихся солдат, дымятся перевернутые близкими взрывами машины, с изорванными взрывной волной и осколками кузовами и смятыми кабинами. Неплохо для первого раза, пожалуй...

– Так, мужики, план помните? Вы, трое – к пулеметам, дальше мы сами управимся. Давайте, бегом, пока фрицы – наплевать, что сейчас их так еще не называют! – не оклемались. Прижмите их, а там уж и мы снова шаррахнем...

Танкисты, захватив пулеметы и запасные диски, бегут к загодя подготовленным огневым точкам. А наш могучий КВ величественно выползает задом из капонира и спустя пять минут занимает позицию номер два. Пару минут на изучение тактической обстановки – ну, и что там с той обстановкой могло измениться-то?! – и затем вновь вступаем в бой. Трескотни трех ДТ мы, разумеется, не слышим за грохотом собственных выстрелов, но видим: серо-зеленые фигурки то и дело словно спотыкаются на месте и падают, больше уже не поднимаясь. Молодцы ребята! Ведь у «Дегтярева танкового» даже сошек нет, стрелять приходится, так сказать, с земли – да и откуда у них опыт в стрельбе из пулемета, – а ведь попадают же, и неплохо попадают! Молодцы.

Снова пять выстрелов – и... И цели заканчиваются. Нет, честное слово, заканчиваются. Громить больше, практически, нечего и некого. Дорога в буквальном смысле усеяна обломками автомобилей, перевернутыми пушками и какими-то прицепами, о назначении которых я понятия не имею, и скрюченными телами гитлеровцев. Все... пока все.

Танк снова меняет позицию, и мы снова торопливо маскируем его ветками. Возвращаются и наши пулеметчики – пропыленные, чумазые, но довольные. Укрывшись в тени танка – с ума сойти, прошло всего-то сорок минут, хотя кажется, будто несколько часов

– торопливо обмениваемся впечатлениями, передавая друг другу фляжку с водой. Пить отчего-то хочется просто безумно. Все сводится примерно к одному: «немцы – хреновые вояки, и мы их враз расхерачим».

Дождавшись, пока подчиненные выговорятся, авторитетно им сообщая, что они не правы. Что гитлеровцы – вояки очень даже ничего, и, если мы на самом деле хотим их всерьез «расхерачить», то попотеть нам ой как придется... И в назидание рассказываю пару эпизодов периода лета – осени сорок первого, намертво запавших в память из Интернета. Мужики слушают молча, яростно смоля самокрутки. Не все, конечно, а лишь курящие. Янис вот, например, не дымит, а я? С ужасом «вспоминаю», что мой реципиент курил с четырнадцати лет. Так, ну и что же мне делать? С одной стороны, организм требует дозу никотина, с другой, я совершенно не представляю себя с папирсой в руке... или в зубах...

Выручают меня, как ни странно, немцы. Со стороны дороги что-то нежно курлыкнуло над головой, и метрах в ста рванулся из земли уродливый куст взрыва. Ага, подтянули, стало быть, пушечки. Или развернули то, что уцелело после нашего эффектного дебюта.

– Все, мужики, отдохнули – и за дело. Пулеметчикам – занять позиции, остальные в машину. К бою!..

...А вот и танки, дождались, называется! Первым пер высокий и угловатый чешский Pz-38(t) с утыканной заклепками башней, возглавлявший колонну. Перед изуродованной воронками и усыпанной обломками дорогой колонна притормозила, но полностью останавливаться не стала. Бронемашины осторожно продвигались вперед, сбрасывая с дороги остовы успевших догореть грузовиков либо объезжая их по обочинам. Я торопливо считала – три... пять... восемь танков, плюс с полдюжины полугусеничных бронетранспортеров с пехотой. Которая, впрочем, старалась не высовываться из-за бортов. Шесть танков определенно легкие – чешские «Праги» и немецкие «двойки», еще два – средние «четвёрки» с «окурками» семидесятипятимиллиметровых пушек. На башне одного – непривычный номер, «R04». Обратившись к памяти реципиента, понимающе хмыкнула: ого, командирский танк! Ну, вот его первым и превратим в вертолет, припомнив бородатый анекдот, решила я.

– Заряжай. Огонь!

Сорокакилограммовый снаряд попал точнехонько в башню, попросту снес ее. Подобного наверняка не видела не только я, но и мой реципиент: взрыв отбросил многотонную граненую железяку метров на пятьдесят, заодно развалив корпус по линии сварных швов. То, что осталось от командирского танка, мгновенно превратилось в многометровый огненный факел. А сбоку от меня уже снова сочно клацнул, запираясь, затвор: готово, командир! Так, теперь пора осадить и прущий в авангарде чешский «панцер». Наведя марку на корпус, прикинула упреждение и, чуть подправив прицел, даванула спуск. Выстрел. Взрыв. Немецкие рембатовцы, определенно, останутся без работы, поскольку чинить им будет просто нечего. Разве что снять с остатков ходовой уцелевшие запчасти...

Так, отлично, займемся бэтэрами с десантом, пока они не решили героически отступить. Третий снаряд разорвался между двумя замершими «Ганомагами», опрокинув один и запалив второй. Уцелевшие пехотинцы из подбитых машин дружно посыпались на дорогу, подавая пример товарищам из остальных транспортеров. И в этот миг, верно подгадав момент, длинными очередями ударили наши пулеметы. На дороге и по обеим обочинам воцарился сущий хаос, позволивший нам не спеша перезарядиться и выстрелить еще раз, на этот раз подбив замыкающую колонну «четверку». Снаряд, правда, лег в паре метров от танка – смазала я, что уж греха таить – но тому хватило: куда ты денешься с развороченной ходовой и размотавшейся в пыли гусеницей? Добивать, конечно, не стала – снарядов маловато, вместо этого скомандовав смену позиции.

Дымя выхлопом, КВ пополз в сторону третьего капонира. Вовремя, поскольку вокруг покинутой позиции встало сразу несколько дымных кустов – дожидавшиеся нас немецкие артиллеристы все-таки нащупали позицию. Ладно, будем считать «единичку» потерянной...

Грохот наших пулеметов тоже стих – как и было оговорено заранее, ребята так же меняли позиции. «Поскорее, мужики, – мысленно воззвала я. – Мы-то хоть под броней сидим...» С третьей позиции успели выстрелить всего раз, не шибко успешно, хотя паники это и добавило, после чего немцы, наконец, отступили. Стрелять вслед, равно как и пытаться накрыть навесным огнем укрывшуюся за холмом артбатарей, я не стала. Выстрелов оставалось всего двадцать пять, а сделать нам предстояло еще о-го-го сколько... Ведь то, что мы уже сделали, это, по сути, так, легкая, в десяток снарядов, разминка. А основные силы пока на подходе... увы...

Впрочем до вечера немцы нас больше не беспокоили, лишь изредка выпуская пару снарядов в качестве тревожащего огня. Как бы то ни было, мы спокойно поужинали и, выставив охранение (патрулировать пришлось с пулеметом, поскольку из другого оружия в танке нашлись лишь гранаты, мой ТТ и сигнальный пистолет), по очереди поспали. Ночь прошла спокойно – с наступлением темноты фрицы перестали тратить снаряды, резонно рассудив, что толку от этого никакого. Да и вообще, как я вычитала в какой-то книжке там, в будущем: «немец пока еще правильный, ночью не воюет». А может, и не в книжке, не помню, если честно. В фильме, что ли, или вовсе на каком-то форуме в Интернете?.. В следующий миг я уже спала, даже не успев додумать сию глубокую мысль до конца...

Проснулись затемно: что-то мне подсказывало, что и немцы особо долго спать не станут. Отправив пулеметчиков в окопы, заняли места в танке, заранее зарядив орудие. Что бы я сделала на месте немцев, уверенных, что путь им перекрывает гаубичная батарея или несколько тяжелых танков? Да, наверное, попыталась бы подобраться под утро, как минимум для разведки, как максимум – чтобы захватить или уничтожить вражескую технику. Там, в нашей истории, гитлеровские саперы даже сумели ночью заминировать танк, но лишь незначительно повредили гусеницы. Да и то только после того, как батарея противотанковых пушек ничего не смогла сделать с грозной машиной. А как они поступят здесь? Ведь вчерашний разгром *уже* не такой, какой был *у нас*, и ход истории мог, пусть и крайне незначительно, но измениться...

Когда в нечеткой предутренней полутьме показались первые жмущиеся к земле тени, я поняла, что не ошиблась. Немцев оказалось не так и много, примерно, с отделение, вот только... я-то их видела с высоты командирского сиденья, а наши пулеметчики вполне могли прохлопать. Что ж делать-то? Может, пальнуть из пистолета? Или выстрелить в их сторону сигнальной ракетой? Нет, шуметь нельзя, и я пихаю помощника заряжающего в бок:

– Немцы идут, а наши-то их не видят. Давай ноги в руки, и тихонечко...

– Понял, командир, сделаем. Пистолет дашь?

– Да зачем он тебе? В бой не вступать, это приказ, просто предупреди наших – и мигом обратно. Мы тут вдвоем не справимся, если вдруг начнется. Ясно?

– Есть, – кисло отпарентовал боец, отводя явно разочарованный взгляд от кобуры на моей портупее.

– Давай, не тормози, – отвалив верхний люк, я высунулась из башни. Напоенный запахом отдохнувших за ночь от дневной жары летних трав прохладный ветерок приятно освежал лицо. Не знают тут пока «не тормози», но боец ничего не переспросил – то ли догадался, то ли, наоборот, не расслышал.

Подумав, я все-таки вытащила ТТ и взвела тугой курок. Мало ли... Было тихо, лишь едва слышно шелестели успевшие подсохнуть листья на маскирующих громаду танка ветках. И вдруг тишину раннего июньского утра разорвала оглушительная пулеметная очередь, и следом – вторая, с правого фланга нашей импровизированной линии обороны. То ли заряжающий успел предупредить ребят, то ли сами фрицев заметили. Впрочем, разницы нет. Все, понеслось...

...Мы снова стреляем, переползая с позиции на позицию. Снаряд-заряд-выстрел, снаряд-заряд-выстрел. И так... нет, не до бесконечности, а до последнего снаряда в боеукладке. А снарядов все меньше. Правда, и искореженных, охваченных пламенем остовов

машин и танков на дороге все больше. И тех, кто пытается идти в обход, однако так и остается в болотистой почве, погрузившись в нее по надгусеничные полки или вовсе по самую башню. Этих я не трогаю, берегу снаряды. Сами не выберутся – уже хорошо. Стреляем только по тем, кто все еще пытается прорваться по дороге – и хорошо стреляем, практически ни одного промаха. Кстати, та самая, *из моего прошлого*, батарея имела место быть. Именно так, в прошедшем времени. Два снаряда раскидали подтянутые под покровом темноты пушечки вместе с обслугой, да так, что любо-дорого посмотреть. Да и зенитку мы вовремя заприметили, дав ей время на оборудование позиции. А после превратили в грудку искореженных тротилом обломков, хоть и жалко было тратить снаряд. Ну, жалко не жалко, а пришлось, поскольку с семисот метров она вполне могла нас спалить, если бы попала, конечно...

...Смешно. Кто бы мне сказал еще пару дней назад, что можно настолько пренебрегать собственной гигиеной. Хорошо, что я все же не попала в реципиента-женщину: мне тут только месячных, простите за пикантные подробности, не хватало, блин.

В туалет почти не ходим – жидкость выводится с потом, поскольку в боевом отделении под сорок градусов, если не больше. А, гм-гм, «по-большому»? Наверное, просто нечем, или последний раз вчера... Ну, а насчет умыться? Так об этом и вовсе не думаем. Нет, время-то можно отыскать, передышки в бою бывают, но вот чем? Воду и нехитрый харч нам пару раз приносили местные мальчишки, но мысль тратить ее на умывание кажется не просто кощунственной, а идиотской. Пороховая гарь, кажется, въелась в пропотевшую, покрытую кристалликами соли кожу навечно. Прокоптились мы что надо. На всю, как говорится, оставшуюся жизнь. Скорее б ночь, как же невероятно, нечеловечески хочется спать...

...Не знаю, о чем там думает херр оберст Раус, а я думаю о наших последних пяти снарядах. И еще о том, что крайний – научилась уже не использовать слово «последний» – авианалет не достиг цели только чудом. Мы-то пережидали налет «Юнкерсов» в щелях, а вот танку досталось. Близким взрывом сорвало-таки гусеницу и напрочь смело всю маскировку. И как только идущий следом «лаптежник» не заметил коробку танка на выгоревшей земле – уму непостижимо. Впрочем, если б заметил, воевать нам больше было бы просто нечем и не на чем. Зато с ремонтом провозились почти полтора часа, пока наши ребята отсекали немецких пехотинцев пулеметным огнем. Хм, смешно, мне отчего-то казалось, что три с лишним тысячи патронов к ДТ – безумно много, и нам ни за что их не успеть спалить. А вот сейчас доложили, что осталось по одному полному диску на пулемет. Да и пулеметы устали, начинают плевать пулями уже на третьей очереди...

...Третьи сутки, между прочим! Не в том смысле, что начались третьи сутки, а в том, что мы продержались ТРИ дня! Снова вечер. Эта ночь, по-любому, последняя. В танке осталось два выстрела, к пулеметам – вовсе ни одного патрона. Прикинув, приказываю разделить между экипажем остатки пайков (нас осталось всего четверо, двоих вчера прикопали в нами же отрытом окопчике) и поесть. С наступлением темноты на последних каплях горючего вползаем на пригорок, впервые являя немецким взорам – наверняка ж наблюдают, суки! – наш танк во всей красе. И делаем последний выстрел. Неприцельный, просто «в направлении противника». Еще один снаряд я приказываю использовать для уничтожения танка, благо гранат целая сумка. Что б ни случилось, я «Ворошилова» *им* не отдам. Минирую танк сама, припоминая, что знал об этом мой реципиент, что рассказывал Виктор, и что я успела почерпнуть из Интернета. Взрыв меня, кстати, не впечатлил – сначала глухо ухнуло внутри танка, затем из сорванных ударной волной люков полыхнуло короткое пламя, а вот затем... ничего не произошло. И лишь мгновением спустя здоровенная угловатая башня вдруг покосилась, нелепо задрав вверх ствол пушки.

– Прощай, боевой товарищ... – едва слышно прошептала я, с трудом сдержав слезы. Мои собственные слезы, не реципиента. – И вы, братцы, прощайте. – Я взглянула в сторону, где были похоронены погибшие. – Вечная вам память и слава...

– Прощай... прощайте... – вторили мне бойцы, прекрасно все расслышавшие...

– Все, мужики. Уходим. Нам еще до своих о-го-го сколько топать...

– Слышь, командир, как думаешь, получилось у нас?
– Что получилось? – не поняла я.
– Ну, это, зачем тебя прислали. Историю изменить?
Я помолчала несколько секунд, поочередно разглядывая троих боевых друзей. Закопченных, голодных, смертельно уставших, едва держащихся на ногах.
– Не знаю, мужики. И никто в этом времени не знает. Но очень надеюсь, что да...

Глава 14

Россия, недалекое будущее. Виктор

В этот раз Наталья предусмотрительно натянула памперс, забыв почему-то о том, что его тоже надо менять. Ну, позабыла – и хорошо, и не надо ей об этом напоминать, а то девушки – существа странные; начнет комплексовать по поводу исполнения Виктором обязанностей сиделки – фиг ее потом в игру загонишь.

Однако он все-таки опасался, что девушка задаст вопрос по этому поводу, когда выйдет из игры. Выяснилось – опасался зря: приняв душ и переодевшись во все чистое, Наталья, не успев даже откусить от притащенного им бутерброда, задумчиво спросила:

– Слушай, Вить, а как можно узнать – получилось или не получилось?
– Что – получилось? – не понял Виктор. – Ты ж играла, должна знать – получилось у тебя, или нет.

Девушка упрямо мотнула головой.

– В игре-то у меня все вышло. Я ж опять Расейняй выбрала, ты знаешь? Так вот, я сделала все, как положено. Мы продержались три с лишним дня, сделали все, как рекомендовал ты... и еще кое-что, и даже сумели связаться со своими, так что остановленная группировка оказалась уничтожена нашей авиацией. А экипаж пробился к своим.

– А как ты погибла?

Девушка подняла недоумевающие глаза.

– Никак. Я ж говорю – к своим вернулись.

– А как ты тогда вернулась... в себя?

Она пожала плечами.

– Захотела вернуться – и вернулась. Я так предполагаю, что дальше сражаться уже будет настоящий лейтенант Силантьев. И, надеюсь, ему удастся убедить своих бойцов, что он – это снова он.

На последнюю фразу Виктор внимания не обратил, его удивило другое:

– Ты что, можешь вот так вот просто вернуться?!

Она неопределенно дернула плечом.

– Любой сможет. Просто остальные, наверное, не знают, что так можно.

Любой, угу. Ха-ха. Особенно Виктор, который и «слиться»-то не всегда может, не говоря уже о том, чтобы всерьез повлиять на ситуацию.

– А почему... не осталась? – осторожно поинтересовался Виктор.

Девушка глубоко вздохнула.

– Знаешь, мне не дает покоя Псков. Ведь Анатолий Андреевич не дал никаких... конкретных указаний, а именно там серьезно можно было повлиять на ход войны.

– Но ведь это сорок четвертый год, а не сорок первый, – зачем-то напомнил программист. Как будто Наталья сама об этом не помнит...

Она снова вздохнула.

– Да понимаю я. Только вот, понимаешь, сидит он во мне, как заноза... А ты, кстати, на мой вопрос так и не ответил.

– На какой? – Он и в самом деле не помнил.

– Как можно понять, удалось ли мне... Ну, смогли ли события, измененные в прошлом,

на самом деле как-то повлиять на настоящее?

Теперь пришел черед Виктора вздыхать.

– Знаешь, Наталья... На самом деле я думаю, что, может, эти изменения не будут заметны вот так, сразу...

Она серьезно кивнула.

– А может, вся ваша теория – вообще полная фигня, и *здесь* никаких изменений не будет вообще. Может, писатели-фантасты правы, и в каждый переломный момент отделяется новая ветка реальности. Ну, по крайней мере в них, в этих ветках, все пойдет по-другому.

Россия, недалекое будущее. Наталья

Анатолий Андреевич сказал, что во время мартовских попыток прорвать оборонную линию «Пантера» использовались только стрелковые части, но это оказалось не так. Наступление на нее велось на Черском направлении силами сорок второй и шестьдесят седьмой армий Ленинградского фронта, а в состав обеих армий входили и танковые соединения.

Стало быть, шеф Виктора меня обманул. Зачем?

Поинтересоваться у Виктора? А что он мне может сказать, он же не отвечает за слова своего начальника. Нет, конечно, в Интернете я нашла примерно такую же фразу – сразу в нескольких источниках сообщалось, что неудачей февральско-мартовской попытки прорвать линию обороны являлось именно то, что попытка была осуществлена «одними стрелковыми дивизиями, без специальных частей усиления». Но я ни капли не верила, что Анатолий Андреевич не знал об участии в операции танкистов.

Тогда зачем он мне это сказал? Может, пытался на что-то намекнуть? Заставить о чем-то задуматься? О чем?

Два дня эта мысль не давала мне покоя, а потом я попросту выкинула ее из головы. В конце концов, когда «шеф» – с легкой руки Витька я тоже стала называть Анатолия Андреевича так, – появится, я задам ему этот вопрос. А пока надо заняться чем-то более существенным.

И вообще, вполне возможно – я его просто не так поняла. Да и вообще, никакого отношения к делу это не имеет.

Я обложила картами – почему-то воспринимать их было проще в бумажном варианте, чем на экране монитора. Никакой подробной информации в Интернете не нашлось, приходилось довольствоваться крохами и складывать мозаику из мелких, разрозненных кусочков.

Сорок второй армией командовал Иван Иванович Масленников – тот самый, который потом стал командовать третьим Прибалтийским фронтом, освободившим в июле Псков.

Эх, почему бы мне не «вселиться» в Масленникова! А еще лучше – в командующего Ленинградским фронтом Говорова!

Угу, размечталась... Может, еще в самого Жукова? Да и потом, Анатолий Андреевич верно говорил, человек не на своем месте может таких дров наломать, что потом и не разгребешь. Но ведь просто объяснить Масленникову ситуацию с позиции двадцать первого века можно было бы?

Значит...

Да, идея, конечно, была безумной, но ведь один раз сработало! А если получилось в первый раз, почему должно не получиться во второй?

Я проберусь к Масленникову и расскажу ему все то же самое, что рассказала своим бойцам под Расейняем. Он мне поверит! Должен поверить! И тогда... Тогда он сам сумеет решить, что и когда надо сделать – мне нужно только наиболее точно обрисовать ему картину. Ведь он-то – профессионал.

Ну, а мне остается только вызубрить наизусть карту, выбрать какое-нибудь подходящее по времени сражение сорок второй армии Ленинградского фронта и не погибнуть в нем –

чтобы суметь добраться до командующего.

Так, выбираем место и время... Четырнадцатое февраля сорок четвертого, Псковский район.

Рука привычно нажала «Пуск», и – ничего не произошло. То есть игра, конечно, запустилась, по экрану двигались танки, то и дело окутывающиеся клубами дыма, и все. Никакого «слияния» не произошло.

Я стащила шлем. Что-то случилось? Может, разъем отошел? Нет, все в порядке...

Ну, что же, попробую еще раз. Пускай не пятнадцатое, пускай будет четырнадцатое...

И – снова ничего. Игра, обычная игра. Что-то случилось с мнемопроектором? С самой игрой? Со мной наконец?!

Надо позвать Виктора, пускай разбирается со своим детищем. Надо, но так не хочется. Он... отвлекает меня от мыслей об игре. Не хочу о нем думать – и не буду! Сама разберусь.

Может, просто стоит выбрать сорок вторую армию? Если известно, что в феврале – марте сорок четвертого сорок вторая армия пыталась прорвать оборонную линию «Пантера», так какая разница, что выбрать – место или саму армию. От перемены мест слагаемых, как известно, ничего не меняется.

В этот раз никаких сложностей не возникло: почти сразу я почувствовала тяжесть полушубка на плечах, вдохнула свежий, пахнущий хвоей воздух. Получилось! Только... только ведь раньше в игре *такой* опции, кажется, не было?

Советский Союз, 15 февраля 1944 года, место действия неизвестно. Наталья

В игру я попала удачно: на фронте царило затишье. Конечно, периодически постреливали – то немцы, то наши, – но серьезных боевых действий не предпринималось.

– Командир, пехота в гости приглашает. Первая стрелковая.

Я кивнула. В гости – это хорошо. Да и, может, узнаю что-нибудь полезное. А то влезть в игру – влезла, а никакого четкого плана у меня до сих пор нет. Интересно, научусь я когда-нибудь сперва думать, а потом делать? С другой стороны, как говорится, «мужчины, в отличие от женщин, прежде чем совершить ошибку, сперва все тщательно продумывают».

А я продумывать не могу – либо «попрет», либо – нет. Ну, будем надеяться, что все-таки «попрет».

В большой землянке было тепло.

– Умеет устраиваться пехота, – с завистью сказал Федюков, доставая из внутреннего кармана шинели бутылку настоящей водки. Уж кто-кто умеет, так это он, старшина Федюков; и где, спрашивается, раздобыл? С пятнадцатого мая сорок второго года ежедневная выдача водки личному составу была прекращена, за исключением «военнослужащих частей передовой линии, имеющих успехи в боевых действиях против немецких захватчиков», а также праздничных дней. Но, подозреваю, далеко не вся «огненная вода» доходила до тех, кому полагалась по закону, оседая в заниках предприимчивых снабженцев или еще кого.

– Вайганов гармонь новую раздобыл, – шепнул парень с лейтенантскими погонами, имени которого я, хоть убей, не могла припомнить.

Вайганов, невысокий курносый крепыш, упрямить себя не заставил: устроился на низкой скамье, широко расставив ноги, тронул лады...

– Запевай, Федор.

– «Катюшу», товарищ лейтенант!

– «Катюшу» давай!

Лейтенант Федор, совсем молоденький, с румянцем во всю щеку, длинными ресницами и влажными карими глазами похожий на девушку, затягивает «Катюшу», потом «Синенький скромный платочек», в котором куплетов оказалось почему-то в два раза больше, чем я

знала, потом «Я уходил тогда в поход». Дальше я уже не слушала.

Вышла из землянки, хватанула полной грудью свежего, морозного воздуха. У меня есть карандаш, двусторонний – с одной стороны синий, с другой – красный. Я нарисую все, что знаю о линии «Пантера», и пойду к командующему – ну, не отправляться же к нему с пустыми руками?

Бумага тоже нашлась в кармане полушубка – лист мятый, но большой. Чтобы нарисовать основное – хватит, а потом, когда меня пустят к карте, я покажу уже на ней...

– Это что же ты, сука, делаешь?!

Незнакомый человек в офицерском полушубке стоял надо мной, и при свете звезд я хорошо видела его белые от гнева глаза и побелевшие костяшки пальцев, сжимающие пистолет.

– Я...

– Ах ты ж, фашистская морда!

Ударил он меня в висок – так почему же рот полон крови? Я сплюнула; кровавый сгусток, в середине что-то светлое. Зуб.

– Погодите, товарищ майор...

– Товарищ?! Твой сраный фюрер тебе товарищ!

Хруст, и небо стало стремительно заваливаться на меня. А вокруг со странным звуком порхали звезды.

– Карты он рисует... – Голос гулкий, как будто майор кричит в колодец. Почему я сижу в колодце?

Майор коротко замахивается и бьет прямо в лицо. Звон в ушах, по лицу течет что-то горячее, попадает на губы. Я облизываю – кровь.

– Отведите меня к товарищу Масленникову, – говорю я. Вернее, пытаюсь сказать, потому что получается у меня совсем другое: «Одвыддыды бедя...» Еще бы, попробуй поговори разборчиво, когда у тебя расквашен нос и не хватает половины зубов.

– Я тебя щас отведу, – зловещим шепотом произносит майор. – Я тебя щас так отведу!

Я снова прихожу в себя в какой-то темной комнате. Не землянка – именно комната. Стол темного дерева – полированный, как ни странно. За столом – невысокий сухощавый человек в пенсне и в гимнастерке без погон, рядом – давешний майор; у майора дергается щека, видимо, последствия контузии.

– Расскажите нам, кому вы собирались передавать план укреплений, – бесцветным голосом говорит сухощавый.

Этот, по крайней мере, производит впечатление вменяемого человека.

– Я хотел передать эти планы товарищу Масленникову.

Сейчас я почти не шепелявлю.

Сухощавый снимает пенсне, двумя пальцами протирает глаза и водружает пенсне на место.

– Поясните, кто такой Масленников.

Я обалдеваю. Что значит, кто такой Масленников?! Это – командующий сорок второй армией, буквально на днях он будет назначен заместителем командующего Ленинградским фронтом, а еще через месяц – станет командовать Третьим Прибалтийским.

– Я требую отвести меня к командующему армией.

Майор подсакивает на своем стуле. Хороший такой стул, дубовый, с высокой спинкой – и почему, спрашивается, я замечаю такие детали? Может быть, потому, что здесь, именно здесь и сейчас *такому* стулу не место?

– Вы в вашем положении, господин хороший, требовать ничего не в праве, – слегка поморщившись, сообщает человек в пенсне. – В ваших интересах, господин шпион, простите, не знаю, в каком вы звании, сообщить все. И прекратите нести бред о Масленникове – ни за что не поверю, чтобы немецкая разведка работала настолько плохо.

Я вообще перестаю что-либо понимать. *Где я вообще нахожусь?! И что происходит?!*

– Повторюсь, – почти ласково произносит беспогонный, – в ваших интересах говорить только правду.

Правду? А и в самом деле, у меня нет другого выхода. К тому же в Расейняе получилось – почему бы и не попробовать здесь?

– Я из будущего, – говорю я и жду реакции. Майор багровеет, рука его тянется сперва к вороту, потом, словно передумав, к кобуре.

– Спокойно, майор, – бросает сухощавый, а затем – уже мне. – Ну, продолжайте, продолжайте.

Я продолжаю. Я говорю хорошо, вдохновенно – под Расейняем у меня получалось куда корявее.

Беспогонный выслушал меня до конца, ни разу не перебив и не дав сделать это майору, и, когда я, уже испытывая облегчение – кажется, поверили! – окончила свою «пламенную речь», он все с тем же благожелательным выражением на худом лице, с которым слушал меня, и с той же ласковой интонацией произнес:

– Ну, видите, товарищ Мельников, господин решил сыграть в сумасшедшего. Только, – теперь он повернулся ко мне, – господин шпион, должен заметить, что актер из вас никакой. И фантазия подводит. Ладно. – Он резко приподнялся, хлопнув обеими ладонями по столу. – Мельников, выводи. Необходимые протоколы я оформлю, подпишешь потом.

– При попытке к бегству? – деловито уточнил Мельников, к которому вернулся нормальный цвет лица.

Сухощавый кивнул.

– Погодите! – так я еще никогда не орала. – Погодите! Я правду говорю! Выслушайте меня!

– Мы вас уже выслушали, любезный. – Худое лицо обрело медальные очертания. – Вы ведь офицер, и прекрасно понимали, на что шли. Думаю, вам известно, какова участь шпионов согласно законов военного времени. Вы, насколько могли, исполнили долг перед *своей* страной, мы исполняем свой долг перед нашей. Ведите себя достойно.

Он отвернулся, похоже, потеряв к происходящему интерес.

Что же делать?! Умирать мне не в первой, в этом уже *ничего страшного нет*, но моя миссия?! Как же Псков?! Неужели ему суждено все-таки быть освобожденным только в июле?! А многим тысячам людей суждено погибнуть, штурмуя «Пантеру»?!

Попытаться еще раз поговорить с майором?

– Иди-иди. – Ствол больно ткнулся в спину. Меня выводили в одной гимнастерке – правильно, зачем труп полушубок? И мерзнуть мне, судя по лицу майора, недолго.

– Послушай, майор...

Он презрительно цвиркнул слюной на снег.

– Иди-иди, фашист. Тут твоя агитация не сработает.

– Послушай, я понимаю... Только... передай бумагу – ну, ту, что у меня отняли, генералу Масленникову. Это... это примерный план оборонной линии «Пантера», он пригодится! – От отчаянья я почти плакала.

В этот раз он сплюнул с куда большим презрением.

– Какая, к хренам собачьим, «Пантера»?! Может, ты и впрямь псих? Тогда прости – цацкаться с психами у меня все равно времени нет. Куда тебя девать-то?

Если садануть его по руке, он выронит пистолет: слишком отвлекся на рассуждения,отреагировать успеет вряд ли. Я его оглушу. Далеко мне, правда, не убежать, но мне далеко и не надо: до первого мало-мальски вменяемого командира, который объяснит мне, что происходит...

Я успела только ударить его по руке – слишком слабо, или это он крепко держал пистолет?

– Ах ты ж, тля фашистская!

Он выстрелил почти сразу, но мне казалось, что пуля летит долго, долго, я еще успею увернуться, а потом объяснить, что он не так меня по...

Россия, недалекое будущее. Виктор

Мягкий стук тела об пол. Он подскочил к упавшей девушке, схватил за руку... Есть пульс! Теперь померить давление – Илья Семенович оставил ему очень четкие указания, что делать, если у Натальи вновь повторится приступ. Но анализатор моргал зеленым, давление было в норме. Что же тогда *не так* ?!

И потом – сейчас она была в игре всего пару часов. Почему же ей стало плохо?

Нашатырь! Бабка всегда говорила, что «лучшего средства для прочистки мозгов нет», и заставляла внука держать пузырек в аптечке. Бабка умерла, и непутевый внук о ее наказе забыл. А когда Наталья в прошлый раз в обморок грохнулась – вспомнил. И почти сразу купил резко пахнущую жидкость.

И действительно – помогло! Сначала нос девушки словно ожил сам собой, дернулся, потом затрепетали веки, а потом она одновременно и попыталась сесть, и оглушительно чихнула.

– Фу... Что за гадость? – Она приложила руку к груди и поморщилась, как будто у нее болело сердце.

– Что с тобой случилось?

Она удивленно качнула головой.

– Меня расстреляли! Представляешь себе?!

– Расстреляли?

Пожалуй, ей надо сперва что-нибудь успокоительное дать, а уж потом – расспрашивать. Только что – успокоительное-то? А, здесь в шкафчике он видел чай с мелиссой. Не бог весть что, но все же...

Наталья продолжала прижимать руку к сердцу.

– Сейчас я чай сделаю...

Она кивнула.

– Я в душ.

Пошла покачиваясь, но вроде ровно.

У него и в мыслях не было подглядывать за девушкой – зачем? Он ведь не пятнадцатилетний прыщавый юнец, подсматривающий в щелочку, как одноклассница поправляет колготки. Просто как-то получилось само – никаких звуков не было слышно, он решил, что девушке снова стало плохо, быстро прошел к ванной и замер: Наталья стаскивала через голову футболку, а слева, там, где расположено сердце, темнела круглая отметина.

Виктор быстро сделал несколько шагов назад. Кажется, не заметила... Только откуда у нее шрам? Ему доводилось видеть следы от огнестрельных ранений не единожды, и сомнений в его происхождении не оставалось. Только вот – был ли он раньше или появился после этого самого «расстрела»? Спросить нельзя – решит, что он подглядывал... Но Анатолий Андреевич нечто подобное рассказывал об одном из игроков – аватар того горел в танке, а у «донора» потом оказались ожоги...

Об этом нужно будет рассказать шефу...

– Слушай, Вить...

От неожиданности он чуть не уронил чайник.

– Что?

– Я вот тут подумала... Чего мне, спрашивается, дался этот Псков? Ну, древний город, жаль, что фашисты его почти уничтожили, но ведь это – не переломный момент, верно? Ведь если изменить ход войны в сорок первом, то ничего они взорвать все равно не успели бы. Как ты думаешь?

Виктор осторожно пожал плечами. Анатолий Андреевич велел девушку больше в выборе сражений не ограничивать, дескать, пускай «тренируется», но и навязывать свою точку зрения запретил.

– Ну, лично я бы действительно выбрал сорок первый, – признал он. – Ведь, возможно,

войну вообще можно было в сорок втором закончить. Ну, это если что-то попытаться менять. А если просто... Если просто, то я бы взял Яско-Кишиневскую операцию, она, на мой взгляд, была проведена просто блестяще. Заодно там можно было бы многому научиться.

Девушка махнула рукой.

— Научиться... Только в книжках люди учатся на чужих ошибках, и потом — я ж практически рядовой танкист, чему я научиться смогу, если даже целиком задачу понимать не буду? Только ее часть... И вообще, не хочу пока об игре говорить. Может, пообедаем? А то безумно есть хочется.

Глава 15

Россия, недалекое будущее. Виктор

— ...лишь бы калекой не вернуться.

Он опять что-то пропустил. Интересно, что за тенденция такая — попадать в разгар боя или — вот как сейчас, когда затишье, в разгар разговора? Хотя грех жаловаться: в последнее время, пожалуй, именно с того момента, как они поселились тут, в бункере, у него стало получаться «слияние» всякий раз, как он садился играть. Может, это каким-то образом Наталья влияла? Да нет, вряд ли, хотя раньше у него такого процента «попаданий» не было...

— Дурень ты, — со вздохом сказал заряжающий. — Как есть — дурень. Ну, понятное дело, невесты по молодости лет у тебя еще нету, а о родителях ты, дурак, подумал?! Такое говорить может только тот, у кого своих детей нет! Ты даже представить не можешь, каково это родителям — получить похоронку на сына! Я-то на собственной шкуре почувствовал...

Он замолчал; загорелая, широкая ладонь с сильными пальцами дергала и дергала за ус, и Виктор не мог отвести от нее взгляда.

Заряжающий походил на дядю Васю, соседа. Тот получил похоронку на сына, воевавшего в одной из «горячих точек», и за два месяца буквально сгорел от скоротечной саркомы. Жена его, тетя Валя, не успела даже как следует оплакать сына — на руках оказался тяжело умирающий муж. А через два дня после похорон дяди Васи вернулся Мишка — живой и даже невредимый.

— Видал я такого одного, — вставляет мехвод. — Без ног, без руки. Малец правильно говорит — лучше на месте сдохнуть. Вон у меня жена — любит, ждет. Рада будет любому. А и в самом деле вернусь таким вот обрубком... Она ж слова не скажет, но ей-то — за что такая мука?

— Командир, а вы что думаете? — интересуется наводчик, красивый чернявый парень. На «мальца» он никак не тянет, но и заряжающий, и мехвод — порядком старше. Он для них — малец. А для Виктора? Ему-то сколько тут?

— Я думаю... — ответил Виктор и испугался собственного голоса. Он непривычно тонкий, высокий. Вообще — странный.

— Ну, вот вы — женщина. Хотели бы вы вернуться домой без рук-ног?

Он — женщина?! Виктор осторожно, так, чтобы никто не обратил внимания, скосил взгляд. Точно — женщина! По крайней мере некоторые признаки имеют место быть.

Он едва сдержал смех. Анатолий Андреевич хотел, чтобы Наталья попала в сознание танкистки-женщины; зачем ему это было нужно, Виктор не знал, но *такого*, наверное, даже шеф предположить не смог бы.

Виктор растерянно молчал, и экипаж понял это молчание по-своему.

— Чего ты прицепился, — раздраженно говорит заряжающий. — Для женщины все вообще по-другому. Если она мать, то она в первую очередь о детишках думать должна; с руками или без рук, а мать есть мать. Дитям любая matka нужна. Моя-то померла, когда мне одиннадцать годков было, я малых-то отцу помогал рстьить, и, когда он мачеху привел,

я-то попервой удила-то закусил. А малые – они к ней сразу сердчишком потянулись, потому как без мамки даже щенкам плохо живется. А уж и подавно – человеку. А молодая-то деваха, особенно ежели в голове совсем пустота, та и без руки какой-нибудь левой, и то жить не схочет.

– А все-таки, командир, ответьте, – «малец», который совсем и не малец, настойчив. – Что бы вы предпочли? Вернуться домой калекой или сразу погибнуть на месте?

Виктор задумался. Был бы мужиком – ответил, пожалуй, не задумываясь. Конечно – живым! Если, понятное дело, сохранить способность передвигаться самостоятельно, да еще обихаживать себя самому. Ног нет – не беда; Маресьев без ног летал даже. А вот если лежать колодой, тогда, пожалуй, лучше смерть. А вот для женщины, девушки?

На секунду он представил себе Наталью – она сидит на столе, как любит это делать, и болтает ногами. А вернее, обрубками: ниже колен ног у нее нет.

Видение получилось таким ярким, красочным, что Виктору даже пришлось помотать головой, чтобы отогнать его.

Как раз вчера Наталья читала ему вслух об одной женщине-танкистке, Марии Логуновой. Она служила механиком-водителем, в результате ранения лишилась обеих ног, но сумела все-таки вернуться в строй, в свою учебную бригаду, готовила радиотелеграфистов для танковых войск.

– Вот это серьезно, – задумчиво прокомментировала тогда девушка. – Знаешь, погибнуть, защищая свою Родину – это, конечно, тоже подвиг, но... Но суметь выжить, вернее – не суметь даже, а заставить себя жить, когда не хочется, но – нужно...

Стало быть, сама Наталья считала, что женщине в такой ситуации жить не должно хотеться? Хотя – она-то как раз, как только что высказался заряжающий, «молодая деваха». Детей нет, мужа нет, а гордость есть. Гордость, которая не позволит два раза подряд вытерпеть взгляд любимого человека, в котором вместо любви будет жалость.

– Не знаю, мужики, – честно ответил Виктор. – Вообще было бы неплохо дожить до Победы и вернуться домой невредимым... мой...

Интересно, как быстро сама Наталья привыкла к тому, что она в игре – мужик? Он никогда не обсуждал с девушкой эти вопросы, но ведь... Черт, ведь физиология же!

Сразу почему-то припомнилась реклама, которую крутят чаще, наверное, всех остальных, вместе взятых: «Чувствуй только уверенность», и – рука, выливающая из колбы на прокладку что-то ядовито синего цвета. А если у него эти самые, как их... критические дни?! Интересно, женщины что-то чувствуют в это время или нет? Ну, то есть ощущают, что... Блин, об этом даже думать-то неприятно – о том, что *такое* может происходить с тобой.

На лоб легла прохладная рука.

– Вить, что случилось-то?

С перепугу он заорал.

Тут же щелкнул выключатель. Он – в том месте, куда их поселил шеф, в своей постели, а на кровати сидит Наталья и щупает его лоб.

– Тебе что, кошмар приснился? Ты кричал.

Виктор невесело усмехнулся. Кошмар, да еще какой. Кому расскажи – не поверят. А если поверят, то сразу засмеют.

– Да нет, ничего.

Наталья глядела участливо, а он вдруг почувствовал неловкость. Двусмысленная ситуация, согласитесь: ночь, полуголая девушка в его комнате, приглушенный свет... Бесстыжие глаза, сколько Виктор ни старался их отвести, все время утыкались в, гм, если не в вырез ее футболки, так в голое бедро.

– Воды дай мне, пожалуйста...

Голос прозвучал хрипло, и Виктор сто раз проклял себя.

– Сейчас.

Девушка убежала в кухню, через секунду появилась, держа в руке запотевший стакан с

минералкой.

– Держи.

Он жадно выдул всю воду. Попросить еще?

– Я так и думала, что тебе мало будет. – Наталья кивнула и жестом фокусника достала из-за спины бутылку.

В стакан, булькая, полилась тугая струя.

– Может, что-то еще?

Угу, тебя, дуреха ты малолетняя. Кем надо быть, чтобы вот в таком виде припереться к взрослому здоровому мужику посреди ночи и не понимать, какой эффект производит твой внешний вид?

А может, она все понимает? Ей, в конце концов, не шестнадцать лет и даже не восемнадцать. Да у нее и парень был. Стало быть, специально?

До сих пор Виктор с женщинами как-то особо не заморачивался. Ощущал себя охотником: догнал, завалил, съел – побежал дальше, за следующей жертвой. И, наверное, окажись на месте Натальи любая другая девушка – результат был бы... гм, понятно каким. Но с Натальей он почему-то не мог так поступить. Потому ли, что за эти дни, проведенные вместе, просто сроднился с ней, ощущая себя кем-то вроде старшего брата? До сих пор он как-то не задумывался об этом... А может, это любовь? Да ну, глупости, любовь бывает *не такой*. Он был влюблен в юности, влюблен очень сильно, и получил, что называется, «фэйсом об тэйбл». После этого в таких играх он больше не участвовал, благо всегда находились девушки, готовые к отношениям без обязательств. Ни к чему не принуждающие встречи – просто, что называется, для взаимного удовольствия. А сейчас? Что он чувствовал сейчас к сидящей на его постели девушке, кроме, понятное дело, того, что полагается испытывать здоровому мужику, которому нет еще и сорока, когда на его кровати сидит полуодетая девица двадцати пяти лет, причем достаточно привлекательная...

Он, похоже, запутался окончательно.

– Слушай, Наталья, иди-ка ты спать. – Прозвучало достаточно раздраженно.

Ну, ничего – сейчас по ее реакции поймем, приходила она «с корыстными целями» или и в самом деле просто не сообразила, какое впечатление на него должен произвести ее вид.

Девушка кивнула.

– Спокойной ночи. Кстати, в кухне аптечка есть, в аптечке – валерьянка. Может, выпьешь на всякий случай?

Вот еще! Не хватало ему всякую ерунду пить! Валерьянка – это для барышень, вернувшихся с неудачного свидания.

– Да я и так засну нормально.

Она дошла до двери, на пороге повернулась, лукаво улыбнувшись:

– Ты-то заснешь. А другим, по-твоему, спать уже и не надо? Кричал так, что уж лучше бы ты перфоратором стену долбал – все тише было бы. Ну, ладно, спокойной ночи.

Наутро Виктор испытывал неловкость, Наталья – нет. Ну, или удачно делала вид.

Он сел за комп, но работа не шла.

Надо было отвлечься... от дурацких мыслей, которые мешали работать.

– Наташ, у меня к тебе просьба, – он слегка замялся. Поди тут сформулируй: девчонку-то он все время к порядку призывал, а сам собирается нарушить распоряжение Анатолия Андреевичу: ведь шеф запретил ему играть.

– Поиграть хочешь, – догадалась девушка.

Виктор кивнул. Играть он сам начал от того, что ему нужно было отвлечься от работы, когда случалась какая-то трудноразрешимая проблема, на которой он «застревал». Сейчас он тоже «застрял», правда, с работой это никак не связано, но Наталье об этом знать не нужно. По крайней мере пока.

– Да, что-то работа не идет, – бросил он небрежно, – не могу как следует сосредоточиться.

Девушка кивнула.

– Ага, я раньше тоже с помощью игр расслаблялась. Ну, да ты знаешь.

Ага, в «шарики» она резалась – именно с этого все и началось. Совсем недавно, трех недель не прошло, а кажется – целая вечность...

– Ну, а с помощью «танков» я расслабиться не могу, – она засмеялась. – Может, и тебе выбрать что попроще?

Он качнул головой.

– Ты забываешь о том, какой у меня коэффициент. Я так глубоко, как ты, не погружаюсь. Могу продержаться в бою всего-то пару часов, потом «вывалюсь». Как раз самое оно.

Она кивнула.

– Так что мне делать-то?

Виктор вздохнул.

– Да ничего особенного. Главное, не лезь без меня в игру, хорошо?

Она засмеялась.

– Ну, если всего пару часов, то я потерплю. Слушай, прежде чем ты играть начнешь...

У него екнуло сердце. Заговорит о ночном происшествии?

– Ну?

– Как ты думаешь, а что в квартире у Сильвестра могли искать? Ну, с аквариумом мне вообще не понятно.

Он, чувствуя раздражение, пожал плечами.

– Да кто ж его знает? Ну, может, искали что-нибудь, что могло быть в аквариуме спрятано...

– Бриллианты? – девушка усмехнулась. – Честно говоря, сильно сомневаюсь. А другого я ничего и придумать не могу.

– Воображение слабое, – буркнул Виктор. – Может, какой-нибудь информационный кристалл.

– Кого?!

– Кристалл информационный, – со вздохом повторил программист.

Девушка хлопала глазами.

– Ну, что ты ерунду говоришь, – неуверенно произнесла она. – Какой кристалл? Я с тобой серьезно говорю, а ты прикалываешься! Гель-кристаллы – это что-то из фантастики. Что-нибудь из следующего, а то и позаследующего столетия...

Виктор покачал головой.

– Ты вообще о развитии вычислительной техники что-нибудь читала? О появлении первых CD? О флешках? О том, что за двадцать лет в конце прошлого века тактовая частота процессора выросла в пятьсот раз? От четырех мегагерц до двух гигагерц? А какова тактовая частота сегодня? Знаешь, я тебе о собственных впечатлениях могу сказать: когда я первый CD увидел – офигел просто. До этого дискеты были на пять с четвертью дюймов, потом на три с половиной дюйма появились. Ее объем – меньше полутора мегабайт, вернее, 1,44.

– Так что, гель-кристаллы существуют на самом деле? – шепотом поинтересовалась Наталья.

Виктор усмехнулся. Когда он говорил на профессиональные темы, «держать лицо» получалось куда лучше.

– Ну, гель-кристаллы – пока фантастика, а может, таковой и останутся. А вот что разработки кристаллических носителей информации уже активно ведутся, об этом я слышал.

– А сам видел?

Он снова покачал головой.

– Нет, сам не видел. Но знаю, первые результаты уже есть.

– Ну, если только первые – то откуда такому кристаллу быть у Сильвестра.

Виктор пожал плечами. Разговор начинал его раздражать.

– Наташ, чего мы переливаем из пустого в порожнее? Ты задала вопрос, я высказал

предположение – не более того. Скорее всего, никакого кристалла у него и не было...

У Наташи вдруг загорелись глаза:

– А вдруг... А вдруг благодаря нам новые технологии появятся быстрее, а? Как думаешь? Может, Советский Союз выйдет из войны с меньшими потерями, промышленность будет восстановлена быстрее, и...

Виктор вздохнул.

– Нат, я не люблю делать... необоснованные прогнозы.

– Ты... не веришь в то, что у нас что-то получится?

Программист пожал плечами.

Если бы что-то получилось, наверное, какие-то изменения уже были бы заметны. А может, и нет – ребята из исследовательского говорили, что изменения начнут проявляться не сразу. Да и девочку расхолаживать не стоит – она должна верить в собственные силы, только тогда у нее что-то получится.

Наташа восприняла его молчание по-своему:

– По-моему, тебе просто не охота со мной разговаривать. Так сильно в игру хочется? Ладно, играй тогда. Не буду тебе мешать.

И вышла из комнаты.

Советский Союз, 7 декабря 1941 года. Деревня Крюково. Виктор

Тихо. На ветвях дерева – стайка снегирей. Удивительно – они размером с воробья, может, чуть больше, а раньше Виктору казалось, что птичка эта должна быть крупнее. Снегирихи бурые, грудки самцов красные как кровь...

На соседнем кусте суется синички – штук тридцать, не меньше. Две молоденьких медсестрички кормят синиц с рук хлебными крошками, только одна сняла варежку и высыпала крошки прямо в ладонь – к ней синички подлетают чаще, а наиболее смелые даже садятся на окоченевшую ладошку. Вторая, в варежках, к ней почти не летят, и выражение лица у девушки чуть обиженное. Совсем молодые девчонки, лет по двадцать максимум.

Первая что-то говорит, потом они обе залиvisto смеются. Мирная, спокойная картинка, никак не вяжущаяся с тем, что начнется здесь буквально через несколько минут.

Они неподалеку от станции Крюково, крохотного населенного пункта, который, может, и не вошел бы в историю Великой Отечественной, как не вошли сотни и тысячи других деревень и городков, если бы Крюково и расположенная неподалеку деревня Матушкино не стали последними населенными пунктами, захваченными фашистами в битве под Москвой. Здесь сложила головы не одна сотня солдат и офицеров – кавалеристов, пехотинцев, танкистов, но дальше враг не прошел. «Автобус на Москву запаздывает», – шутили фрицы раньше. *После* этих боев они уже так не шутили.

Станция уже несколько раз переходила из рук в руки. Уже вроде все известно: и то, что любые мало-мальски сохранившиеся каменные здания превращены немцами в огневые точки, немецкие танки врыты в землю. Немцы хорошо подготовлены, хорошо оснащены, но советских воинов ведет вперед ненависть, благородная, та самая, которая «рядом с любовью живет».

Девять тридцать. Начинается артподготовка. Сперва что-то ахнуло – гулко, ошеломительно, потом к звуку «катюш» добавился гул гвардейских минометов.

Потом артиллерийская канонада замирает, и ровно в десять часов в воздухе с треском лопаются сигнальные ракеты. Первая, вторая, третья кроваво-красная вспышка... Это – сигнал к наступлению.

Справа идет в атаку конница генерала Доватора. Вообще-то раньше Виктор считал конницу архаизмом, которому в «войне моторов» нет места. Считал до тех пор, пока не прочел сперва работу единственного не дожившего до Победы маршала Бориса Шапошникова «Конница». Труд заинтересовал, но до конца так и не убедил. Потому что

красивые, логичные построения вдребезги разбивались о сложившиеся представления о событиях Великой Отечественной. Массивные, громоздкие, почти неуязвимые немецкие танки, а против них – всадники на легких, тонконогих конях, которых жаль почти так же, как и самих кавалеристов: те хоть понимали, за что умирают, а кони?

Кавалерийская атака выглядит красиво, прямо сердце щемит.

– ...хорошо, фрицы не заминировали...

И в самом деле, не заминировали. Во-первых, были уверены, что удержат. А во-вторых, уже столько раз они тут наступали и отступали сами, а что может быть глупее, чем подорваться на собственных минах?

– Впереди немецкие танки, – обернувшись, сообщает радист. – Велено подпускать поближе, чтобы ни один не ушел!

Велено... И так понятно, что подпускать надо поближе – только вот нервы иногда подводят танкистов точно так же, как и артиллеристов, и пехотинцев...

А вот их уже и видно, голубчиков. Впереди, вымазанные серой краской – не выкрашенные, а именно, измазанные, – два «Артштурма», переваливаются тяжело, словно откормленные гусыни. Следом тяжелый восьмиколенный броневомобиль Sd.Kfz.231. Все густо облепленные автоматчиками, как листья капусты бывают облеплены тлей. Кроме броневомобиля, понятное дело: это, скорее всего, командирская машина.

На лобовой броне передней самоходки отчетливо виден череп, под ним – скрещенные кости. Пираты, блин. Влупить бы ему... по этому черепу. Жаль только, что лобовую броню фиг пробьешь.

Идущая первой САУ вдруг уклоняется влево, подставляя бок. Бок, самое незащищенное место! Почему она выполнила именно этот маневр? Да какая, нахрен, разница, почему! Главное, такой шанс невозможно упустить!

– Бронбойно-зажигательным... угомер десять... Огонь!

Ослепительная вспышка, оглушительный грохот, вздыбленные, вывороченные бронелисты крыши корпуса, сорванные и отброшенные далеко в стороны крышки люков. И дым – черный, жирный. Ну, удачнее попасть, пожалуй, было бы трудно; судя по всему, как в той песне «взорвался весь боекомплект». О судьбе автоматчиков, понятное дело, и спрашивать не стоило...

Но еще три машины пока целы, расслабляться не приходится.

Автоматчики сыплются с брони на снег, как спелые абрикосы. Стрелок принимает к пулемету – ему отдавать приказ не приходится.

– Бронбойно-зажигательным... Огонь!

Броневомобиль горит – медленно, как-то неуверенно. Появляется вторая самоходка, обходит горящую машину.

– Заряжай.

Зачем он произносит это? Унитар давным-давно в казеннике, экипаж работает, как часы.

Залп! Угу, экипаж-то – как часы, а командир как кто? Явно как кто-то косорукий – «Артштурм» продолжает движение.

Тяжелые артиллерийские кони подвозят противотанковую пушку. Им тяжело, коням, по такому-то снегу... Бойцы слаженно и аккуратно снимают орудие, залп сливается с залпом их пушки – и немецкая САУ начинает вращаться на месте с перебитой гусеницей и вывороченным ведущим колесом. Еще один сдвоенный залп – удивительная синхронность! – и она начинает гореть.

Откуда-то слева поднимается столб черного дыма.

Артиллеристы дают еще один залп. Второй. Еще не видно результата, но зато слышно – в атаку пошла кавалерия. Рано, рано! А если самоходка не уничтожена? Как ее тогда добить? Стрелять по своим? А врага-то ничто не ограничит...

Но буквально через несколько мгновений становится ясно: «Артштурм» уничтожен. Немецкие автоматчики пытаются драпать и падают, скошенные автоматными очередями и

порубленные шашками.

– Эх, я когда-то тоже хотел в кавалерию, – вздыхает вдруг мехвод, с момента наступления не издавший ни единого звука, кроме, разве что, сосредоточенного сопения.

– Ну а теперь как? Не жалеешь, что не попал? – насмешливо спрашивает заряжающий.

– Не-е, – тянет механик, – мой коник – всем коникам коник! Ни на кого его не променяю! Он у меня самый лучший! Самый быстрый, самый мощный...

– Ага, и навоза не производит, – бросает заряжающий, и весь экипаж с Виктором во главе ржет.

Короткая передышка – до следующего приказа. На левом фланге немецкая пехота при поддержке танков пошла в наступление, надо поддержать. Ну, что ж, на левом так на левом.

Ярко пылает какое-то строение, по виду – сарай. Неподалеку виднеется брошенная пушка, около нее на снегу лежат убитые, очевидно, бойцы расчета.

Трупы, трупы – темные пятна на белом снегу. Впрочем, не настолько он теперь и белый, местами обильно заляпан алым. Наступление здесь почти захлебнулось, но только – почти.

Теперь атака повторится. Повторится столько раз, сколько нужно, чтобы наконец выбить отсюда фашистов. Столько раз, на сколько хватит сил, а потом, когда они кончатся, повторится еще.

Небо снова расцвечивается красными ракетами.

Вперед!

Равнина кипит белыми выбросами снега и черными – земли. Это слева бьет немецкая батарея. В ответ рывкают наши пушки. Скрежет танковых гусениц сливается с грохотом выстрелов, громким «ура», конским топотом... Они продвигаются вперед, вспахивая снег, несмотря на вздымающиеся то тут, то там огненно-дымные фонтаны земли.

Батарея мешает, как заноза в пятке.

Соседняя машина горит, выбрасывая вверх клубы дыма; Виктору не видно бортового номера, а узнавать среди чада и пламени выпрыгивающих в снег танкистов он так еще и не научился. Да и невозможно это.

Посреди поля застыл немецкий танк; башня с длинной пушкой, увенчанной грибообразным дульным тормозом, сворочена набок, люки вышибло взрывом.

А что там справа впереди шевелится?

Молоденькая санитарка или медсестричка – одна из тех двоих, кормивших совсем недавно синиц. Молодая, но какая умелая! Действует спокойно, без лишней суеты – пережидает разрыв, вскакивает на коленки и быстро ползет вперед.

Девушка здесь одна. Интересно, а где же вторая? И как эта оказалась здесь – чуть ли не впереди атакующих войск?!

Он едва успел задаться этим вопросом, как немецкая батарея снова жახнула, высокий снежный фонтан, казалось, достиг до низкого, свинцового неба, а когда снег, наконец, обрел новое место, маленькая фигурка больше не поднялась.

– Бери чуть левее, – зло велел Виктор. Немецкая батарея не являлась *его* целью, у него имелся совсем другой приказ, но сейчас это не важно.

Можно, конечно, попытаться стрелять и на звук, но он не настолько уверен в себе, а тратить снаряды впустую совсем не хочется.

– Быстрее.

Сосредоточенный, мрачный мехвод кивает.

Губы его сжаты в одну белую линию.

Грохот. Страшный. Как будто он сидит внутри огромного колокола, а снаружи кто-то лупит по нему обрезками стальной арматуры. Танк подпрыгнул, на секунду показалось – все, подбили, но – нет, движется дальше. Снаряд попал прямо в лоб, но броня выдержала удар.

Внутри почти нечем дышать от пороховых газов, но это кажется таким

несущественным!

Взрыв – и танк кренится на левый бок, потом дергается, словно раненое животное.

– Из машины!

Не удалось им достать немецкую батарею. Ну, и ладно – другие достанут. А они пойдут в атаку с пехотой; сам Виктор готов рвать зубами глотки фашистским псам. Чувство ненависти вперемешку с азартом боя перехлестывает через край.

Выбраться они успели. Все. И он даже попытался отдать какую-то команду, но черный гигантский гриб вырос совсем рядом, закрывая собой солнце, а потом земля поднялась и ударила его в лицо.

Основательный толчок в бок. Потом – тишина, звенящая, напряженная. Никаких звуков – бой кончился, что ли? Нет, не кончился, пускай он не слышит, но *чувствует же* ...

Кто-то поднимает за волосы его голову.

– Товарищ лейтенант, вы живы?

Он не услышал вопроса – прочел по губам.

Девочка-санитарка, та, вторая, которая не снимала варежек и обижалась, что синицы саятся на руку ее подружки, а ее саму игнорируют, пару секунд глядела на него, потом спросила еще что-то, что именно – он не разобрал.

Открыл рот, чтобы переспросить, и понял, что ничего из этой затеи не выйдет: слова не то чтобы не хотели выходить – они даже не рождались в глубине его перехваченного спазмом горла.

– Все будет хорошо. – Маленькая ручка быстро погладила его по лицу. – Все будет хорошо.

Он по-прежнему ничего не слышал, но такую фразу легко понять и без звуков. Почему она его утешает? Все совсем плохо? Он смертельно ранен? Или потерял обе ноги?

Виктор скосил глаза. Ниже колен вместо ног – сплошное месиво из мяса, тряпок и грязи, сквозь которое ярко, празднично белеют осколки костей. Рядом чья-то оторванная рука с посиневшими ногтями и маленьким вытатуированным якорьком. Моментально замутило, он усилием воли сдержал порыв рвоты.

Девушка снова что-то заговорила, Виктор напрягся и в этот раз все-таки расслышал:

– Сейчас я вас перевяжу, и все будет хорошо. Вы не переживайте, я дотащу! Я только к виду такая маленькая, а на самом деле я знаете какая сильная! И тащить-то мне вас недалеко, наши наступают, нас быстро подберут...

Она говорила и говорила, быстро и аккуратно, виток к витку накладывая повязку. Чистый, такой же белый как снег бинт быстро становился красным, потом проступать стало все меньше и меньше.

– Я и не таких вытаскивала, – продолжала щебетать девушка, и Виктор понял: она подбадривает его, не дает потерять сознание, не дает сдаться. А заодно, похоже, придает бодрости и самой себе. – Я вон из третьего взвода Ничипорука дотащила, а он знаете какой здоровый? Он, наверное, больше ста килограммов весит! И ничего! Сейчас ему уже, наверное, операцию делают, и он обязательно выживет! И вы выживете, товарищ старший лейтенант!

Характерный свист – его он, к счастью, услышал.

Он-то погибнет, он, взрослый мужик, обязанностью которого является защищать свою Родину. Но эта девушка, девочка – она должна продолжать жить! Нет ничего более неправильного, чем женщина на войне. Женщина – жена, мать, возлюбленная, хранительница очага... Хранительница. Вот она и хранит, спасает тех, кого может спасти здесь и сейчас...

Ставшее тяжелым, неловким, неповоротливым тело не хотело слушаться, но Виктор, закусив губу так, что тонкая кожа оказалась прокушенной, сумел-таки, вцепившись в плечи девушки, сделать рывок и повалить ее, накрыв своим телом. Живи, любительница синичек. Ты должна жить за двоих, нет, не за двоих – за себя и за всех тех, кого не сумеешь, не успеешь дотащить. Живи...

Кажется, он даже успел прохрипеть это слово, прежде чем в глазах окончательно померкло.

Россия, недалекое будущее. Виктор

Холодно, твердо и неудобно. И еще – безумно хочется пить. Первой мыслью почему-то было – его взяли в плен. Он, едва сдерживая стон, попытался сесть. Получилось.

Фу-у, слава богу! Никакой не плен, дома он. Ну, не дома, но ему так часто доводилось ночевать на работе, ездить по командировкам да и вообще переезжать, что он привык любое место, в котором ночует больше пяти дней подряд, считать домом. А тут они жили уже больше недели. Так что – дома.

Который час? Голова гудела, отказываясь соображать, и несколько минут он тупо пялился в монитор, только потом додумавшись глянуть в правый нижний угол.

Половина второго ночи. Странно – сам бой длился не так-то и долго, а обычно в реале проходило куда меньше времени, чем было проведено там, на войне... Может, потому, что там он сразу не погиб? Может, просто был тяжело ранен, и девчонка дотащила-таки его до лазарета, а умер он уже там? Господи, ну, почему среди ночи приходят такие идиотские мысли, а? Какая разница, как и отчего он умер *там*?

Виктор, кряхтя, встал из-за стола. Водички бы выпить – во рту сухо, словно в осажденной Одессе в сорок первом. Грудь ноет – то ли там, куда в «другой реальности» попал осколок, то ли просто сердце прихватило.

Хорошо, что он додумался переставить комп в свою комнату – пожалуй, из гостиной его стоны были бы слышны и у Натальи, девчонка опять перепугалась бы.

От воспоминания о прошлом ее «испуге» Виктора бросило в жар. Образ полуодетой Натальи стоял перед глазами, дразня улыбкой, голыми ногами.

– Тьфу ты, напасть!

Он пошел в кухню, достал из холодильника минералку и, немного подумав, наклонился над мойкой и вылил половину бутылки себе на голову. Помогло. Исчезли не только ненужные мысли а вообще все, кроме одной: как бы побыстрее юркнуть в постель и, укрывшись с головой, согреться.

Что Виктор и сделал.

Будильник не сработал. А может, и сработал – с ним уже несколько раз случалось такое: он, не просыпаясь, отключал сигнал и дрых дальше, а потом не мог вспомнить, делал что-то с будильником или нет.

Половина одиннадцатого. Елки-палки, горазд же он спать! А Наталья тоже хороша – могла бы его и разбудить.

От воспоминания о вчерашней – нет, уже позавчерашней, – ночи его снова бросило в краску. Надо же такое – мыл ее во время ее «зависаний», переодевал, убирал за ней, культурно выражаясь, «результаты жизнедеятельности организма» и ни разу не воспринимал девушку как... как сексуальный объект. А тут вдруг... И ведь что самое паршивое – засела эта мысль в голове, словно заноза, и не выковырять ее ничем.

Где же все-таки она? Неужели тоже дрыхнет?

Он вышел в гостиную и остолбенел.

Девушка сидела за компьютером, безучастная, словно манекен. Виктор подошел чуть ближе. Рука – на мышке, но не шевелится, глаза словно стеклянные, и из уголка рта свисает ниточка слюны.

Он ведь просил ее подождать, пока он доиграет! Вот дура-девка! Ну, ничего, окончит она игру и получит по первое число...

В спальне зазвонил телефон; опять он забыл трубку с собой взять.

– Алло, Вить? Слышишь меня? Не давай Наталье играть. Ни в коем случае. Вскрылись некоторые новые обстоятельства. Я скоро приеду и все расскажу.

– А она как раз сейчас играет, – растерянно сказал Виктор, но его уже никто не слышал; в трубке раздавались короткие гудки.

– Ну, Вить, рассказывай, как у вас тут дела? Что Наташа? У меня новости по поводу убийства Сильвестра, но это не главное, есть еще одна, чрезвычайно важная вещь, и я...

– Анатолий Андреевич, она в игре, – перебил Виктор.

– Что?!

– Когда вы позвонили, она уже играла. – В том, что он сейчас скажет, смысла никакого нет, но Виктор хотел быть правдивым до конца. – Я... мне нужно было отвлечься, я решил поиграть сам. Попросил ее не играть, пока я... не вернусь. Но так получилось, что окончил я играть около половины второго ночи. Ну, думал, девушка спит, будить ее не стал, лег сам. А утром проснулся минут за пятнадцать до вашего звонка, а она...

Он махнул рукой.

Шеф быстро наклонил голову, снял очки, протер пальцами стекла, потом протер глаза. Водрузил очки обратно на нос.

– Идем-ка поглядим.

Они поглядели. Ничего не изменилось – все та же безжизненная поза, тот же остекленевший взгляд.

Шеф зачем-то присел около девушки на корточки, тронул за руку.

– Вить, тебя расстрелять надо. Нет, в том, что сейчас произошло, твоей вины нет, можешь не казниться. Но ведь я, кажется, *настоятельно рекомендовал тебе не играть?* Верно?

Виктор кивнул. Рекомендовал...

Анатолий Андреевич поднялся и, заложив руки за спину и сцепив их большими пальцами, прошелся по кругу – с пятки на носок, с пятки на носок. Остановился, пожевал губами.

– Ну, будем надеяться, что все обойдется.

Неприятный холодок пробежался по спине.

– Что-то случилось?

– Да ты сядь, сядь! – Бодрый тон шефа неприятно резанул слух. – Пока еще неизвестно, случилось или нет...

Виктор послушно сел.

Шеф еще раз прошелся, остановился, снова качнулся с пятки на носок.

– Вить, тут вот какое дело... Есть такое понятие – *точка невозвращения*. Помнишь, мы с тобой как-то об этом говорили?

Виктор кивнул. Помнил он не слишком-то хорошо, просто припоминал, что об этом рассуждали шеф с Виктором Александровичем, начальником второго подразделения программистов. Он особо не вникал – ведь до Нефедовой ему не доводилось никого курировать.

Но какое отношение эта пресловутая «точка» может иметь к Наталье? «Точка невозвращения» – это относится к тем, кто провел в игре очень много времени, а Наталья всего-то играла около десятка раз, а может, даже меньше...

– Понимаешь, обычно у игроков, близких к точке невозвращения, проявляются некоторые симптомы. Но Наталья твоя... Все у нее как-то *слишком быстро*, ты не находишь?

Виктор задумчиво кивнул. Слишком быстро... И в самом деле – «слияние» у нее произошло с первого раза, игры проходили долго – первый «Расейняй», в котором в самой игре прошло трое с лишним суток, а в реале – тридцать восемь часов, случился во время третьей игры.

– Анатолий Андреевич, нужно что-то делать!

– Что тут уже сделаешь, – философски вздохнул шеф. – Если она сумеет в этот раз вернуться, тогда – да. Тогда можно что-то и делать. Во-первых, все эти бессистемные, гм,

игрища были не более чем тренировкой, на самом деле каждому игроку отводится вполне конкретная задача. Которую они должны выполнить... максимально «близко к тексту». А если нет... Если нет, то мы с тобой, Витенька, загубили весьма перспективного игрока.

Игрока?! Ну, да, для шефа Наталья – всего-навсего перспективный игрок, который может помочь в выполнении поставленных целей. Не человек – функция! А то, что девчонка – молодая, ничего еще в этой жизни не повидавшая, в общем-то, перечеркнула свою жизнь, об этом он не думает! А ведь у девушки есть родители! Им-то какво потерять свою девочку, причем ведь и не объяснишь, что именно с ней произошло! Тело – вот оно, дышит и даже как-то функционирует, а разум?!

– Не психуй. – Крепкие пальцы сильно сжали его запястье. – Во-первых, пока ничего не известно, может, она до невозврата еще и не дошла. Во-вторых... Ну, набьешь ты мне морду – тебе легче станет?

– Почему... – с трудом выдавил из себя Виктор. – Почему вы не предупредили меня заранее?!

Шеф пожал плечами.

– Во-первых, дорогой мой, при тебе о точке невозвращения регулярно упоминалось, а то, что ты пропускал мимо ушей, как ты думаешь, кто в этом виновен? Во-вторых... Во-вторых, «точка невозвращения» – это до прошлой недели было понятием теоретическим, и для того, чтобы делать какие-то выводы, у нас просто не было необходимых данных. К тому же, как я уже говорил, у девочки все развивалось *слишком быстро*. Да и показатели у нее все... несколько нарушены. Каюсь: я ненадолго упустил все это из-под своего контроля, поскольку вынужден был заниматься совсем другими делами: меня вызывали... в соответствующие инстанции по поводу убийства этого вашего Сильвестра. Тут, понимаешь ли, такая штука интересная... Меня спрашивали, Витя, не знакома ли мне технология хранения информации на кристаллических носителях.

– Гель-кристаллы, что ли? – усмехнулся Виктор. Надо же – вроде бы только что с Наташкой прикалывались на эту тему, смеялись, спорили азартно. А прошло всего несколько часов и Наталья... Шеф, кажется, что-то сказал, но Виктор понял только постфактум, что Анатолий Андреевич о чем-то спросил.

– Почему именно гель-кристаллы? – шеф все-таки решил повторить вопрос. – Ты что, о чем-то подобном слышал?

Программист передернул плечами. Шеф несколько раз в его присутствии произносил фразу: «Мы фантастику не читаем. Мы ее творим». Обычно это воспринималось как рекламный слоган, но, может быть, Анатолий Андреевич и в самом деле не увлекался чтением такого рода произведений? Иначе бы этот термин был ему знаком.

– Витя, я жду ответа. Что ты слышал об этих самых гелевых кристаллах?

– Да ничего я не слышал, – ответил Виктор с внезапным и самому ему непонятным раздражением. – Нет такой технологии, насколько знаю. Писатели-фантасты на эту тему...

Подходящее слово так и не нашлось, но Анатолий Андреевич внимания на это не обратил.

– Нет, Витюш, о гелевых кристаллах они ничего не говорили – просто спрашивали о кристаллических носителях. Я, конечно, предполагал, что мы, занявшись проектом, несколько отстанем в... э-э... области новых технологий, но не настолько же! Я так и сказал – это, ребята, что-то из области фантастики. А они, Вить, представляешь? Они сказали, что одна из основных рабочих версий убийства нашего хакера – нет, точно не скажу, полко... человек, говоривший со мной, использовал какой-то специфический термин, но основной смысл заключался в том, что Сильвестр то ли похитил у... впрочем не важно у кого, этот самый кристаллический носитель с важнейшей информацией, то ли кристалл у него был свой – просто он информацию на него записал...

Говорят, что убийцы у него дома как раз кристалл и искали – предполагали, видимо, что Сильвестр спрятал его в аквариуме, что показатели преломления кристалла такие же, как у воды, потому убийцы аквариум сперва вычерпывали, боялись, видимо, кристалл

повредить...

Виктор слушал – и не слышал. Какой, к чертям, кристалл! Какой, на хрен, Сильвестр! Его уже нет в живых, а Наталью, может быть, еще можно вернуть! Вернуть и не пускать в игру больше! «Перспективный игрок», «конкретная задача»... Да и ...й с ними, с этими задачами! Для их выполнения есть здоровые мужики, служившие в армии, прошедшие через горячие точки! Это их дело, а вовсе не двадцатипятилетней девчонки, которая по глупости вляпалась невесть во что... Да нет, не вляпалась – ты сам ее туда «вляпал», милый мой! Тебе и отвечать.

– Только вот одно меня беспокоит. – Шеф, кажется, и в самом деле не обратил внимания на то, что подчиненный его не слушает. – Не было у нас таких технологий, даже похожего ничего не намечалось. Может, все-таки удалось нам повлиять, так сказать, на исторический процесс? Изменили ход событий, пускай не на много, но все же – и вот, как результат этого, новые технологии. А? Как думаешь?

Новые технологии? Сколько часов прошло с того момента, когда они с Натальей обсуждали эти самые «новые технологии», обсуждали вроде бы в шутку, и девчушка с таким жаром доказывала, что, если им удалось «повлиять на ткань истории», то новые технологии запросто могли появиться... А теперь об этом говорит шеф, говорит, кажется, на полном серьезе, и до Натальи ему, по-видимому, нет никакого дела.

Виктор, не говоря Анатолию Андреевичу ни слова, пошел к компьютеру.

– Витюш, ты куда? – Не понял шеф.

– В игру.

Директор и в самом деле не поймет, он хороший мужик, но для него ничего нет, кроме идеи.

– Виктор, я с тобой разговариваю!

– В игру, Анатолий Андреевич. Ее надо вернуть. Сейчас я определю, какое именно сражение она выбрала, и отправлюсь туда же.

Шеф глядел с интересом.

– Вить, ты уверен, что со своими восьмьюдесятью с копейками попадешь туда же, где она? А даже если попадешь – уверен, что сумеешь ее там найти?

– Уверен, – буркнул Виктор, хотя на самом деле с каждым произнесенным шефом словом уверенность его таяла, как снег на солнце. Он и в самом деле уподобляется самой Наталье, которая, придумав что-то, немедленно бралась это «что-то воплощать», не продумав до конца. Вот как, например, с попыткой прорваться к Масленникову, окончившейся расстрелом ее аватара. Кстати, может, именно расстрел и приблизил ее к «точке невозврата»?

– Как ты собираешься ее искать? – все жестче продолжал шеф. – Будешь ходить и спрашивать каждого командира танка, не он ли случайно Наталья Всеволодовна Нефедова? Как думаешь, после какого по счету вопроса тебя отправят в психушку? Или, скорее, в особый отдел?

Нет, шеф, конечно, прав... Только что ж теперь, сидеть, сложа руки?!

– А если ты ее найдешь, каким образом ты собираешься ее вернуть? Застрелишь? А если она и в самом деле дошла до точки невозвращения – ты понимаешь, что, убив ее там, ты и здесь получишь труп?

– Мне нужно будет просто убедить ее вернуться, – хмуро ответил программист.

– Чего?! – глаза Анатолия Андреевича стали большими и круглыми. – Что значит – убедить?!

– Ну, она сказала, что может вернуться просто так, не дожидаясь гибели своего персонажа, – пояснил Виктор. – Она и из второго расейняйского сражения именно так вернулась...

Глаза Анатолия Андреевича буквально вылезли из орбит.

– И ты молчал! – заорал он, багровея. – Почему ты не сказал об этом сразу?!

– Вы сказали нам самим на связь не выходить, разве что – в экстренном случае, – пожал

плечами программист.

Лицо шефа медленно возвращалось к нормальному цвету.

– Этот случай как раз экстренный, – буркнул он. – Ты, понятное дело, знать об этом не мог, но хоть подумал бы... А, ладно, – он махнул рукой. – Чего после драки кулаками размахивать... Ладно, давай-ка с тобой сядем да и подумаем, как следует, что ты станешь делать, если тебе действительно удастся прорваться туда, в то же самое время. Ты понимаешь, что *момент нужно высчитать чрезвычайно точно* ?

Виктор пожал плечами. Кто его знает, что шеф имеет в виду. Сам-то он, Виктор, уж точно не понимает, на что намекает Анатолий Андреевич.

– Да ты, батенька мой, похоже, оглупел! – Шеф, видно, догадался о его мыслях. – Окажись на месте Натальи любой другой игрок, можно было бы разрабатывать *стратегию поиска* , и все. А с этой непонятной девицей... Понимаешь, если ты случайно попадешь хотя бы на пару дней позже, а она сумеет в какой-то момент кардинально изменить ход событий, то *твоего времени может попросту не существовать* ? ! Ведь все пойдет по-другому... То есть тебе надо попасть *раньше* , но не намного, а то там тебя грохнут просто, и ты здесь очнешься, а пользы-то – ноль.

Он глубоко вздохнул, став вроде бы как-то поуже в плечах и даже поменьше ростом, и потянулся в карман. Как выяснилось – за таблетками.

– Знаешь, Вить, времени терять нельзя. Даже с учетом того, что мы пока не знаем, достигла она точки невозвращения или нет. Давай-ка думать.

Достигла или не достигла... И так плохо, и эдак. Если уже достигла – вернуть ее не получится. Если нет, он попытается не только найти, но и уговорить вернуться, пока не стало поздно, а что потом? Потом пристрелить шефа, если он попытается заставить девушку вернуться в игру снова?!

– Вить, планы по моему убийству будешь разрабатывать потом.

Он что, и в самом деле ясновидящий?!

– А если достигла уже точки невозвращения, что мне делать тогда?

– Тогда передашь ей инструкции, что и когда она должна будет сделать. Только, – шеф почесал вертикальную складку на лбу, – только шансов, что у тебя что-то получится, очень и очень мало.

Спустя час их отвлек телефонный звонок. Шеф выслушал, кивая и мрачняя лицом все сильнее и сильнее.

– Да, Витюш, точку невозвращения Наталья прошла, – сообщил он, повесив трубку. – Так что придется и в самом деле тебе отправляться. А еще... еще поможешь нашему Ивану Адамовичу составить ее психологический портрет. Как думаешь, она, догадавшись, что не может вернуться, захочет ли отыскать других таких же? И по каким признакам можно будет отыскать ее?

Еще одна задержка, но, пожалуй, шеф прав: психологический портрет может помочь другим игрокам. Он найдет ее сам, в этом нет сомнений... почти никаких, но, мало ли?..

– Ты не переживай, тем временем ребята как можно точнее рассчитают для тебя точку входа в игру.

Виктор кивнул.

Глава 16

Советский Союз, период Великой Отечественной войны (точное время и место не определены). Наталья

Все мы, как говорится, крепки задним умом. Ну, может, не все, но я – точно. Нет бы задуматься, почему так все произошло с попыткой повлиять на события, связанные со

взятием Пскова! Ведь у меня было время! Может быть, если бы я попыталась хотя бы поделиться с Виктором своей историей, я бы смогла догадаться. Но – нет. Не суждено было мне догадаться, что не попала я под Псков в сорок четвертом по той простой причине, что – удалось! Мне ли с моим Расейняйским сражением или кому-то другому из игроков, но удалось-таки изменить ход войны. Насколько существенны эти изменения, я даже представить не могла, но, по крайней мере, в феврале сорок четвертого в сорок второй армии понятия не имели, что такое линия «Пантера». Не лгали, не лгали мне ни сухощавый без погон, ни расстрелявший меня майор.

Зато пришла мысль крайне своевременно – в момент запуска игры, так что я сейчас даже не знала, где и когда нахожусь. Это немного напрягало. Ну, да ничего – это я не знаю, а мой аватар знает, так что мне следует просто на время забыть, что я – это я.

Понимание пришло буквально через несколько минут, накрыв с головой: *я не знаю, где я и когда*. Одно понятно – зима. Почему-то на этот раз память реципиента упорно отказывала мне именно в этом. То есть свое звание, имя и имена бойцов я помнила, а вот – где именно мы находимся... Только – приказ: взять станцию. Ну, и ладно. Вспомнился один из первых походов, когда в качестве руководителя впервые пошел Лешка Снегирев, и мы заблудились. Лешка сперва долго терзал GPS, который упорно выдавал сообщение об отсутствии связи, потом – карту, а потом самый старый и самый, надо сказать, пофигистический участник нашего похода, позевывая, сообщил, что раз мы уже находимся на дороге, то в любом случае выйдем к какому-то населенному пункту. А когда выйдем, тогда и узнаем, как он называется.

Ну, что же, воспользуюсь умным советом. Возьмем станцию, тогда и узнаем ее название.

Земля грохочет от залпов, чадный дым стелется над самой землей. Земля белая, укутанная снегом, дым черный... Кинохроники снимались на черно-белую пленку – не было тогда цветной. И, как выясняется, и не нужна она: война – она такая и есть. Монохромная. Черно-белая. И еще, понятное дело, красная. Но красное – это потом. А пока: белое – поле, черные – танки с нанесенными на лобовую броню желтыми крестами... Странно, но сейчас, в этом противостоянии мне думалось только об одном: сможет ли это поле, перекореженное гусеницами танков – и наших, и фашистских, изрытое, израненное, испоганенное, сможет ли оно когда-нибудь восстановиться? Дать урожай? Будет ли когда-нибудь на месте этого черно-белого нежная зелень молодых ростков? Впрочем, будет... Земля обильно удобрена: разложившиеся человеческие тела – прекрасное органическое удобрение...

– Бронебойным...

Против нас – «тигры». Значит, как минимум – начало сорок третьего: «тигры», насколько я помню историю, впервые пошли в бой в конце августа сорок второго. А сейчас зима.

Заряжающий мешкает, я ругаюсь. Вот же прислали... бестолкового. У меня был прекрасный заряжающий – погиб совсем недавно и так нелепо... В уже освобожденном городке от руки пьяного фашистского пособника... Но почему же память подсказывает мне совсем другую дату? Упрямо твердит о том, что на дворе – *самое начало года сорок второго?!*

– Тебе сколько лет, Коньков?! Что ты как это самое...

– Двадцать через два месяца будет, товарищ лейтенант, – обстоятельно отвечает заряжающий. – В марте. Я с двадцать второго года.

Двадцать? Сейчас, стало быть, все-таки сорок второй?!

Кажется, я спросила это вслух, потому что экипаж мой вдруг замер. Нет, все продолжали делать свое дело, но при этом казались застывшими. Я рассмеялась – получилось довольно неестественно.

– Что-то заговариваться я начинаю... Показалось вдруг на секунду, что год уже... сорок четвертый...

– Сорок второй, командир, – подал голос стрелок.
– Сорок второй, сорок второй, – прогудел похожий на шмеля мехвод. – Если б мы тут – да в сорок четвертом, нам бы за такое руки поотрывать надобно... И не только руки.
– В сорок четвертом войны уже не будет, – поддакнул стрелок.

Угу, не будет, конечно... Хотя... А вдруг и вправду – не будет?! Ведь я и – ну, пускай не сотни, пускай, с десятков игроков, – мы тут для чего?! Как раз для этого самого... С другой стороны, если – сорок второй, да еще и – январь, так откуда тогда здесь «тигры»?! Объяснение этому может быть только одно: там, *с той стороны*, есть такие же игроки, которые стремятся к совсем противоположной цели. Небось мечтают о победе «Великой Германии», сволочи! А что – запросто! Вряд ли идея «улучшить историю» посетила исключительно Витькиного шефа. Может, какого-нибудь сторонника «превосходства арийской расы над прочими» – тоже. Вон даже среди наших, российских пацанов, сколько скинхедов, а кто они, как не фашисты?! Некоторые даже приветствие нацистское используют... Так почему таким не быть среди немцев? Нет, хрен вам копченый, а не «Великую Германию». О том, что «за Великую Германию» может играть кто-то *из наших*, не хочется даже думать.

Блин, нашла время для размышлений – нас сейчас поджарят прямо здесь! «Тридцатьчетверке» против «тигра» в лобовой не устоять. Правда, можно повторить фокус с заклиниванием башни, только слишком уж много немецких танков, и слишком плоское поле, и...

Сзади, подвывая, вступают в бой «катюши». Может быть, именно поэтому мы не сразу слышим стройный гул в небе. Самолеты. Наши! Все, мы не одни – сейчас фашисты попляшут!

Вверх вздымается белый фонтан, затем еще один.

Первый танк загорается – чадно, жарко; второй останавливается – мне пока не видно, что с ним произошло, но, по крайней мере, на первый взгляд он цел. Ствол третьего расцветает огнем, но снаряд до нас не долетает вообще, а уже через секунду сам танк превращается в огненный многолепестковый пион.

Радист протягивает мне «уши» – мы меняем направление. И верно: с танками тут разберутся и без нас. А нас ждет станция – все еще безымянная, занесенная снежной пургой. Вот и хорошо, что дороги нет – танку дорога неважна, а фрицам не уйти.

Станция была ярко освещена, что-то прогудело – паровоз!

«Впереди автоколонна. Атаковать». И так понятно, что атаковать. Наш танковый батальон открывает огонь.

В автоколонне около тридцати машин. Соседи уже стреляют, а мой Коньков все никак не может справиться со снарядами. Послал боженька подарочек... Матерясь, я помогаю ему отправить снаряд в казенник, выбираю цель. Чем мне эта машина нравится больше других – я не знаю, зато абсолютно уверена: *моя цель – именно эта машина*! Залп! Ух, чуйка у меня замечательная! У меня ли, моего ли аватара, но наш снаряд попадает в машину с боеприпасами. Классный фейерверк! А за языком все же надо следить: произнесу слово «фейерверк», и – милости просим в немецкие шпионы...

Свист и гулкое буханье – это взрываются патроны и снаряды. Очень удачно взрываются, к слову; один из немецких танков подпрыгивает на месте и застревает в смешной позе, как будто собака такса, пытающаяся выковырять из норы мышь-полевку. Из него выпрыгивают немецкие танкисты и почти сразу падают, скошенные огнем пулеметов.

Его что, взрывом сдетонировавшего снаряда подбило?! Если б мне кто такое сказал, решила бы – полный бред. Однако...

Четыре «тридцатьчетверки». Откуда? Почему – с той стороны?

– Командир, это фрицы на наших танках! – кричит мне заряжающий, и я, приглядевшись, замечаю кресты.

– Бронебойным... огонь!

Как подбить «тридцатьчетверку», я знаю хорошо. Нас учили. А мы еще, дураки, тогда смеялись, дурни: дескать, зачем нам знать, как собственные танки уничтожать?

Кто из нас попал, а кто – нет, не имеет никакого значения. Чего считаться? Главное, что загораются три из четырех одновременно; четвертый, хоть и с опозданием, тоже вспыхивает; из него прыгают пылающие фигурки, валятся, словно срезанные серпом. Это не наши – это один из подбитых первыми танков открывает огонь по своим.

– Вот же ж фрицы! – удивленно вскрикивает Коньков. – В падлу им, значит, чтобы хоть кто из ихних в живых остался!

– Зажигательным...

Мы снова влупили хором. Наш снаряд попал в опорный каток, выбив его. В этот момент выстрелил один из «тигров». Тот самый, который расстреливал своих. Но нам сегодня просто несказанно везло: в поле торчала вмерзшая в землю соха, а может, какое другое крестьянское орудие; болванка зацепилась за эту штуковину, снесла ее в ореоле искр и немного изменила направление. Совсем чуть-чуть, но этого хватило: снаряд пролетел мимо. Всего в нескольких сантиметрах, но мимо. А то быть бы нам без башни!

Больше ни одного выстрела фрицы сделать не успели.

Отдельно стоящее кирпичное здание – интересно, что здесь было раньше? Из него выскакивают фрицы – полуодетые. Настолько не ожидали? Белые нижние рубашки, перечеркнутые подтяжками. У одного в руках Stielhandgranaten 24, известная у нас как М-24. Он выдергивает шнур, я вижу все это, словно в замедленной съемке, размахивается. Ну, во-первых, с М-24 против танков – это вообще смешно. Во-вторых, кинул он ее метров на тридцать, а до танков, скорее, триста. Нервы? Или фрицы согревались водочкой? А согреваться им и впрямь не помешало бы, морозец-то больше тридцати градусов...

Граната не взорвалась. То ли заряд слежался, то ли, что скорее, терочный запал отсырел. А может, он просто неудачно дернул – с этими «колотушками» всегда так: недостаточно резкий рывок – и гранату можно выбрасывать. Я знаю, сама пробовала; есть у меня приятели, увлекающиеся реконструкцией сражений, они приглашали на «гранатометание». Stielhandgranaten 24, понятное дело, были новыми, но изготовленными с точным соблюдением технологии...

А у нашего приятеля, оказывается, есть еще одна!

– Огонь! – отдаю я команду стрелку; стрелять из пушки нет смысла – фрицев сейчас и так выкурим, а здание потом восстанавливать...

– Товарищ командир, а он шнурок выдернул, – с опаской сообщает Коньков. – Не взорвется?

Я качаю головой.

– Если в течение восьми секунд не взорвалась, так и не взорвется.

Во всех справочниках, правда, написано, что временной промежуток между выдергиванием шнура и взрывом составляет четыре с половиной секунды, но тогда, когда «гранатометанием» занималась я, взрывались они не раньше, чем через восемь секунд. Впрочем, может, парни просто что-то напутали с технологией.

Откуда-то слева вдруг выскакивает бронетранспортер с флажком на правом крыле.

– Осколочно-фугасным...

Я влепляю ему снаряд в бок и сразу – следующий. Оба попадают в цель и взрываются, разбрасывая вокруг огненные брызги.

Станция... Вагоны, товарные, темно-зеленые... Кажется – наши, советские, но с нанесенными латинскими буквами – немцы во всем любят порядок: захватили вагоны – внесли в реестр, присвоили номера... Открытая платформа, на ней – автомобиль. Новый. Сверкает хромированными деталями... Другие пути – тут товарный состав. Полувагон, в нем – горой! – земля. А ведь читала где-то, что фрицы вывозили из Украины чернозем, читала, что неправда. Выходит и в самом деле вывозили?! А дальше, что-то белое... Соль, что ли?

Они что, *все* отсюда тащили к себе?! У них что, соли своей нет, что ли?!

Рядом с цистерной группка бойцов; в центре – самый мелкий и самый молодой, рядовой Коньков. Мой заряжающий. В бою от него толку было мало, зато сейчас – герой героем! Что-то рассказывает, шутит – и сам смеется своим шуткам.

Я подошла поближе.

– Угощайтесь, товарищ лейтенант! – Он протянул мне кисет. – Это хорошая махорка, сибирская! Это мне сегодня прислали. – Оттопыренные уши его на фоне всеобщей белизны казались совсем малиновыми.

– Кто ж это тебе прислал? – весело поинтересовалась я. Я уже знала: сибирская махорка лучше, к примеру, саратовской. Я, которая в той, другой, жизни не брала в рот лучших сигарет.

– Девушка... Антонина... – Уши его покраснели еще сильнее, хотя, казалось, сильнее уже некуда. – Я переписываюсь...

Угу, переписывается он. А только час назад я видала его рядом с одной из девушек-регулирующих. А до этого вроде с какой-то связисткой его видали. Кобелина... Хотя к Конькову это название не очень-то и подходило: маленький, худенький, лопоухий, с круглыми детскими глазами... И что только девушки в нем находят? Я сама обратила бы внимание на такого?

Сзади густо хохотнул старшина Прудков:

– Любят тебя девки, Коньков. За что только? За то, што мелкий ты такой, штоль?

– А он у них материнские чувства вызывает, – заржал Карапетян. Вот ему, наверное, завидно должно быть: рослый красавец с томными южными очами, а девки почему-то Конькова выбирают. – Такого только и хочется, что к груди прижать да по головке погладить.

Ну, сейчас начнутся шуточки. Что называется – «гусары, молчать!» Но вмешаться я не успеваю – всеобщий гогот перебивает Поприщук, самый пожилой в нашей роте. Перебивает, не повышая голоса:

– Ты, энтэ... вот что, парень... У меня самого четверо девок дома осталось. Так я тебе вот что скажу. Увижу, что волю рукам даешь – отобью нахрен. Только не руки. И мне за это ничё не будет, потому как – по справедливости. Понял?

Вот теперь у Конькова багровеют не только уши, но и щеки.

– Да я ж ничего... – бормочет он, а Поприщук сводит в одну линию густые пшеничные брови.

– Да и я ничего... пока. Вон у соседей уже троих по беременности комиссовали. Кому война, а кому...

– Да у меня серьезно! – оправдываясь, лепечет Коньков, а Карапетян, хлопнув его по плечу, кивает:

– Угу. И с Антониной, и с Людмилой, и с Ленкой... Серьезный ты наш.

Прудков тоже согласно кивает:

– Прав Поприщук-то, прав. И, ежели что – дак и я... подмогну. Не дело девок портить – вообще, а сейчас-то – и давно.

– Воздух! Ложись!

«Мессеры» появились внезапно. Как же так – никто не услышал их характерного гула?! И почему – истребители, а не бомбардировщики?

Кто-то пытался втиснуться в щель, в которую по мирному-то времени и десятилетнему ребенку не сунуться. Кто-то падал плашмя на снег, прикрывая руками голову. Хорошая маскировка, ничего не скажешь: темные фигуры на белом снегу ну прям-таки незаметны, особенно сверху...

Краем глаза я заметил девушку-медсестричку, которая, сжавшись в комок и прикрыв руками уши, прислонилась к бочке. Вот дуреха – бочка-то с горячим! Ее надо оттащить! Я рванула с места, и тут же около ног заплясали белые фонтанчики. Это были только пулеметы, но хватило и их: через секунду на месте бочки полыхал гигантский факел.

Девушка, видимо, погибла на месте.

Где-то сбоку дробно заговорили зенитки, и самолеты, выполнив красивый вираж, ушли назад. Ушли, а нам остались трупы, к которым уже было не привыкать, и... Такого мне до сих пор видеть не доводилось: маленькие, черные, обугленные мумии. Вот что остается от человека после... после... И запах – запах горелого мяса, сладкий до тошноты. Я только успела подумать о том, как хорошо, что я не успела ничего съесть, и тут же меня начало рвать желчью. Рвало долго – не только желудок, но и кишечник просились наружу.

– На, – Кто-то осторожно похлопал меня по спине. Поприщук протягивал мне флягу. – Хлебни!

С трудом сдержав очередной порыв рвоты, я глотнула. «Ты налил даме водки? – Как можно, Мессир?! Чистый спирт!» Жидкий огонь обжег одновременно и горло, и желудок, и, кажется, даже мозг, но – попустило.

Я хлебнула еще, протянула флягу хозяину.

– Спасибо...

Поприщук мрачно кивнул, потом сделал несколько быстрых шагов в сторону, наклонился над чьим-то телом...

Рядовой Коньков лежал на спине, запрокинув голову, и его детские, круглые, недоуменные глаза были такого же цвета, как небо – сейчас уже мирное, безмятежное...

Поприщук стащил с головы шапку и крепко сжал ее двумя руками.

– Ай, я дурак старый... ни парню, ни девке жизни дальней не было... пускай бы любились, а я...

Знакомая картина – те, кто выжил, всегда считают себя виновными перед теми, кто погиб. Виноват в том, что не разрешил. Или – заставил. В том, что поссорился или не успел извиниться... Виноват просто в том, что остался в живых, и теперь должен жить *вместо* ...

– Слышь, лейтенант, похоронить надо бы...

Надо. Похороним. Всех – ведь погибли не только ребята из нашей роты. И удержать, не позволить врагу отбить назад эту станцию, названия которой я так и не узнала.

Германия, июль 1943 года. Недалеко от Берлина. Наталья

Июль сорок третьего. Германия. До Берлина – практически рукой подать. Июль сорок третьего – на год и десять месяцев раньше, чем на самом деле! Хотя теперь «на самом деле» акт о капитуляции Германии будет подписан не второго мая сорок пятого, а буквально через несколько дней. Победа! Победа... И в том, что она придет раньше, есть и моя заслуга. Может, не очень большая, но – есть. В этот раз – точно есть! В этот раз...

Я хорошо помнила свой первый бой *в этой реальности*. Все, как обычно: смесь эйфории, ощущения собственной всесильности, непобедимости, бессмертия – и грязь, пот, вонь, кровь, ошметки человеческих тел, искореженные деревья, разрушенные дома, горькие и одновременно злые слезы, когда хоронишь своих...

Потом – короткая передышка для зализывания ран, и – дальше. На который день я почувствовала, что что-то не так? Наверное, только спустя неделю, а может, даже больше, я затосковала. По родителям, по Виктору, даже по Анатолию Андреевичу. Мне безумно захотелось вернуться домой. Хотелось узнать, есть ли какие-то известия об убийстве Сильвестра. И я попыталась. Попыталась вернуться. Хотя и корила себя за малодушие, но оправдывала свое желание тем, что я вот только на чуть-чуть... вот только маме позвоню... и сразу – назад, сюда, в это же самое время. Но у меня ничего не получилось. Раз, второй... Когда я попробовала в третий раз – и с тем же нулевым результатом, я запаниковала. И напилась. Нам как раз выдали полагающуюся водку, а старшина из взвода снабжения раздобыл спирт... Так плохо мне не было ни до того, ни после, хотя, надо признаться, выпила я куда больше, чем могла бы в своем, женском теле. Потом я с кем-то подралась, что-то кому-то доказывала, рассказывала о том, как попала сюда – хорошо, что это приняли за пьяный бред, – искала других таких же *игроков*... Кажется, даже пыталась застрелиться,

по пьяни предположив, что, застрелившись, попаду в родное мне время.

Помню только возникшее надо мной суровое бритое лицо – шрам, пересекающий щеку, делал его еще более отталкивающим. Наш особист, мрачный тип, всегда державшийся особняком, которого мы все избегали и даже в какой-то мере побаивались, навис надо мной, а потом сухоощая, но сильная рука ухватила меня за ворот и, резко дернув, подняла в воздух. Я не касалась ногами земли, чувствуя себя котенком, которому мама-кошка устраивает взбучку, а особист тряс меня и не кричал, не говорил даже – шипел:

– Ах ты ж, сучонок поганый! Ах ты ж рыло ...о! В рот тебе твои портянки!

Лицо его оставалось белым, шрам же налился багровым. Смотреть на него было тяжело, и я зажмурилась. Он же, продолжая трепать меня туда-сюда, говорил:

– Ты ж что такое удумал, поганец! Дезертировать вздумал?! Ты на себя руки наложить решил? Или ты всех друзей своих угробить вздумал?! Сейчас, когда каждый человек на счету?! Да ты Родину предаешь, ... малолетний!

Именно это слово и привело меня в норму – «дезертировать». И ведь и вправду, я – дезертир! Я, бившая себя кулаками в грудь и обещавшая отдать все для того, чтобы изменить ситуацию в родной стране к лучшему. Нервы у нее, видите ли, не выдержали! А как все остальные – те, которые родились в этом времени и которым некуда удрать – как собиралась удрать я?

И потом, с чего я вдруг решила, что, застрелившись, вернусь домой? Может быть, я застряла тут навсегда? И, погибнув здесь, не сумею вернуться – и мое тело *там* тоже умрет?

Два месяца мне было тошно, а потом... Время шло, и предыдущие двадцать пять лет жизни стали казаться нереальными. Словно я когда-то смотрела интересное кино, когда-то давно, и фильм, несмотря на всю свою увлекательность, стал подзабываться. Пожалуй, единственными яркими пятнами на блекло-сером фоне воспоминаний оставались родители и Виктор. В которого я, кажется, все-таки втюрилась. Говорят, что расстояние – лакмусовая бумажка для чувств: сразу становится ясным, есть ли они на самом деле или просто выдумка, обман. Между нами было не расстояние – время. Больше семидесяти лет. Да и вообще смешно – я-то сейчас мужик... Впрочем, я уже настолько привыкла к своему новому телу, мужскому, что уже порой начинала сомневаться, была ли я когда-то девушкой Натальей, родившейся в начале двадцать первого века, или – все это бред, привидевшийся мне однажды в госпитале после тяжелого ранения?

Единственное, что я вообще могла сделать – это попытаться как-то разыскать других игроков. Хотя бы одного – найти и попросить, чтобы как-то связался с Виктором... Угу, Виктор сидит в бункере, с ним фиг свяжешься. С родителями? А что им можно передать? Что их дочь застряла в сорок втором году?! А по поводу моего, гм, тела их, наверное, уже поставили в известность...

Но все равно, хотя бы убедиться в том, что все это – не бред! Только вот, как искать? Нужен какой-то условный знак, только какой? Можно написать что-то на танке, как польские танкисты написали в книге – «Рыжий». Написать-то можно, а что? Что-нибудь такое, что ничего не говорило бы моим теперешним современникам, зато имело бы смысл для современников бывших?

В голову, как на зло, ничего не приходило, пока однажды мехвод соседнего танка, простуженный и, как следствие, основательно гундосый, не пришел за какой-то консультацией к моему механику и не поздоровался.

В его устах это прозвучало так:

– Прэвэд.

Мои хлопцы что-то съехидничали, а меня словно озарило. Вот оно! Ну, пускай этот прикол не новый, «падонкаффский» язык уже использует мало кто, но, по крайней мере, о нем многие слышали! Так что если на танке будет написано «Превед», а еще лучше «Превед, медвед», то меня смогут понять... такие же, как я.

Оставалось объяснить своим бойцам, что означает эта белиберда. Вернее, уговорить их,

что ей, белиберде этой, место на броне. Уговорила, сочинив душещипательную историю о придуманном мальчишками со двора языке и о том, что такое приветствие не может остаться незамеченным, а ведь разминуться с другом детства в военное время так просто...

Возражений никаких не возникло, напротив, мой заряжающий, веселый молодой парень из Ставрополя с характерным говором, даже помог мне выполнить надпись – у моего теперешнего аватара руки в этом плане явно росли не из нужного места.

Машина честно прослужила нам год и два месяца, сторела, взамен ее мы получили новую, которую тоже украсили соответствующей надписью – и это тоже не привело ни к каким результатам. Время шло, а ни один из моих «товарищей по несчастью» так и не объявился.

– Командир, новый приказ – прорываемся в другой район, на северо-запад.

Голос радиста отвлек меня от воспоминаний.

Головной танк поворачивает, мы – следом. Несемся вперед. Везде ужасающие следы бегства. Брошенный автомобиль с вывернутым наружу правым передним колесом, рядом – белая лужа: то ли молоко разлили, то ли сметану. И – смрад. Кто-то достаточно большой сдох. Или помер, что, впрочем, не так-то и важно. Ага, вон мертвый немецкий солдат около исковерканной взрывом самоходной пушки, рядом – еще двое.

Едем дальше.

На обочине – молоденькая девушка в чистеньком чепце, миловидная, словно сошедшая со страницы какого-нибудь журнала. Лицо безумное. С такими лицами бросаются под танк, но девушка просто опускается на колени прямо там, на обочине, и, прижимая сжатые руки к груди, что-то шепчет. Мы проезжаем мимо – нам не до нее.

Еще метров через пятьсот головной танк вдруг открывает огонь. Нам пока не видно, в чем дело, но мехвод, поджав губы, прибавляет скорости. Мы выныриваем из-за поворота.

Немцы. Целая колонна: почти два десятка машин с пехотой, какие-то телеги.

Мы открываем огонь без приказа – зачем приказ, если головной командирский танк явно показал, что нужно делать?

– Осколочный...

Несколько залпов осколочными, потом переключаемся на шрапнель. Звуки выстрелов и взрывов смешиваются со ржанием коней. Мне опять жаль коней. Людей – нет, они виноваты, они, пускай, даже выполняя приказ, приперлись на чужую землю, жгли, вешали и всячески измывались даже над мирным населением. Лошади не виноваты, но, к сожалению, это реальность, а не фантастика, и выжить лошадям в устроенной нами мясорубке просто нереально.

Через пятнадцать минут все кончено, и мы продолжаем продвижение вперед, оставляя за собой кровавое месиво. Механики, разумеется, не собираются объезжать разбросанные по дороге трупы... Позеленевший заряжающий вдруг зеленеет еще больше и начинает судорожно зажимать руками рот.

– Останови, – велю я мехводу. Заряжающий свешивается через люк в башне, нам слышны вполне конкретные звуки – его, кажется, не просто рвет, а выворачивает наизнанку. Он самый молодой в экипаже, ему простительно, но он все равно чувствует себя смущенным. Виновато бросает взгляд на меня, но я не смотрю на него, разглядывая карту. Обводит глазами остальных, но на него никто не глядит, и мальчишка успокаивается.

Вообще, мои бойцы в эти дни балагурят куда меньше, чем обычно. Кажется, что это связано с тем, что – почти все! Еще немного, последний рывок, и война окончена... Нам можно будет возвращаться домой. Мне и моему экипажу. Машина у меня вторая, а экипаж... Эх, скольких ребят мне пришлось за это время потерять – не могу даже сказать «схоронить», потому что подчас и хоронить-то было нечего.

Скрытые огневые точки врага лихорадочно плевались свинцом. Ракета, разорвавшись наверху, рассыпалась мириадом звездочек. Гулко ударили две зенитки. В небе сверкали

вспышки разрывов. На опушке – остовы сожженных машин, рядом – два брошенных танка.

Немцы готовят контрнаступление. Придется рыть ловушки для танков. Мне уже приходилось это делать – и в этой реальности, и в других... Впрочем, пора привыкать, что теперь для меня есть только одна реальность – вот эта.

По голубому летнему небу рассыпались белые и черные облачка разрывов – это ударили зенитки. Теперь в разрывах хорошо видны вражеские самолеты. «Юнкеры» летели двумя группами, не обращая внимания на огонь с земли.

Вдруг первый, завалившись на правое крыло, начал пикировать вниз. Взвыли сирены – эта атака – еще и психологическая. Которую не преминул прокомментировать мехвод:

– Сами боятся, сволочи, вот и нас пытаются напугать.

Кто-то из бегущих впереди пехотинцев опустил на одно колено, выстрелил – как будто самолет можно подстрелить из автомата. Гулко бухнули зенитки. Танк дернулся, словно решив клонуть носом, и встал.

Мехвод негромко матюгнулся, дернул рычаг, налег всем телом. Танк недовольно взрыкнул, еще раз дернулся дернулся – и поехал.

И в тот самый момент, когда он тронулся с места, метров на двести впереди нас ткнулся рылом в землю подбитый «Юнкерс». Упал прямо на «тридцатьчетверку», которой командовал Вовка Баранов. От удара сдетонировал боекомплект, и еще через несколько секунд жаркое, чадное пламя поглотило обе машины и находящиеся в их чревах людей.

Глупо погибнуть почти в самом конце войны. И еще глупее – погибнуть так по-дурацки. Даже не от шальной пули, а от того, что тебе на голову свалился вражеский самолет. Но вскоре на наших глазах произошла гибель еще более нелепая.

Мы заняли небольшой немецкий городок. Тихий, чистенький. Все выметено, выбелено и покрашено, в середине – площадь, на площади – ратуша, напротив – кирха. Заняли, в общем-то, почти без боя, если не считать удиравших на машине эсэсовцев, по которым пальнули из пушки только из-за того, что стрелять из пулемета было лень – как пояснил потом командир производшего выстрел танка.

Навстречу нам вышел бургомистр – пожилой человек с лицом бульдога; на аккуратном белом полотенце он держал ключ – видимо, имелось в виду, что это ключ от города. Ха, ключ, там и ворот-то никаких не имелось. Но – красиво. Бойцы посмеялись, бургомистра похлопали по плечу, пытаясь на ломаном немецком пояснить, что ни ему, ни жителям его городка ничего не угрожает. А потом стали размещаться по домам.

Мой экипаж разместился в сарае, благо конец лета, тепло, а спать на душистом сене – одно удовольствие. Попили холодного молочка, принесенного молчаливой хозяйкой, поглядели на звезды – здесь, в двадцати километрах от Берлина, небо казалось совсем не таким, как дома. Звезды ли были менее яркими, или просто настолько домой хотелось, но мы в один голос согласились с тем, что дома небо совершенно другое.

Улеглись спать, уже за полночь, но уснуть так и не успели. Сперва – истошный женский крик, потом – выстрелы, а потом – словно эхом, выстрелы на другом конце городка.

Мы побежали туда, где ближе.

Окна почти всех домов освещены, некоторые жители толпились около входа в небольшое здание с желтыми стенами; некоторые, видимо, побаиваясь, оставались на улице.

Туда нас не впустили: вход охраняли двое бойцов с автоматами. Наконец дверь отворилась, оттуда, держа в руках шляпу, вышел сгорбленный бургомистр, потом двое вынесли прикрытые какой-то тряпкой носилки, а потом, с заложенными назад руками, оттуда вышел Колька Бугаевский. Наш однополчанин, прошедший всю войну и награжденный медалью «За отвагу». Что же произошло?! Нам никто ничего не объяснял. Мы поняли только, что Колька почему-то пристрелил женщину. Она ему угрожала? Пыталась убить? Но в доме не было никакого оружия...

Понятное дело, спать мы больше не ложились. Бойцы экипажа Бугаевского тоже не могли ничего объяснить – они ночевали в сараюшке, в отличие от своего командира,

который пожелал устроиться с комфортом.

– Подставили его, – коротко сформулировал Билялетдинов, комсорг роты. – Ни за что не поверю, чтобы Николай на женщину руку поднял. Вот не поверю – и все.

Но мы могли только строить предположения. О том же, что произошло на другом конце городка, не было известно вообще ничего.

Наутро на площади был построен весь личный состав. Вывели Бугаевского и капитана Фирсова из мотоциклетного батальона – в гимнастерках без ремней. Фирсова мы недолюбливали: пройдоха тот еще. Но Колька? Мы столько лет воевали бок о бок, он был бесстрашным бойцом, смелым и справедливым командиром... Что же произошло?!

Незнакомый майор с каменным лицом зачитал приказ, из которого следовало, что капитан Бугаевский и капитан Фирсов повели себя несовместимо с высоким званием бойца Советской Армии и приговариваются к расстрелу. Потом было предоставлено последнее слово обвиняемым.

Фирсов бросился на колени.

– Братцы! Да что же это, братцы! За какую-то немецкую сучку я отвечать должен?!

Из его бессвязных выкриков постепенно стала ясна картина: капитан, уверенный в собственной мужской неотразимости, предложил свою любовь хозяйке дома, в котором остановился на постой. Видимо, именно поэтому бойцов своих он заранее устроил вне дома. Но хозяйка предложения не приняла, и тогда Фирсов решил осчастливить ее насильно. Может быть, испуганная женщина и не сопротивлялась бы, если бы не крохотный ребенок, заходившийся криком в соседней спальне. Женщина вырвалась, чтобы бежать к ребенку, а когда Фирсов ухватил ее за руку, оттолкнула, да так, что он упал и ударился. Это настолько взбесило капитана, что он взял пистолет и выстрелил женщине прямо в сердце.

Как по мне, так эту сволочь надо было шлепнуть сразу же, как только стало ясно, что именно произошло. Вот из-за таких, как Фирсов, нас и недолюбливали; может, именно из-за таких кое-где нас считали не освободителями, а захватчиками! Но какое ко всему этому имеет отношение Бугаевский?! Он-то не мог...

Сухопарый майор махнул рукой, и шаг вперед сделал Николай.

– Ребята, простите... за все. Я виноват и должен понести наказание. Я поступил недостойно.

Больше он не сказал ничего.

– Приговор... привести в исполнение немедленно!

Кто будет их расстреливать?! За все время, что довелось воевать, мне ни разу не пришлось присутствовать при таком вот расстреле перед строем. Фирсов – гад, это ежу понятно, но все равно – свой! Как поднять руку на своего?! И, уж тем более, на Николая, о котором никто не мог сказать ни одного плохого слова...

Хотелось закрыть глаза, но я была вовсе не той девчонкой, что бросилась в свое время в авантюру под названием «Танковый клуб». Тогда игры были все-таки играми – как бы серьезно та девочка к ним не относилась, она всегда знала, что рано или поздно (причем скорее – рано) все равно окажется в своем собственном теле и в своем собственном времени. Сейчас... сейчас я, привыкшая к своему имени, к своему телу, даже в мыслях все чаще считающая себя мужчиной, знала: *дороги назад нет*. Все – на самом деле; закрыть глаза и внушить себе, что все было «понарошку», не получится. Сейчас вот здесь расстреляют моего друга, и мне с этим воспоминанием жить – столько, сколько мне осталось...

Сухопарый майор и еще один, тоже майор, встали над опустившимися на колени казнимыми. Два выстрела – и тела бьются в конвульсиях на земле. Это куда страшнее, чем давить танком живую плоть...

– Контрольный. Сделай контрольный, – говорит кто-то, но кто – я уже не вижу. Я не теряю сознание – я просто перестаю воспринимать все происходящее вокруг меня.

По команде «разойтись» мы отправляемся «домой», в приютивший нас сарайчик, и напиваемся. Вернее, пытаемся: мы мешаем самогон, раздобытый невесть у кого моим припасливым мехводом, с «казенной» водкой, с купленным у хозяйки местным пойлом и

еще бог весть с чем, но нас ничего не берет.

А потом приходит сержант Кайков из второго взвода и рассказывает нам, что именно случилось с Бугаевским. Тот попросил хозяйку принести ему ужин; хозяйка замешкалась, и он отправился поторопить женщину и вдруг заметил, что она подмешивает что-то в еду. Он решил, что его хотят отравить и, не долго думая, решил допросить женщину. Та клялась, что ничего подобного не делала, Бугаевский, который, несмотря на отказ от ужина, выпить все-таки успел, ударил ее, и в этот момент на него бросился сын женщины, мальчишка лет одиннадцати-двенадцати. Он хотел всего-навсего защитить мать, но хмель затуманил мозги, и Николай схватился за оружие. Он сам не понял, как это произошло, но через несколько секунд мертвый подросток лежал на полу, женщина, рыдая, ползала около его тела на коленях, а в соседней комнате надрывался малыш; его мать просто хотела украсть немного еды – именно в этот момент ее и увидел Николай и решил, что она что-то подсыпает в пищу.

Он сам позвал увиденного на улице солдата и велел сообщить в штаб. Вот и все.

– Выпьем за упокой души...

Мы пили «за упокой», хотя нам – троим комсомольцам и двоим коммунистам в этот самый «упокой» верить полагалось еще меньше, чем – в наличие души.

Стук в дверь показался похожим на гром, видимо, не такие уж мы были и трезвые.

– Вылезайте, пропойцы, – скомандовал майор Калюжный; лицо его сияло. Как же так? Ведь он тоже был с Бугаевским если не в дружеских, то хотя бы в приятельских отношениях. Если я все ему выскажу, меня расстреляют? Нет, наверное, – нет, майор честный человек и доносить не пойдет...

– Черти! Вы не понимаете! Победа, мужики, победа! – Калюжный, здоровый, как медведь, ухватил подмышки моего мехвода и подкинул. Поймал, поставил на место, подхватил второго. – Черти, да вы что – не понимаете?! Все, конец войне! Немцы капитулировали!

До меня дошло только тогда, когда сильные руки оторвали от земли и подкинули в синее августовское небо.

– Победа! – крикнул майор. – Победа!

– Победа! – завопили самые младшие – Билялетдинов с Кайковым, а за ними подхватили уже остальные.

Потом мы обнимались, целовались и пили; пели и снова пили. Бугаевский, столь нелепо окончивший жизнь за считанные часы до победы, был забыт. Все смешалось в праздничной, радостной круговерти. Победа!

Это был просто бесконечный день, а может, нам просто так казалось, может, мы просто пропустили смену дня и ночи.

Каждый старался выговориться, выговориться о том, о чем молчалось все долгие месяцы войны. О женах, ждущих дома и в одиночку растящих детей. Работающих на заводе в несколько смен. Поднимающих хозяйство. О самых красивых, любимых и ласковых.

Говорили, вытирая огрубевшими пальцами набегающие слезы. Я крепилась – знала, что уж если разревусь, так разревусь основательно: женское нутро властно давало о себе знать. *Только я* знала, что *здесь* Победа случилась на десять месяцев раньше. *Только я* знала о том, что там, в той действительности, которая была *историей моей страны*, случились Хатынь и восьмьсотсемидесятидневная блокада Ленинграда, там был почти полностью уничтожен древний Псков; в *той* действительности было Львовское гетто – и подавленное восстание гетто Варшавского. *Здесь* всего этого не было. В какой-то мере – и благодаря мне. И мне ужасно, ужасно хотелось поделиться этим хоть с кем-нибудь. Вот такое вот последнее проявление детства... Почему последнее? А потому что пора с ними заканчивать, с этими проявлениями. Это *там*, в недостижимом прошлом-будущем я была молоденькой девушкой Наташей; здесь взрослые двадцатипятилетние женщины восприняли бы *меня-прежнюю* как дурочку. Ну или как пятнадцатилетнюю малолетку, сдуру приписавшую себе возраст...

– Ты чего нюнишься, Горохов?

Голос вырвал меня из размышлений. Надо мной стоял политрук. Классный мужик. И... понимающий. Может, с ним поделиться? Он не поверит... сперва, но я ему докажу... Убедю... Или правильно – убеждаю?

– Товарищ майор, я...

Проклятая икота! Наверное, мне просто холодно...

– Иди и приведи себя в порядок, – жестко сказал майор. – Это не ты плачешь – это в тебе водка плачет. А не сумеешь взять себя в руки – она тебя и победит. Вот таких, как ты – сильных, красивых, – и побеждает. Потому что привыкли вы все слишком легко получать.

Это я-то – легко? Я?! Да если б он только знал! Да я...

– Ведро холодной воды на голову, – решил майор, – а лучше – два. А то вон у соседей, говорят, рехнулся парень. Такой же молодой, как и ты. Взбрело ему в голову, представь, что он сюда из будущего попал, чтобы на ход войны повлиять. Тоже небось намешал шнапса с пивом и еще какой гадостью. А в двадцать третьей бригаде вообще восемнадцать человек померло, только что вот сообщили. Бочку спирта нашли, а оказалось – антифриз. Так что, давай, через два часа ты мне нужен свежий, как огурец. Самые отличившиеся награждены поездкой в Берлин. Так что хочешь оставить на Рейхстаге свою подпись – поторопись. Потому как в *таком* виде я тебя никуда не повезу.

Здание Рейхстага пострадало, кажется, все же меньше, чем на самом деле. Господи, да когда я отделаюсь от этой дурацкой фразы?! «На самом деле» – это сейчас. И даже если Анатолий Андреевич ошибался, и исправить прошлое нельзя, а можно просто создать альтернативную ветку истории – то я-то как раз в этой *альтернативной* ветке...

На полуразрушенных ступеньках сидели какие-то ребята, один быстро писал – вероятно, адресами обмениваются. Неподалеку усатый серьезный дядька в выгоревшей гимнастерке негромко наигрывал на гармошке, а две пары девчонок кружились в вальсе. На них смотрели бойцы, но почему-то никто не пытался разбить девичьи пары. Боятся, что ли?

– Горохов, давай! Ты ж могёшь! – шутливо толкнул меня в бок капитан-связист из штаба полка. – А то неправильно это: столько кавалеров кругом, а дамы друг с другом танцуют.

Могу. Вальс я танцевать могу. Только это все равно будет неправильно, но откуда это знать капитану?

– Иди, приглашай, – еще кто-то хлопнул меня по спине. Хорошо так хлопнул, от души – аж звон пошел. – Смотри, какие девчонки красивые!

Девчонки и в самом деле были красивые. Чумазые, худенькие, в выгоревшей форме, коротко стриженные, но самые красивые в мире. Кажется, я слишком хорошо вошла в свою «мужскую роль». Поправить гимнастерку, пилотку – надвинуть на бровь... И – вперед. Вон та, русая – в отличие от остальных, у нее были косички. Коротенькие и упругие, они упрямо торчали в разные стороны.

– Разрешите?

Девушка просияла глазами в ответ.

Нежная, завораживающая мелодия венского вальса, кружатся пары, оказывается, нужно было просто подать пример, другие бойцы разбивают девичьи пары, и вскоре, кажется, танцует вся площадь... Партнерша мне попала просто замечательная, ее очень легко вести в танце, она слушается буквально намек на движение, и мы кружимся, кружимся, и площадь кружится вокруг нас...

– Что с ним? – слышу я краем уха; небо надо мной такое синее, такое далекое, рядом появляется озабоченное девичье лицо. Знакомое... Ах, да, ведь только что я танцевала с этой девушкой...

– Горохов, что с тобой? – озабоченно гудит шмелем политрук. – Горохов, ты меня слышишь? Открой глаза!

Я слышу, но открывать глаза не буду. Не могу. Со мной происходит то, чего подсознательно я ждала все это время – *я возвращаюсь*. Домой, в настоящее тело, в свое

время. И единственное, чего мне жаль до слез, так это того, что я так и не успела оставить свой автограф на стене Рейхстага.

Эпилог

Недалекое будущее

Нахальный солнечный лучик прорвался-таки сквозь жалюзи, ласково погладил по щеке и потом шаловливо прыгнул в глаз, ослепив на мгновение. Анатолий Андреевич прикрыл глаза. Устал. Раньше мог работать сутками, держался на одном лишь кофе и превосходно себя чувствовал. А сейчас – все. Выдохся. Сдулся, словно воздушный шарик. Может, просто потому, что больше некуда бежать, что-то делать – осталось просто сидеть и ждать. Хорошо бы еще знать – чего именно.

Где-то совсем недалеко, через несколько стенок, спали в отдельных палатах Виктор и Наталья. Спали без надежды когда-либо прийти в себя. А может, с надеждой? В это очень хотелось верить. Анатолий Андреевич похлопал себя по карманам, достал мятую пачку. Курить ему врачи запретили. Впрочем нервничать тоже запретили, а попробуй тут не понервничай...

Сизый дым окутал его. Надо было бы открыть окно, а то помощник ругаться будет, что накурено...

Он выпустил в потолок кольцо дыма, ненароком скосил взгляд. В зеркале отразился невысокий седой человек с глубокомысленным выражением лица. Интересно, почему у людей самые сосредоточенные, глубокомысленные лица именно в тот момент, когда в голове ни единой, пускай даже самой завалищенькой, мысли?

Зазвонил телефон. Анатолий Андреевич нажал кнопку.

– Слушаю.

Н-да, с голосом надо что-то делать – звучит так, как будто он давным-давно скончался и общается с подчиненными с того света.

– Анатолий Андреевич! – булькнуло в трубке, звонил начальник второго отдела разработки, стоявший вместе с ним у истоков создания самой концепции программы «Слияние». Его *тоже* звали Виктором... э-эх...

Виктору тоже, кстати, что-то с голосом надо делать.

– Анатолий Андреевич, у нас посетители!

Посетители? Судя по голосу – неординарные. ФСБ какая-нибудь? Снова пришли закрывать их контору? В прошлый раз воспринялось почти как трагедия, хотя он и был уверен, что продолжит свои изыскания любой ценой. В этот... в этот ему было *все равно*.

– Анатолий Андреевич, – голос программиста набрал силу. – Мы сейчас вместе с э-э... товарищами к вам поднимемся. Они из МГБ.

Последнее слово он выделил, однако до шефа сразу не дошло. ФСБ, КГБ – какая разница? Ну, оговорился человек, бывает...

– МГБ, – еще раз подчеркнул программист, – *Министерство Государственной Безопасности*, – и отключился.

МГБ?! Такого не существует... Но существовало... То есть... то есть у них *получилось изменить историю? Цель его жизни достигнута?!*

Радости все равно не было – одно только опустошение. Получиться-то получилось, а кто знает – к лучшему это или к худшему? И потом – какой ценой? Виктора-младшего, Витька он не вернет. А ведь парень был ему как сын... Не слишком ли поздно он понял это? И эта девочка, Наталья – Витька же влюбился в нее, только не сумел догадаться об этом. Потому, что был погружен в работу так же, как и его начальник. Сумеют ли они встретиться хотя бы *там*? А другие игроки – те, о которых он не думает сейчас только потому, что не знает их лично? Или правильнее будет говорить – «не знал»?

Телефон снова зазвонил.

– Товарищ директор, – сказали в трубке. – Наши подопечные вышли из комы. К вечеру их можно будет навестить.